

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Дервягина Ольга Евгеньевна

**ПРЕСТУПНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность: 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
профессор Шишко И. В.

Красноярск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Обоснованность криминализации ограничения конкуренции	17
Глава 2. Объективные признаки ограничения конкуренции	43
§ 2.1. Объект ограничения конкуренции	43
§ 2.2. Объективная сторона ограничения конкуренции	65
Глава 3. Субъективные признаки ограничения конкуренции	107
§ 3.1. Субъект ограничения конкуренции.....	107
§ 3.2. Субъективная сторона ограничения конкуренции	145
Глава 4. Дифференциация уголовной ответственности за ограничение конкуренции.....	163
§ 4.1. Особенности толкования квалифицирующих признаков ограничения конкуренции.....	163
§ 4.2. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности.....	183
Заключение	198
Список используемых источников	206
Приложение 1. Последствия картельных соглашений, указанные в ЗОЗК.....	257
Приложение 2. Условия освобождения от ответственности: сравнение прим. 1 к ст. 14.32 КоАП, прим. 3 к ст. 178 УК и ч. 2 ст. 76.1 УК.....	259

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Принцип поддержки конкуренции (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ) и недопущения экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ), – составные конституционной основы рыночной экономики, что свидетельствует о ценности конкурентных отношений.

Конкуренция заставляет хозяйствующих субъектов осуществлять деятельность честно и эффективно, интенсифицирует производственные процессы, что приводит к установлению равновесной цены товара, а значит, и благу для потребителей. В связи с этим конкуренция нуждается в стимулировании и защите, в том числе и уголовно-правовыми мерами.

Стремление хозяйствующих субъектов к монополизму – естественное, объективное стремление, обусловленное желанием получить неконкурентное преимущество на рынке. Картельные соглашения, будучи скрытой формой монополизма, нивелируют конкуренцию и причиняют существенный вред интересам государства. Именно поэтому Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» картели признаны одной из угроз экономической безопасности государства.

Сложившаяся экономическая и внешнеполитическая ситуация стимулирует рост числа картельных сговоров, их проникновение в стратегические, жизненно важные сферы деятельности государства и требует эквивалентного ответа.

В рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации в целях создания эффективной единообразной практики борьбы с картелями Правительство Российской Федерации утвердило Межведомственную программу мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 годы. Она призвана консолидировать усилия и ресурсы ор-

ганов власти для отстаивания национальных интересов России и создать единую практику по предотвращению картельных соглашений.

Картели составляют большую часть выявленных антиконкурентных соглашений¹. По оценкам экспертов, ущерб от картелей на товарных рынках и торгах составляет 1,5–2 % размера ВВП ежегодно, что в абсолютных цифрах может составлять до 1,5 трлн руб.; завышение цен картелями на торгах достигает 30 % начальной максимальной цены контракта, 18 % – на товарных рынках, 23 % – трансграничными, международными картелями². Ежегодно антимонопольные органы выносят несколько сотен решений по делам о картелях. Количество привлеченных к административной ответственности юридических лиц достигает полутора тысяч, а сумма административных штрафов – 3 млрд руб.³ При этом количество уголовных дел и приговоров по ст. 178 УК РФ⁴ исчисляется единицами.

Картели называют самодетерминирующим преступлением, главным фактором воспроизведения которых является их нераскрываемость⁵. Отсутствие реального уголовного наказания приводит к ложному представлению о допустимости подобных преступных действий и их масштабированию. Из этого следует необходимость повышения эффективности уголовно-правовых мер борьбы с картелями.

Внесение на рассмотрение Государственной Думы РФ очередного проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁶ об изменении ст. 178 УК, постоянное изменение регулятивного законодательства (подготовлен уже «пятый антимонопольный пакет» поправок в антимонопольное за-

¹ Картелизация российской экономики [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/content/infografika/2026>.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 848246-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

³ Там же.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 (далее по тексту – УК).

⁵ Иващенко К. А. Проблемы самовоспроизводства картелей // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 4 (16). С. 19.

⁶ Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019) [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

конодательство), Постановление Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»¹, в котором отражено судебное толкование норм антимонопольного законодательства, свидетельствуют о том, что законодатель и правоприменитель продолжают искать оптимальный вариант борьбы с картелями.

В литературе противоречиво оценивают криминализацию ограничения конкуренции и чрезвычайно разнообразно определяют объект преступления, структуру объективной стороны (в частности, является ли ограничение конкуренции последствием), способы определения дохода и ущерба, круг лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую доход², признаки субъективной стороны, обоснованность включения квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения», что, безусловно, затрудняет применение ст. 178 УК.

В связи с этим тема исследования «Преступное ограничение конкуренции: теоретические и прикладные аспекты» является весьма актуальной.

Степень научной разработанности темы. Основные теоретические вопросы квалификации экономических преступлений были исследованы Б. В. Волженкиным, Л. Д. Гаухманом, А. Э. Жалинским, И. А. Клепицким, Н. А. Лопашенко, С. В. Максимовым, Т. В. Пинкевич, И. В. Талан, В. И. Тюниным, С. И. Улезько, Т. Д. Устиновой, И. В. Шишко, А. М. Яковлевым, П. С. Яни, Б. В. Яцеленко и другими авторами. В их публикациях были сформулированы выводы, имеющие научное и прикладное значение для изучения преступного ограничения конкуренции. Однако они не были нацелены на исследование именно преступного ограничения конкуренции, что не позволило авторам рассмотреть многие вопросы его квалификации.

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 04.03.2021 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (документ опубликован не был).

² Здесь и далее под «лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход» подразумеваются «иные физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации».

Позднее отдельные признаки ограничения конкуренции рассмотрены в работах Г. А. Есакова, В. И. Тюнина, М. В. Талан, П. С. Яни. Признавая безусловную ценность данных исследований, отметим, что в настоящее время в научной литературе не разрешены в полном объеме вопросы обоснованности криминализации ограничения конкуренции, структуры его объективной стороны, криминообразующих и квалифицирующих признаков.

Уголовной ответственности за антиконкурентные действия посвящены диссертационные исследования: Е. В. Жукова, А. Н. Бойцова, А. В. Денисовой, А. Ю. Улезько, К. М. Хутова. Однако в них анализируются предыдущие редакции ст. 178 УК, и эти работы могут быть использованы, главным образом, в части ретроспективного анализа ограничения конкуренции.

В период криминализации единственно картельных соглашений (2015 г.) проведены диссертационные исследования Д. М. Лаптевым и И. В. Бациным. Однако исследователи не затронули указанные выше вопросы, а также не учли последние изменения в уголовном и регулятивном законодательстве.

Таким образом, в настоящее время в отечественной уголовно-правовой науке диссертационных исследований всех признаков преступного ограничения конкуренции, учитывающих изменения в уголовном и регулятивном законодательстве, нет.

Цель диссертационной работы состоит в научном обосновании криминализации ограничения конкуренции и толкования его признаков с учетом изменений в уголовном и регулятивном законодательстве.

Для достижения указанной цели следует решить следующие **задачи**:

- доказать обоснованность криминализации ограничения конкуренции;
- определить объект и признаки объективной стороны преступного ограничения конкуренции, раскрыть их особенности;
- выработать предложения по способу определения дохода как криминообразующего признака ограничения конкуренции;
- установить круг лиц, которые могут быть признаны субъектом ограничения конкуренции, с учетом изменений в регулятивном законодательстве;

– уточнить признаки субъективной стороны преступного ограничения конкуренции, раскрыть их особенности;

– исследовать квалифицирующие признаки ограничения конкуренции и обоснованность их включения в ч.ч. 2, 3 ст. 178 УК;

– выявить проблемы освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции.

Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым диссертационным исследованием, посвященным всесторонней уголовно-правовой характеристике преступления, предусмотренного ст. 178 УК в редакции «четвертого антимонопольного пакета».

В работе впервые: доказана обоснованность криминализации ограничения конкуренции путем исследования всех общепризнанных оснований криминализации; раскрыты признаки-последствия картеля и проведено разграничение некоторых из них с законной предпринимательской деятельностью; обоснована необходимость дифференциации способов расчета дохода, полученного картелем на торгах, в зависимости от определенных условий; аргументировано признание хозяйствующими субъектами арбитражного управляющего, индивидуального аудитора и оценщика, занимающегося частной практикой; установлено, что самозанятые граждане к хозяйствующим субъектам не относятся; обосновано, что к получению дохода в крупном размере умысел может быть только прямым; доказана необоснованность включения квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» и, наоборот, обоснованность включения квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения»; предложен способ унификации оснований освобождения от ответственности за деяния, предусмотренные ст.ст. 178 УК и 14.32 КоАП РФ¹; дано толкование «иных мер» заглаживания причиненного вреда.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется актуальностью и новизной рассматриваемых проблем, всесторонним исследованием

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 (далее по тексту – КоАП).

объективных и субъективных элементов ограничения конкуренции как преступления, предусмотренного ст. 178 УК. Сформулированные в результате исследования выводы и их аргументация расширяют сферу научного знания в области уголовной ответственности за ограничение конкуренции. Положения настоящей работы могут быть использованы в качестве основы для дальнейшей научно-исследовательской деятельности по изучению проблем уголовно-правовой регламентации и квалификации картельных соглашений, в образовательном процессе при подготовке учебной литературы и обучении студентов дисциплинам уголовно-правового блока, в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства, а также в правоприменительной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общих и частнонаучных методов исследования, в том числе использованы диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Выбор предмета исследования потребовал проведения комплексного анализа отдельных междисциплинарных проблем, находящихся на стыке юриспруденции и экономики.

Положения, выносимые на защиту. Результаты диссертационного исследования отражены в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Обоснованность криминализации ограничения конкуренции, причинившего крупный ущерб либо повлекшего извлечение дохода в крупном размере, впервые доказана путем исследования всех общепризнанных оснований криминализации: ему присущи достаточная для криминализации общественная опасность, относительная распространенность и неблагоприятная динамика, с ним невозможно бороться менее репрессивными мерами, а у системы уголовной юстиции необходимые возможности есть.

2. Доказано, что основной непосредственный объект ограничения конкуренции – отношения, связанные с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением. Сторонами этого

отношения являются, с одной стороны, хозяйствующие субъекты, а с другой, государство, а содержанием – право государства требовать такого поведения от хозяйствующих субъектов, которое не приводит к ограничению конкуренции путем заключения картельного соглашения, и этому праву корреспондирует обязанность хозяйствующих субъектов (а не всех прочих лиц) не совершать действий, направленных на ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения. *Недобросовестная конкуренция в основной непосредственный объект не входит.*

Дополнительный обязательный объект ограничения конкуренции – имущественные отношения, а применительно к квалифицированному ограничению конкуренции – отношения в сфере государственной и муниципальной службы (п. «а» ч. 2 ст. 178 УК) и здоровье (ч. 3 ст. 178 УК).

Дополнительным факультативным объектом как основного, так и квалифицированных составов выступают интересы потребителей в смысле, придаваемом им в п. 23 ст. 4 ЗоЗК¹, то есть интересы юридических лиц или физических лиц, приобретающих товар, а в некоторых случаях – общественное здоровье.

3. Обосновано определение дохода как разницы между доходом от реализации товаров (работ, услуг), извлеченным всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения *в результате заключения и (или) участия в таком соглашении*, и доходом, который сформировался бы в конкурентных условиях. Такой способ определения дохода объясняется тем, что участники соглашений осуществляют свою хозяйственную деятельность на законных основаниях (в отличие от незаконного предпринимательства) и получают легальные доходы. Картельное соглашение обеспечивает им получение только «сверхдохода».

Исключение составляет определение дохода, полученного в результате самых распространенных соглашений – соглашений на торгах, при условии, что в них наряду с членами картельного соглашения принимали участие иные хозяйствующие субъекты. В этом случае доход, полученный от заключения договора на торгах, обусловлен исключительно *незаконными* действиями участников картеля,

¹ Здесь и далее подразумевается ФЗ «О защите конкуренции». См.: О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

и им должно признаваться все полученное от заключения договора на торгах (выручка без вычета произведенных расходов).

4. С учетом результатов исследования понятия «профессиональная деятельность, приносящая доход» и установленных в п. 5 ст. 4 ЗоЗК критериев отнесения лиц, осуществляющих такую деятельность, к хозяйствующим субъектам («в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации»), *обосновано* признание хозяйствующим субъектом (а значит, субъектом ограничения конкуренции) арбитражных управляющих, оценщиков, занимающихся *частной* практикой, а также *индивидуальных* аудиторов (соискатель не согласен с отнесением к хозяйствующим субъектам *всех* аудиторов и оценщиков) и, наоборот, непризнание хозяйствующим субъектом (а значит, субъектом ограничения конкуренции) нотариусов, адвокатов, медиаторов и патентных поверенных.

Впервые исследован вопрос о признании хозяйствующими субъектами самозанятых граждан. Установлено, что они не являются хозяйствующими субъектами, поскольку не подлежат *государственной* регистрации.

5. Обосновано, что субъектами картельного соглашения, заключенного хозяйствующими субъектами-юридическими лицами, могут признаваться не только те, кто уполномочен осуществлять юридически значимые действия: картель – соглашение *противоправное*, и правовые полномочия на его заключение не обязательны.

В этом случае субъектом преступного ограничения конкуренции должны признаваться лица, могущие определять действия юридического лица:

– де-юре (выполняющие не любые организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, а именно определяющие его действия) *или*

– де-факто (то есть лица, которые в соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ¹ имеют *фактическую возможность* определять действия организации).

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 (далее по тексту – ГК).

6. Виновные в картельном соглашении предвидят именно *неизбежность* ограничения конкуренции (первое последствие, указанное в диспозиции ст. 178 УК). Это вытекает из самой природы картельных соглашений: они относятся к соглашениям *per se*, то есть к *безусловно* приводящим к ограничению конкуренции.

7. Поскольку виновный в ограничении конкуренции желает получить доход в крупном размере, умысел к этому последствию может быть только прямым. Сознательное допущение или безразличное отношение к этому общественно опасному последствию невозможны. Сознательное допущение или безразличное отношение возможны только к причинению ущерба в крупном размере.

8. Картели могут заключаться не только юридическими лицами либо только индивидуальными предпринимателями или лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход, но могут быть и смешанными, а ограничение конкуренции, совершенное «смешанным» картелем, охватывается не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 178 УК вменяется всем виновным).

Кроме того, минимальный размер криминообразующих признаков (дохода в крупном размере и крупного ущерба) столь высок, что картели, заключенные только индивидуальными предпринимателями (лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), редко могут достичь этого размера.

В связи с этим на практике преобладает ограничение конкуренции, подпадающее под ч. 2 ст. 178 УК. И поскольку деяния, содержащие квалифицирующие признаки, не могут встречаться чаще деяний, содержащих признаки основного состава, признак «с использованием служебного положения» следует исключить.

9. Отступление от условий соглашения участникам картеля экономически выгодно (например, снижение цены на товар в сравнении с установленной cartelем позволяет его участнику значительно увеличить объем реализации этого товара), поэтому реализация картельного соглашения предполагает взаимный контроль его участников и применение санкций к участникам-оппортунистам. С учетом изложенного, включение особо квалифицирующего признака «с применением

насилия или угрозой его применения», вопреки мнению многих авторов, в ч. 3 ст. 178 УК вполне обоснованно.

10. Высокая латентность картельных соглашений обуславливает особое значение положения об освобождении от уголовной ответственности, мотивирующее участников картеля к сообщению о сговоре. Неполное совпадение условий освобождения от уголовной и административной ответственности препятствует выявлению картелей, и для обеспечения их единообразия предложено примечание 1 к ст. 14.32 КоАП дополнить условием о возмещении ущерба или заглаживании иным образом причиненного вреда.

Для реальной исполнимости этого условия в примечаниях к ст. 14.32 КоАП и к ст. 178 УК их необходимо сформулировать с учетом редакции проекта статьи 178 УК: возмещение ущерба и заглаживание иным образом причиненного вреда должно производиться в объеме, в котором они причинены *участником* картеля (а не всем картелем).

11. Впервые дано толкование заглаживания иным образом причиненного вреда, не сводящееся исключительно к перечислению дохода. Заглаживание может заключаться в принятии иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевших (например, предоставлении им в безвозмездное пользование помещений и оборудования, участия в финансовом оздоровлении в случае их банкротства, организации совместного производства и др.). Безусловным показателем достаточности иных мер следует считать восстановление доли рынка потерпевшего, выраженной в объеме производства и реализации продукции по отношению к объему производства и реализации на рынке в целом.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования. Выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, имеют высокую степень достоверности, что подтверждается следующим:

– применен широкий комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, которые составляют методологическую базу диссертационного исследования;

– осуществлен сравнительно-правовой анализ нормативной правовой базы, определяющей положение картельных соглашений, включающей не только нормы уголовного, но и административного и антимонопольного законодательства;

– поскольку исследование картелей носит междисциплинарный характер, в работе использованы данные, полученные ведущими учеными-экономистами (С. Б. Авдашевой, Д. А. Алешиним, С. А. Барковой, К. В. Дозмаровым, И. В. Князевой, А. Г. Сушкевичем, А. Е. Шаститко), а также учеными в области гражданского (А. А. Войцехович, П. В. Крашенинниковым, В. Ф. Попондопуло), предпринимательского (В. С. Белых, И. В. Ершовой, М. А. Егоровой, В. С. Мартемьяновым, О. А. Тарасенко), антимонопольного (Д. А. Петровым, С. А. Пузыревским, А. П. Тенишевым, О. П. Франскевич, М. А. Хамуковым, Е. В. Шоломовой, Г. Ф. Юсуповой) и административного (А. Ю. Киневым, К. Ю. Тотьевым, А. С. Шавыриной) права, раскрывающие понятие «вредоносность» и признаки картельных соглашений.

В процессе написания диссертации автор использовал труды таких специалистов в области уголовного права, как Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, С. В. Векленко, В. Н. Винокуров, Л. Д. Гаухман, Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, В. Н. Кудрявцев, В. М. Лебедев, Т. А. Лесниевски-Костарева, А. В. Наумов, В. И. Плохова, Вал. В. Питецкий, А. И. Рарог и др.

– произведен анализ судебной и иной правоприменительной практики, сложившейся по поводу привлечения виновных лиц к уголовной, административной и антимонопольной ответственности за картельные соглашения.

Так, эмпирическую базу исследования составляют акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, опубликованная судебная практика Верховного Суда РФ; статистические сведения ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» о преступлениях, предусмотренных главой 22 УК, за 1996–2021 гг.; статистические данные, предоставленные Федеральной антимонопольной службой России; 42 материала доследственной практики и уголовных дел о преступном ограничении конкуренции (в том числе и в период действия предыдущих редакций ст. 178 УК). Кроме того, соискатель использовал 15 материалов антимоно-

польных дел по ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, а также 38 материалов арбитражной практики. Выводы сделаны в результате лично проведенного автором анализа приговоров по ст. 178 УК за период с 1996 по 2021 г. Используются пояснительные записки к проектам федеральных законов о внесении изменений в ст. 178 УК.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации, отражены в 20 публикациях (объемом 11 п. л.), одна из которых опубликована в журнале, индексируемом в международных цитатно-аналитических базах данных Scopus, а также четыре статьи опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, были отражены в выступлениях автора на научных и научно-практических конференциях, среди которых: Межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях реформирования естественных монополий и государственного управления» (Красноярск, 2005 г.); Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Молодежь и наука – третье тысячелетие» (Красноярск, 2005, 2006 гг.); Региональная научно-практическая конференция «Аграрная наука на рубеже веков» (Красноярск, 2005, 2006, 2007 гг.); Международная научная конференция «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе» (Красноярск, 2006, 2009 гг.); Межвузовская научно-практическая конференция «Правовое регулирование предпринимательской деятельности в современных условиях: проблемы и механизмы разрешения» (Красноярск, 2006, 2008, 2009 гг.); V Международная научно-практическая конференция молодых ученых Сибирского федерального округа «Современные тенденции развития АПК в России» (Красноярск, 2007 г.); Международная научно-практическая конференция ИГиЕН СибФУ «Юридическая наука: состояние, проблемы, пути совершенствования» (Красноярск, 2007 г.); Ре-

гиональная научно-практическая конференция «Уголовное право России на рубеже тысячелетий» (Тюмень, 2007 г.); Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция с международным участием «Инновации в науке и образовании: опыт, проблемы, перспективы развития» (Красноярск, 2008 г.); II Международная (заочная) научно-практическая конференция молодых ученых «Инновационные тенденции развития агропромышленного комплекса России» (Красноярск, 2008, 2010 гг.); IX Межрегиональная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых преподавателей «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» (Томск, 2009 г.); IV Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовая модернизация как фактор развития общества и государства», посвященная памяти профессора А.С. Горелика (Красноярск, 2009 г.); III Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых: «Взгляд молодежи на права человека в современном мире: основные проблемы и пути их решения» (Красноярск, 2009 г.); Международная конференция «Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества» (Красноярск, 2010 г.); Круглый стол журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Журнал Сибирского федерального университета»: «Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации» (Красноярск, 2012 г.); Международная научно-практическая конференция «Задачи современной юриспруденции» в рамках дней юридической науки СФУ (Красноярск, 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Охрана и защита конкуренции в современных экономических условиях» (Красноярск, 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 2014–2020 гг.); а также в докладе на заседании Общественного совета при Красноярском УФАС России; нашли свое отражение в подготовке и проведении обучающего семинара для представителей строительной организации – участника торгов по теме: «Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции)».

Полученные результаты внедрены в учебный процесс при проведении занятий по дисциплинам «Преступления в сфере экономической деятельности», «Предпринимательское право», «Конкурентное (антимонопольное) право», «Антимонопольный комплаенс» (для обучающихся по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»).

Структура диссертации определена поставленными автором целью, задачами и логикой научного исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников, приложений.

ГЛАВА 1. ОБОСНОВАННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

Часть антиконкурентных действий была криминализована еще Уголовным кодексом РСФСР 1960 г.¹, однако до сих пор вопрос об обоснованности и пределах их криминализации в юридической литературе должным образом не исследован. Лучшим доказательством этого стало сверхдинамичное изменение редакции ст. 178 УК²: на ее примере видно, что «набор» признаков состава ограничения конкуренции (ранее – недопущения, ограничения или устранения конкуренции) в разных редакциях этой статьи то увеличивается, то сокращается.

В итоге в 2015 г. законодатель из всего перечня нарушений антимонопольного законодательства, криминализованных ранее, «оставил» в УК лишь заключение картельных соглашений, то есть соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами, которые могут повлечь пять указанных в п. 1 ст. 11 ЗоЗК последствий (установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышение, снижение или поддержание цен на торгах, раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращение или прекращение производства товаров; отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками))³.

¹ Ст. 154.3 введена Законом РФ от 01.07.1993 № 5304-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1231 // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1309332>.

² Статья меняла редакцию пять раз: Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 (в первоначальной редакции); О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации № 50. 2003. Ст. 4848; О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 31. Ст. 3922; О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 12.12.2011. № 50. Ст. 7343; О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 45-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 09.03.2015. № 10. Ст. 1415.

³ О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 45-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 09.03.2015. № 10. Ст. 1415.

Однако из проекта федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в редакции от 29.11.2019)¹ видно, что разработчик (ФАС России) имеет иное представление об обоснованности криминализации антиконкурентных деяний. В частности, по его мнению, следует вновь криминализировать часть запрещенных антимонопольным законодательством общественно опасных ограничивающих конкуренцию соглашений, а именно соглашений между организатором торгов и (или) заказчиком с участником торгов, а равно участие в картельных соглашениях.

С другой стороны, ФАС России считает необходимым повысить «планку» криминообразующего признака «крупный» (применительно к ущербу и размеру дохода). Иными словами, авторы законопроекта в очередной раз приходят к выводу о необходимости частичной докриминализации и частичной декриминализации деяний, описанных в ч. 1 ст. 178 УК.

С момента разработки проекта прошло три года. Однако он был всего лишь внесен на рассмотрение Государственной Думы, что свидетельствует об отсутствии единого представления о том, какие именно деяния, приводящие к ограничению конкуренции, подлежат криминализации при наличии крупного ущерба/крупного размера дохода.

Вместе с тем, по мнению авторов Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК, может эффективно охраняться антимонопольным и гражданским законодательством, а степень общественной опасности этого преступления и необходимость уголовной репрессии за него неочевидны².

Эта позиция поддерживается и в настоящее время. Так, в рамках VIII Петербургского Международного Юридического Форума (Санкт-Петербург, 15–19 мая 2018 г.) участники дискуссии о гуманизации уголовного законодательства в области

¹ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

² Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 69.

экономики указали, что одна из проблем, волнующих бизнес-сообщество, – это избыточная криминализация экономических преступлений¹.

В 2018 г. уполномоченный по защите прав предпринимателей в своем ежегодном послании Президенту РФ предложил исключить из указанного выше проекта поправки, «вводящие необоснованное уголовное давление и подменяющие собой административные меры»². В свою очередь, президент ТПП РФ, президент Российского союза промышленников и предпринимателей и президент «Деловой России» предложили премьер-министру Д. А. Медведеву рассмотреть возможность «полной декриминализации» картельных соглашений³.

Таким образом, по мнению ряда представителей уголовно-правовой науки, а также представителей объединений предпринимательского сообщества, криминализация даже части антиконкурентных соглашений либо недостаточно обоснованна, либо необоснованна.

Итак, вопрос обусловленности криминализации картельных соглашений относится к числу остродискуссионных⁴.

В юридической литературе этот вопрос исследовался в отношении ряда антиконкурентных деяний. Однако большая часть работ написана в период действия ст. 178 УК в редакции 2003 г.⁵, то есть в период, когда в ней еще не предусматривался такой обязательный альтернативный криминообразующий признак, как «крупный размер дохода», который привел к значительной докриминализации недопущения, ограничения или устранения конкуренции.

Между тем не все ученые признают крупный размер дохода достаточным

¹ Новости. Владимир Груздев: нужен постоянный мониторинг принятых в уголовном законодательстве мер [Электронный ресурс]. URL: <http://alrf.ru/news/vladimir-gruzdev-nuzhen-postoyanny-monitring-prinyatykh-ugolovnom-zakonodatelstve-mer>.

² Книга жалоб и предложений российского бизнеса 2018 [Электронный ресурс] // Доклад Президенту Российской Федерации Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. 2018. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf>.

³ Без сроков за картель: о чем бизнес попросил Медведева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/07/2018/5b5ee4799a7947cea4e1add8>.

⁴ Деревягина О.Е. К проблеме обусловленности криминализации ограничения конкуренции (ч. 1 ст. 178 УК РФ) // Юридические исследования. 2019. № 4. С. 27–43.

⁵ Главы диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук А.Ю. Улезько, К.М. Хутова, А.Н. Бойцова. См.: Улезько А.Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2005; Хутов К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2006; Бойцов А.Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006.

для криминализации деяния, с которыми этот доход сопряжен. Так, специалисты неоднократно высказывались о том, что незаконное предпринимательство по признаку получения дохода в крупном размере не представляет общественной опасности¹. Более того, известный правовед А. М. Яковлев утверждал, что «разграничение между преступлением в сфере экономической деятельности и гражданско-правовым деликтом не количественное (размер дохода, ущерба), а качественное – наличие (или отсутствие) обмана или злоупотребление доверием. ... отсутствие такого признака лишает основания уголовно-правовую реакцию на действия в сфере экономической деятельности вне зависимости от полученного дохода ...»².

В условиях существования столь разных мнений, в том числе *прямо противоположных*, исследование обоснованности криминализации картельных соглашений приобретает особую актуальность.

Отметим, что вопрос о критериях криминализации ограничения конкуренции с учетом последней редакции ст. 178 УК исследован С. В. Максимовым и К. А. Утаровым³. Однако ввиду незначительного объема части работы, посвященной этому вопросу, и специфики ряда использованных ими критериев криминализации, необходимость обоснования криминализацию картельных соглашений, причинивших крупный ущерб либо повлекших извлечение дохода в крупном размере, сохраняется.

Проблема криминализации деяний – комплексная и сложная. Ее правильно рассматривать как процесс обоснования не только факта объявления деяния преступным и наказуемым, но также содержания и формы уголовно-правовых норм⁴. Криминализация есть процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности

¹ См.: *Иванова Я.Е.* Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. С. 3–4; *Аистова Л.С.* К вопросу декриминализации незаконного предпринимательства // Уголовный закон в развитии: сб. науч. статей / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Тюнина. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 120; *Гармаш А.М.* Предпринимательство на грани преступления // ЭЖ-Юрист. № 16.

² *Яковлев А.М.* Законное определение преступлений в сфере экономической деятельности // Государство и право. 1999. № 11. С. 42.

³ *Максимов С.В., Утаров К.А.* Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности: монография / Под ред. В.П. Заворухина. М.: ИПРАН РАН, 2018. С. 22–25.

⁴ *Плохова В.И.* Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 281.

уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых¹.

Основания криминализации формулировали многие авторы, такие как К. Кенни², П. А. Фефелов³, П. С. Дагель⁴, И. М. Гальперин⁵, В. Н. Курляндский⁶, А. В. Наумов⁷, Г. А. Злобин⁸, А. И. Коробеев⁹, В. Н. Кудрявцев¹⁰, Н. А. Лопашенко¹¹ и другие.

Несмотря на то что изучению этого процесса посвящены труды многих ученых, единого определения оснований криминализации нет. Отсутствует даже их определенное терминологическое обозначение: одни авторы именуют их принципами, другие – условиями, третьи – задачами. Более того, каждый автор относит к основаниям уголовно-правового запрета различные факторы. В нашем исследовании мы не ставим перед собой задачи комплексного анализа подходов к определению оснований криминализации¹², однако отметим, что практически все указанные авторы, помимо общественной опасности, выделяют такие основания, как относительная распространенность и неблагоприятная динамика конкретных деяний, невозможность борьбы с ними при помощи менее репрессивных, не уголовно-правовых мер, возможность системы уголовной юстиции и исторические традиции формирования уголовного запрета.

Рассмотрим вопрос обоснованности криминализации ограничения конку-

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / Под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 100.

² Кенни К. Основы уголовного права. М.: Иностранная литература, 1949. С. 27–29.

³ Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 101–103.

⁴ Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68–74.

⁵ Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 58.

⁶ Курляндский В.Н. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 81.

⁷ Наумов А.В. Проблемы декриминализации: причины и способы // Советская юстиция. 1990. № 14. С. 19.

⁸ Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 70–76.

⁹ Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 59.

¹⁰ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Л.Г. Кригер и др.; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 17.

¹¹ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 108–127.

¹² Достаточно полный анализ подходов к определению оснований криминализации приведен в диссертационном исследовании А. Д. Нечаева. См. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2017.

ренции, придерживаясь перечисленных общепризнанных оснований криминализации деяния.

Общественная опасность. Определение общественной опасности деяния, по мнению Г. А. Злобина, есть тот исходный пункт движения познания, от которого оно должно отправляться при исследовании вопросов обоснованности криминализации¹. Общественная опасность деяний не является устойчивым понятием. Ее переоценка осуществляется постоянно под влиянием определенных отрицательных или положительных обстоятельств, объективно обуславливающих необходимость криминализации (или напротив, декриминализации) того или иного деяния².

К определению этого понятия авторы относятся по-разному. Одна группа исходит из субъективно-объективного характера общественной опасности, утверждая, что «она, являясь реальной, существует вне нашего сознания, в то же время субъективно воспринимается законодателем, иными органами государства и гражданами»³. Другие указывают на необходимость определения критериев общественной опасности, одним из которых выделяют вред, который это деяние причиняет или может причинить обществу⁴. «Опасность подразумевает объективно существующую возможность вредоносного воздействия на систему, в результате которого она прекращает свое существование или не сможет выполнять свои основные функции»⁵.

Некоторые авторы, ссылаясь на абстрактность исследуемого понятия, указывают на отсутствие критериев определения общественной опасности того или иного преступления. В частности, А. Г. Федоров предлагает такой критерий (уменьшающий эту абстрактность), как «изоляция правопорядка от преступни-

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. С. 217.

² *Хавронюк Н.И.* Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке: сб. междунар. науч.-практ. конф. М.: МГЮА, 2004. С. 447.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. А.И. Марцева. Омск, 2006. С. 72. См. также: *Филимонов В.Д.* Генезис преступления. М., 2017. С. 63; *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск, 2000. С. 10.

⁴ *Коробеев А.И.* Указ. соч. С. 69; *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. С. 108; Курс уголовного права: в 5 т. / Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 84.

⁵ *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. С. 74.

ка»¹. Автор пишет о необходимости определения того, «является ли лицо, совершившее деяние, подпадающее под признаки состава преступления, настоящим преступником – преступной личностью, которая непременно должна быть изъята из правопорядка, поскольку без такого изъятия легальный правопорядок будет неизбежно и постоянно подвергаться опасности»².

«Примеряя» предложенный подход к преступным картельным соглашениям, отметим, что изъятие субъекта (а это практически всегда руководитель организации³) существенно не повлияет на наличие (отсутствие) сговора, который приводит к монополизации рынка в целом. Поведение хозяйствующих субъектов на рынке определяют участники соглашения, и тогда, следуя логике ученого, необходимо «изолировать» юридическое лицо, однако по УК данная категория к субъектам преступления не относится.

Здесь считаем необходимым отметить и следующее. По мнению большинства специалистов в области административной ответственности, административному правонарушению тоже присуща общественная опасность⁴. Между тем законодатель упоминает общественную опасность исключительно в отношении преступления. Основанием криминализации в настоящее время, очевидно, следует считать не просто общественную опасность, а общественную опасность определенной (требующей криминализации) степени. Полагаем, что одним из основных критериев, определяющих такую степень общественной опасности, выступает социальная значимость объекта, на охрану которого направлены уголовно-правовые нормы.

Соответственно, для того чтобы определить, обладает ли ограничение конку-

¹ Федотов А.Г. Некоторые дискуссионные проблемы уголовного права [Электронный ресурс] // Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 169. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/03/06/1293872225/concept2010.pdf>.

² Там же.

³ Подробнее о субъекте преступления, предусмотренного ст. 178 УК, см. в параграфе 3.1 диссертации.

⁴ См.: Шавырина А.С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/11-4-voprosy-sootnosheniya-prestupleniy-i-smeznyh-administrativnyh-pravonarusheniy>; Дерюга А.Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2011. № 8(176). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-priznak-administrativnogo-pravonaru-sheniya>; Куликов Е.А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2016. № 1. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_17662.html.

ренции достаточной общественной опасностью для признания его преступным, необходимо установить, насколько заключение картельных соглашений вредоносно для конкуренции, что такое конкурентные отношения, насколько они ценны для общества и насколько исследуемое деяние для них вредоносно.

Заметим, что понятие «конкуренция» многогранно. Его можно рассматривать как с позиции экономической теории, так и с позиции права.

В переводе с латинского термин «конкуренция» означает «сталкиваться», «сбегаться»¹. Поэтому наиболее часто встречающиеся определения характеризуют конкуренцию как соперничество, состязательность между участниками рынка за достижение результатов на каком-либо поприще, за лучшие, экономически более выгодные условия производства, купли-продажи товаров и услуг (исходя из так называемой поведенческой теории конкуренции)². Помимо поведенческой теории существует морфологическая³, функциональная⁴ и смешанная⁵, раскрывающие сущность конкуренции.

Законодательное понятие конкуренции сформулировано в п. 7 ст. 4 ЗоЗК: конкуренция – это соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Как видим, законодатель, раскрывая понятие конкуренции, воспринял толь-

¹ Черемных Ю. Н. Микроэкономика. Продвинутый уровень. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 460.

² Так, А. Смит рассматривал конкуренцию как соперничество индивидуальных продавцов и покупателей на рынке за более выгодные условия продажи и покупки товаров соответственно. См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997. С. 58. По мнению С. А. Барковой, «конкуренция – это экономический процесс взаимодействия, взаимосвязи и борьбы между субъектами, собственниками товаров и услуг за наиболее выгодные условия производства и реализации». См.: *Баркова С.А.* Исследование конкуренции на товарных рынках: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 1997. С. 28; *Джабуа И.В.* Правовые основы ограничения монополистической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 15; Конкурентное право России // Российское конкурентное право и экономика. Научно-практический электронный журнал. Вып. 2. С. 69. URL: www.fas.gov.ru.

³ См.: *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика. М., 1992. Т. 1 С. 52–53.

⁴ См.: *Мокроносов А.Г., Маврина И.Н.* Конкуренция и конкурентоспособность: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2014. С. 13.

⁵ См. напр.: *Киперман Г.Я., Сурганов Б.С.* Популярный экономический словарь. М.: Экономика, 1993. С. 90; *Гуляев Г.Ю., Малова И.В., Устинова О.Е.* Современные подходы к обеспечению конкурентоспособности региона, отрасли, предприятия: монография. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. С. 12; *Новиков М.В.* Недобросовестная конкуренция как одна из форм злоупотребления гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 36.

ко поведенческую теорию. При изучении процессов развития конкуренции фактически анализируются закономерности и особенности рыночной экономики. Известно, что рыночные отношения наиболее предпочтительны как экономические отношения, которые наиболее эффективно решают основные проблемы общества и также предполагают его участие в определении объема, структуры и динамики общественных благ. Все указанные процессы так или иначе связаны с конкуренцией.

В литературе существуют два подхода к оценке общественной значимости конкуренции. Первый – идеологический, вытекающий из базовых ценностей демократического общества. При данном подходе конкуренция рассматривается как «противоядие от частной власти, угрожающей основам демократического общества»¹. Кроме того, сторонники этого подхода указывают, что конкуренция позволяет достичь социально справедливого распределения результатов функционирования экономики, которые выражены, во-первых, в низких барьерах входа на рынок и, во-вторых, конкуренция позволяет участнику рынка получить вознаграждение, соответствующее его знаниям и умениям².

Второй подход (экономический) детально разработан в экономической науке и обосновывает преимущества конкуренции перед иными способами распределения ограниченных ресурсов в целях удовлетворения потребностей индивидов и фирм³. В этом случае общественная полезность конкуренции обусловлена так называемой аллокативной эффективностью, то есть той ролью, которую конкуренция играет в распределении ресурсов в соответствии с предпочтениями потребителей⁴ и макроэкономической эффективностью, то есть наиболее экономным использованием ресурсов страны при достижении наибольшего прироста благосостояния

¹ Конкурентное право России // Российское конкурентное право и экономика. Научно-практический электронный журнал. Вып. 2. С. 71.

² Конкурентное право России: учебник / Д.А. Алешин, И.Ю. Артемьев, Е.Ю. Борзило и др.; отв. ред. И.Ю. Артемьев, А.Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 19.

³ Там же.

⁴ Аллокативная эффективность конкуренции характеризуется следующим: 1) минимизирует риск производства ненужных или слишком дорогих для потребителей товаров; 2) способствует динамической адаптации экономики к постоянно меняющимся предпочтениям потребителей. Это выражается в непрерывном процессе инновационных и научных исследований, которые вынуждены проводить производители, а также в воздействии конкуренции на всех производителей и продавцов, которые вынуждены снижать издержки и цены на продукцию, поскольку постоянно существует угроза ухода клиентов к конкуренту. См.: Конкурентное право России // Российское конкурентное право и экономика. Научно-практический электронный журнал. Вып. 2. С. 71.

общества на единицу использованных ресурсов.

К изложенному добавим следующее. У хозяйствующего субъекта стремление к монополизму – это естественное, объективное стремление, обусловленное желанием получить неконкурентное преимущество на рынке. «Конкуренция же заставляет работать субъектов честно и эффективно, интенсифицирует производственные процессы, что приводит к установлению равновесной цены товара, а значит, и благу для потребителей. В связи с этим конкуренция нуждается в защите и стимулировании. Эту функцию на себя берет государство и реализует принципы защиты и стимулирования конкуренции в государственной политике»¹.

Учитывая, что конкуренция и предотвращение монополизации – *составные конституционной основы рыночной экономики*, ценность конкурентных отношений несомненно высока.

Конструируя диспозицию ч. 1 ст. 178 УК, законодатель определяет деяние как заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). Поэтому более детально остановимся на том, насколько вредоносны для конкурентных отношений картельные соглашения.

Картели – это *исключительно ущербноносные соглашения*. На примере ущерба, причиненного в результате только сговоров на торгах, видно, что потери государства измеряются глобальными цифрами. Начальник отдела по борьбе с картелями ФАС России А. П. Тенишев оценил ущерб от картелей в сфере госзакупок на уровне 1,5–2 % ВВП в год². Если взять весь объем закупок, исчисляемый трил-

¹ Под государственной политикой понимается совокупность ценностных целей, государственно-управленческих мер, решений, действий и порядка реализации государственно-политических решений и действий и порядка реализации государственно-политических решений (поставленных государственной властью целей). См.: Сулакшин С.С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений (государственных политик) // Проблемы современного государственного управления в России. Вып. 1. М., 2006. С. 22.

² ФАС: картельные сговоры обходятся России в 1,5–2 % ВВП в год [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/14850>.

лионами, можно представить, какой вред наносят национальной безопасности страны картельные сговоры¹.

Некоторые авторы сопоставляют вред от картелей на торгах с последствиями «международных санкций» для российской экономики. При этом указывают на то, что «точный объем “выпадающей бюджетной экономии”, учитывая высокую латентность картелей и то, что они зачастую сами влияют на формирование начальной (максимальной) цены контракта, еще предстоит определить»². Подчеркнем, мы указали сферу только торгов, а картельными сговорами могут быть поражены все сферы экономической деятельности³.

Антиконкурентные соглашения в целом признаются самым мощным ограничением свободного действия рыночных сил и «главным злом конкуренции», так как дезавуируют естественные рыночные регуляторы⁴, рождают политическую олигархию⁵. Во многих странах картельное поведение приравнено к мошенничеству⁶. Соглашения, ограничивающие конкуренцию, приводят к снижению эффективности использования ограниченных ресурсов, а также препятствуют экономическому развитию. Это связано прежде всего с тем, что результатом ограничивающих конкуренцию соглашений является повышение средних издержек для хозяйствующих субъектов на последующих стадиях технологических цепочек (это – оборотная сторона повышения цен на промежуточные товары), что сопровождается снижением фактического объема выпуска по сравнению с потен-

¹ В качестве яркого местного примера приведем результаты торгов по шести аукционам на сумму более 1,8 млрд руб. на выполнение работ по «содержанию автомобильной дороги М54 «Енисей» от Красноярск через Абакан и Кызыл до границы с Монголией. В результате сговора между участниками торги завершились снижением начальной цены контрактов (то есть предложенной) всего на 0,5 %, что повлекло ущерб в размере более 700 млн руб.». См.: Решение ФАС России по делу № 1-11-146/00-22-14 от 22.12.2014 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <https://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ka-52665-14>.

² Бандурина Н.В., Тенишев А.П. Картелизация как фактор снижения эффективности государственных расходов в сфере закупок // Вестник АККОР. 2016. № 4(3). С. 58.

³ См. рис. 1 в: Сферы экономической деятельности с наибольшим числом нарушений ст. 11, 16 ЗоЗК за 2017 г. [Электронный ресурс] // Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2018. URL: <https://fas.gov.ru>.

⁴ Кинев А.Ю. Ответственность за антиконкурентные соглашения (картели) // Законодательство. 2011. № 6. С. 59.

⁵ Клецицкий И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? // Законодательство. М., 2005. № 10. С. 56–63.

⁶ Австралия: правительство предлагает объявить картели вне закона [Электронный ресурс] // Всемирный обзор по конкуренции. 2008. Т. 11. Вып. 3. URL: <https://fas.gov.ru>.

циально возможным, а также ведет к повышению цен конечной продукции¹.

Соглашение можно рассматривать как одно из наиболее серьезных нарушений конкурентного законодательства из-за существенного вреда, который они наносят потребителям и экономике в целом. В результате конкуренции потребитель всегда имеет выгоду, поскольку получает продукцию и услуги более высокого качества по более низкой цене. В случае, когда хозяйствующие субъекты договариваются и ограничивают конкуренцию, потребители неизменно терпят убытки.

Результат антиконкурентного соглашения – монополистическое положение, в силу которого между его участниками конкуренция устраняется. Данное положение для хозяйствующих субъектов взаимовыгодно, поэтому поддерживается всеми участниками соглашения и имеет продолжительный характер. Соответственно, иные участники, не являющиеся сторонами такого соглашения, ограничены во входе на рынок.

При этом повышенный вред именно картельных соглашений заключается в следующем. Поскольку участники этого сговора хозяйствующие субъекты-конкуренты, то, объединяясь, они увеличивают свою «долю» на одном товарном рынке, тем самым получая рыночную власть. Чем больше доля хозяйствующих субъектов, находящихся в сговоре, тем больше их влияние на условия обращения товара на соответствующем рынке. А у хозяйствующих субъектов – участников картеля резко увеличивается (максимализируется) прибыль.

Стимулом к заключению таких соглашений выступает возможность устанавливать цены на более высоком уровне, чем он может быть достигнут благодаря конкуренции между покупателями и продавцами. Международный опыт показывает, что из-за картельных соглашений и согласованных действий цены в среднем повышаются на 30 %! Чем больше число рынков, где действуют участники соглашений, тем выше соответствующий рост цен². В случаях же, где цены зани-

¹ Шаститко А.Е. Государственная политика в отношении соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию (экономический подход). Аналитический доклад. М.: ТЕИС, 2004. С. 7.

² Паращук С.А. Понятие и виды монополистической деятельности // Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) / Под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности. Юстицинформ, 2016. С. 323.

жаются (картельные соглашения, совершенные путем снижения цен на торгах), последствия связаны с оказанием услуг низкого качества, недоуплатой налогов (сборов), предусмотренных законодательством РФ, нарушением трудового законодательства и безопасности населения. Так, на рынке услуг охраны в результате демпинга на торгах не обеспечивается антитеррористическая защищенность социальных объектов, охраняемых частными охранными организациями – участниками картеля.

Если применить компаративистский подход к утверждению о вредоносности картелей, то отметим, что существует и международная практика их запрета. Например, в США антиконкурентными признаются договор, объединение или сговор с целью ограничения конкуренции. Перечень таких соглашений законодательно не установлен и определяется судебной практикой.

Наиболее серьезными ограничениями торговли в США признаются сговоры о ценах или фиксировании цен, поскольку, как указывает К. М. Беликова, их целью является предотвращение конкуренции на рынке в виде такой координации действий конкурентов, когда они становятся единым монополистом, повышающим цены, уменьшающим объемы производства и получающим монополистическую прибыль¹.

Согласно положениям раздела 45 Закона 1986 г. о конкуренции Канады сговором признается объединение, соглашение или достижение договоренности любого лица с любым иным лицом с целью: ненадлежащего ограничения возможностей по пользованию транспортом, средствами производства, источниками снабжения, местами хранения или торговли продукции; сокращения производства или неразумного повышения цен; предотвращения, ограничения, сокращения, причинения вреда конкуренции².

Отметим, что в Европейском Союзе предусмотрен примерный перечень таких соглашений и (или) согласованных действий. Критерий – причинение ущерба

¹ Беликова К.М. Сговор как разновидность монополистической практики, ограничивающей конкуренцию, в странах НАФТА // Журнал российского права. 2008. № 1.

² Ячеистова Н. Пресечение антиконкурентных действий: международный опыт правового регулирования // Российская юстиция. 2000. № 6.

торговле между государствами-членами и предотвращение, ограничение или искажение конкуренции в пределах общего рынка как следствие (цель)¹. В отношении запрещенной практики Договор ЕС устанавливает запрет на заключение соглашений между предприятиями, принятие решений их ассоциациями и осуществление согласованных действий, если их предметом является фиксирование цен, ограничение объема выпуска, а также раздел рынка².

Закон о конкуренции 1992 г. Мексики запрещает монополии и монополистическую практику: абсолютную (*per se*) и относительную (правило разумности). Согласно Закону абсолютная монополистическая практика – это договоры, соглашения, договоренности или объединения конкурирующих между собой экономических агентов, целью или следствием которых является: 1) установление, повышение, согласование цен или манипулирование ими, а также обмен информацией, имеющий такую цель или следствие; 2) обязательства не производить и не продавать товары или услуги более установленных числа единиц, объема производства или частоты выпуска; 3) раздел фактического или потенциального рынка, клиентелы, поставщиков; 4) установление, согласование или координация цен на аукционе или отказ от участия в аукционах, торгах, в том числе публичных³.

В Германии, Франции, Великобритании и Японии также запрещены горизонтальные соглашения, влекущие ограничение конкуренции⁴.

Таким образом, и в российском, и в иностранном законодательстве картельные и иные горизонтальные соглашения прямо запрещены законом, поскольку приносят непоправимый вред экономике путем ограничения конкуренции.

Итак, высокая вредоносность картелей не вызывает сомнения, однако закономерно возникает вопрос, действительно ли они причиняют наибольший вред из всех нарушений антимонопольного законодательства?

¹ Попондопуло В.Ф. Защита конкуренции: законодательное регулирование в России и за рубежом // Международное публичное и частое право: проблемы и перспективы. СПб., 2007. С. 441.

² Беликова К.М., Безбах В.В. Запрещенная деловая практика и квалифицирующие ее признаки по праву ЕС и стран МЕРКОСУР. Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Боливии, Перу и Чили // Право и политика. 2006. № 8.

³ Цит. по: Беликова К.М. Указ. соч. С. 115.

⁴ Попондопуло В.Ф. Указ. соч. С. 440.

Как видно из приложения 1, к перечисленным в ч. 1 ст. 11 ЗоЗК последствиям картельных соглашений могут приводить и другие нарушения антимонопольного законодательства (злоупотребление доминирующим положением, согласованные действия, вертикальные соглашения, координация экономической деятельности, соглашения с органами власти). Однако законодатель криминализировал исключительно картели, несмотря на то что аналогичные последствия (пусть не в полном объеме) присущи иным нарушениям.

На наш взгляд, это объясняется тем, что применительно к иным антиконкурентным действиям законодатель указывает на необходимость доказывания последствий их влияния на конкуренцию (недопущения, ограничения или устранения конкуренции). При картельном сговоре доказывания этих последствий не требуется. Они презюмируются. Речь идет о так называемом запрете «*per se*»¹, смысл которого будет раскрыт в параграфе 2.2.

Возникает вопрос, если пять последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, могут быть последствиями и иных соглашений, то почему последние не являются запретами «*per se*». Например, ч. 5 ст. 11 ЗоЗК (координация экономической деятельности) полностью совпадает с диспозицией ч. 1 ст. 11 ЗоЗК в части последствий. Как видно, единство последствий картельных соглашений для объяснения их большей опасности недостаточно. Определяющим фактором является то, что в картеле договоренность достигается между субъектами-конкурентами, то есть субъектами одного товарного рынка. Следовательно, благодаря сговору, товарный рынок монополизирован за счет увеличения совокупной доли влияния (рыночной власти) этих субъектов.

Итак, картели опасны не только в связи с тем, что являются запретами «*per se*», но и потому, что такие соглашения в наибольшей степени усиливают влияние на рынке.

В дополнение к этому, как верно указывают М. А. Егорова и А. Ю. Кинев: «Подчинение тех или иных видов антиконкурентных действий тому или иному

¹ Запреты *per se* были сформулированы Верховным судом США, постановившим, что факт совершения соглашений признается необходимым и достаточным условием для признания такого в качестве нарушения антимонопольного законодательства.

виду правового режима является следствием правовой политики, проводимой государством в отношении правового регулирования предпринимательской деятельности»¹. Это также, на наш взгляд, объясняет отнесение тех или иных последствий соглашений к безусловно запрещенным.

Итак, картельное соглашение – общественно опасное деяние, и тем более не оставляет сомнений обоснованность криминализации картельных соглашений, повлекших извлечение дохода в размере, пятикратно превышающем (более 50 млн руб.) крупный размер ущерба (более 10 млн руб.).

Относительная распространенность и неблагоприятная динамика ограничения конкуренции. Проанализируем динамику нарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 178 УК, однако сразу подчеркнем: дискуссионность признака распространённости нарушений заключается в том, что мы должны опираться на статистические данные, которые, конечно, отражают реальность неточно: ограничение конкуренции относится к латентным правонарушениям².

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 178 УК в настоящее время наступает только за одно деяние – заключение хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). Все иные ограничивающие конкуренцию соглашения, неоднократное злоупотребление доминирующим положением, вызвавшееся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, – декриминализованы и влекут административную ответственность. Получение крупного дохода либо причинение крупного ущерба сохранились остались в качестве обязательных альтернативных признаков объективной стороны.

Динамика возбужденных дел за период действия ст. 178 УК в редакции Фе-

¹ Егорова М.А., Кинев А.Ю. Недостатки и пути совершенствования легитимной дефиниции понятия «признаки ограничения конкуренции» // Актуальные вопросы современного конкурентного права. 2018. Вып. 2. С. 37–50.

² См.: Хакулов М.Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 21; Ушаков А.Ю. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в целях ограничения конкуренции на товарных рынках // Правовая система в Российской Федерации: история, содержание, применение норм, проблемы, пути решений: материалы II Международной научно-практической конференции 15 декабря 2016 г., г. Пермь. Пермь. 2017. С. 162; Чураев Т.Г. Уголовная ответственность за ограничение и устранение конкуренции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 75.

дерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ следующая: 2015 г. – 1 дело, 2016 г. – 4 дела, 2017 г. – 9 дел¹, 2018 г. – 14², 2019 г. – 25, 2020 г. – 21³.

При этом все материалы, проанализированные в рамках исследования, указывают на то, что выявляются преступные картельные соглашения исключительно на торгах. Эта тенденция прослеживается в течение действия ст. 178 УК во всех редакциях, и логично предположить, что органы следствия наработали определенный опыт квалификации подобных деяний. Тем не менее за последние два года судом вынесено только семь приговоров (один из которых отменен в апелляционном порядке)⁴. Однако, как показало изучение материалов доследственных проверок и уголовных дел, последние не доходят до суда не из-за отсутствия состава преступления в действиях виновных, а из-за непонимания следователями антимонопольного законодательства и признаков состава ограничения конкуренции.

Так, уголовное дело в отношении руководителей ООО «Экосити» и ООО «Спецтранссити», заключивших ограничивающее конкуренцию соглашение на рынке по удалению и обработке твердых отходов, было прекращено⁵. Хозяйствующие субъекты договорились о разделе рынка: одна компания заключала договоры с определенным кругом потребителей, отвечающих определенным признакам, а другая – с иным кругом потребителей.

Для доказывания раздела рынка в деле был проведен анализ перечня абонентов (клиентов), с которыми ООО «Спецтранссити» и ООО «Экосити» заключили договоры на оказание услуг по сбору и вывозу твердых бытовых и крупногабаритных отходов. Анализ показал, что подавляющее большинство клиентов ООО «Экосити» – хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность, не связанную с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами, и являющиеся плательщиками налога на добавленную стоимость, а клиенты ООО

¹ Статистические сведения ГИАЦ МВД России за 2015–2020 гг. Форма 491. Раздел 8.

² Антикартельные расследования: основные итоги и планы работы ФАС России на 2019 год. Интервью с А.П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями федеральной антимонопольной службы Российской Федерации // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ О рассмотрении обращения: письмо ФАС России от 15.04.2021 № АЦ/30387/21 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Там же.

⁵ Постановление о прекращении уголовного дела от 21.08.2016. Великий Новгород // Архив УМВД по Новгородской области.

«Спецтранссити», напротив, являлись управляющими компаниями и товариществами собственников жилья, которые налог на добавленную стоимость не платят.

Следователь СУ УМВД по Новгородской области прямой умысел руководства ООО «Экосити» и ООО «Спецтранссити» на ограничение конкуренции не установил. Он заключил: «Из показаний директоров хозяйствующих субъектов-конкурентов следует, что установление обоими обществами одинаковых тарифов на удаление твердых отходов никак не повлияло на стоимость тарифа организаций-конкурентов, в связи с тем, что указанным организациям доминирующее положение на товарном рынке не принадлежит. Соответственно, конкуренция на товарном рынке ООО «Экосити» и ООО «Спецтранссити» ограничена не была»¹.

Из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела видно, что следователь доказывает отсутствие ограничения конкуренции путем опроса конкурентов, а не требуемым экономическим анализом товарного рынка. Кроме того, вопреки законодательству о защите конкуренции, следователь, пытался установить у сторон картеля доминирующее положение.

Как видим, усовершенствование только уголовного законодательства желаемого результата не даст. Мы поддерживаем С. В. Максимова и К. А. Утарова в том, что «ключ к решению проблемы низкой эффективности борьбы с антиконкурентными преступлениями лежит не только в сфере уголовного законодательства, но и в сфере уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности и криминологической профилактики, т. е. всего комплекса средств уголовной политики»².

Исходя из анализа дел, возбужденных по ст. 178 УК в период 2015–2020 гг., возникает вопрос: обоснована ли криминализация указанных деяний, учитывая небольшой удельный вес этих преступлений?

Ответ на этот вопрос может быть только положительным.

Прежде всего, трудно назвать определенное число совершенных противоправных деяний, которое «свидетельствовало» бы о необходимости криминализации. В Уголовном кодексе есть статьи, предусматривающие ответственность за

¹ Постановление о прекращении уголовного дела от 21.08.2016. Великий Новгород // Архив УМВД по Новгородской области.

² Максимов С.В., Утаров К.А. Указ. соч. С. 20.

преступления, которые совершаются крайне редко, но тем не менее статьи сохраняются. Оспаривать криминализацию деяний только отсутствием их распространенности нельзя.

Так, П. С. Дагель справедливо считал, что криминализация таких деяний возможна и необходима как гарантия соблюдения соответствующих прав граждан¹. Малое количество дел в судах, отмечает Е. В. Епифанова, не может выступать причиной их декриминализации, потому что уголовный закон призван не только пресекать преступления, но и предупреждать их².

Статья 178 УК является действующей, благодаря ей обеспечивается защита конкуренции и гарантируется соблюдение одного из основных конституционных принципов – единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности³.

Несмотря на небольшой удельный вес уголовных дел, возбужденных в связи с ограничением конкуренции, статистика антимонопольных и административных дел о картелях свидетельствует, что их *немало*.

Приведем данные по принятым решениям по картелям по ч. 1 ст. 11 ЗоЗК: в 2013 г. – 148; в 2014 г. – 173; в 2015 г. – 219; в 2016 г. – 267, в 2017 г. – 279; в 2018 г. – 315⁴, 2019 г. – 346; 2020 г. – 315⁵. Таким образом, картельные соглашения есть, и они выявляются. Другое дело, что определение крупного дохода (или крупного ущерба) не является обязанностью антимонопольного органа, и поэтому участники картеля привлекаются к административной ответственности, основанием которой является само картельное соглашение. Редкие материалы передаются в правоохранительные органы.

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. С. 256.

² Епифанова Е.В. Криминализация и декриминализация деяний // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 26.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 06.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. Ст. 8.

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 848246-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

⁵ О рассмотрении обращения: письмо ФАС России от 15.04.2021 № АЦ/30387/21.

В связи с изложенным отрицать относительную распространенность и неблагоприятную динамику ограничения конкуренции нельзя.

Следующее основание уголовно-правового запрета – *это невозможность борьбы с нарушением при помощи менее репрессивных, не уголовно-правовых мер.*

Как указывают авторы Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере¹, отношения, являющиеся объектом ст. 178 УК, могут эффективно охраняться антимонопольным и гражданским законодательством, и поэтому подвергают сомнению общественную опасность и необходимость уголовной репрессии за исследуемое преступление.

Проведем анализ возможных мер борьбы с картелями с целью определения их эффективности по сравнению с уголовно-правовым запретом. Полагаем, что к этим мерам можно отнести административную ответственность за заключение антиконкурентного соглашения и гражданскую ответственность в форме возмещения убытков от действия картеля², а также ликвидацию юридического лица по иску государственного органа при нарушении антимонопольного законодательства³ как гражданско-правовую санкцию⁴.

Проанализируем действенность каждой меры.

За картельные соглашения предусмотрена административная ответственность в виде штрафа на должностных лиц в размере от 40 до 50 тыс. руб. или дисквалификации на срок от одного года до трех лет; на юридических лиц – от трех сотых до пятнадцати сотых размера суммы выручки правонарушителей от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителей на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее 100 тыс. руб. (ст. 14.32 КоАП).

¹ Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере [Электронный ресурс]. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 69. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76082780>.

² П. 3 ст. 37 ЗоЗК, ст. 15 ГК.

³ Пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК.

⁴ Щеглов Д.С. Место принудительной ликвидации юридических лиц в системе гражданско-правовой ответственности // Крымский научный вестник. 2015. № 3. С. 34–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskikh-lits-v-sisteme-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 24.04.2020).

Угроза указанного штрафа слабо сопоставима с имущественными выгодами, которые участники антиконкурентного соглашения намерены извлечь. И значит, административный штраф не обеспечивает цели административного наказания, а, следовательно, за картель необходимо установление уголовной ответственности.

Поскольку от участия в картеле хозяйствующий субъект получает гиперприбыль, то штрафы от получения этой гиперприбыли ему не препятствуют. Еще экономист Гэри Беккер писал: «Чтобы санкция создавала достаточный уровень сдерживания, необходимо, чтобы ожидаемый выигрыш нарушителя был ниже ожидаемого выигрыша ненарушающего закон»¹. По данным С. Б. Авдашевой, штрафы за картельные сговоры равны 1/7 от полученной прибыли². Таким образом, если возможный доход, получаемый при нарушении антимонопольного законодательства, существенно превышает возможные финансовые последствия от административного штрафа, риск нарушения антимонопольного законодательства возрастает.

Поведение хозяйствующих субъектов, заключающих картельное соглашение, обуславливается мощной предпосылкой – так называемой «экономической памятью» о существовавшем ранее централизованном планировании и ценообразовании, а также стереотипом использования «административного ресурса» при решении хозяйственных вопросов³. Влияние указанной предпосылки, наличие иных благоприятных факторов для картелизации⁴, сопутствующее желание получить гиперприбыль стимулируют участников картеля настолько, что угроза штрафа или дисквалификации – незначительный фактор борьбы с ними.

Как правильно указывают М. И. Исмаилов и В. Н. Юдин, «отсутствие ре-

¹ *Becker G.S.* Crime and punishment: An Economic Approach // *Becker G.S., Landes W.M.* Essays in the Economics of Crime and Punishment. N.Y.: Columbia Univ. Press (for NBER), 1974. P. 1–54. Цит. по: *Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157. Кн. 6. С. 257.

² URL: <https://www.coursera.org/lecture/otraslevye-rynki/4-2-pochiemu-sghovory-sushchiestvuiut-oKAGK>.

³ *Хамуков М.А.* Особенности проявления картелей в российской промышленности и методы их выявления // Вестник СавКавГТИ. 2016. № 4(27). С. 62.

⁴ Подробный анализ факторов, влияющих на появление картелей, см.: *Ivaldi M., Jullien B., Rey P., Seabright P. Tirole J.* The Economics of Tacit Collusion. Final Report for DG Competition, European Commission. IDEI, Toulouse, 2003. 75 p.

альной уголовной ответственности за картели <...> и совершенно не способствует общей и частной превенции этих правонарушений. Поэтому привлечение к уголовной ответственности участников картелей крайне важно»¹.

Кроме того, возможность применения мер гражданско-правовой ответственности за картельное соглашение, на наш взгляд, является скорее косвенной формой борьбы с картелями, чем сдерживающим фактором, неслучайно данные меры именуют компенсаторно-восстановительными².

Часть 3 ст. 37 ЗоЗК предусматривает возмещение убытков (включая упущенную выгоду), возмещение вреда, причиненного имуществу в результате нарушения антимонопольного законодательства. Указанная норма была внесена «третьим антимонопольным пакетом»³ и направлена на развитие практики обращения граждан и хозяйствующих субъектов в суд с частными (или коллективными) исками в связи с нарушением антимонопольного законодательства. Отметим, что судебная практика взыскания убытков, причиненных непосредственно нарушением законодательства о защите конкуренции, постепенно формируется⁴. Однако примеров взыскания ущерба, причиненного именно картельными соглашениями, нет.

Юридическое лицо может быть ликвидировано «по иску государственного органа <...> в случае осуществления юридическим лицом деятельности, *запрещенной законом*, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов»⁵.

¹ См.: *Исмаилов М.И., Юдин В.Н.* Взаимодействие антимонопольных и правоохранительных органов при доказывании наличия антиконкурентных соглашений (ст. 11 и ст. 16 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» // Российское конкурентное право и экономика. 2016. № 2(6). С. 46; *Сухаренко А.* Декартелизация экономики // ЭЖ-Юрист. 2017. № 24. С. 2.

² *Исмаилов М.И., Юдин В.Н.* Указ. соч.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 12.12.2011. № 50. Ст. 7343.

⁴ См., например: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.07.2010 по делу № А40-46424/10-59-378; Постановление ФАС Московского округа от 07.09.2012 по делу № А40-118546/2010 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru>.

⁵ Пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК.

В свою очередь, пп. «д» п. 6 ст. 23 ЗоЗК к полномочиям антимонопольного органа относит возможность обращения «в арбитражный суд с исками ... о ликвидации юридических лиц в случаях, предусмотренных антимонопольным законодательством». Антимонопольное законодательство предусматривает данное полномочие исключительно в случае государственного контроля за экономической концентрацией¹, то есть сделками или иными действиями, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции².

В связи с этим антимонопольный орган не может подавать иск о ликвидации юридического лица – участника картеля. Исходя из смысла пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК, указывающего на то, что юридическое лицо ликвидируется по решению суда «по иску государственного органа или органа местного самоуправления <...> в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов», этим полномочием должен обладать иной орган государственной власти, например к ним относятся органы прокуратуры.

Приводимые нормы являются хорошим теоретическим, но практически нереализуемым механизмом для предотвращения картельного поведения, поскольку ликвидация юридического лица не пресекает возможность создания новых юридических лиц теми же учредителями: ст. 23 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ такого основания для отказа в государственной регистрации не предусматривает³.

Полагаем, что установление уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства имеет высокое превентивное значение, которое не могут обеспечить нормы административного и гражданского законодательства.

С точки зрения *возможностей системы уголовной юстиции* данные преступления поддаются обнаружению и регистрации, а лица, их совершившие, – установлению и воздействию на них пенитенциарными мерами. Многолетний за-

¹ П.1 ст. 34 ЗоЗК.

² П. 21 ст. 4 ЗоЗК.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

рубежный опыт неопровержимо подтверждает возможность выявления антиконкурентных соглашений. Успешный опыт раскрытия сложных дел о картелях есть и в России¹.

Учитывая незначительное количество уголовных дел о картелях, государство предпринимает меры для совершенствования системы привлечения к ответственности за них².

Не вдаваясь в глубокий анализ системных причин, препятствующих ведомствам в раскрытии преступного ограничения конкуренции, хотелось бы сместить акцент в сторону увеличения возможностей системы уголовной юстиции путем наделения антимонопольных органов правом проводить оперативно-розыскные мероприятия. Дело в том, что антимонопольное законодательство – сложное, и для толкования многих норм требуются не только правовые знания, но и знания в сфере экономики. В настоящее время наиболее глубоко этими знаниями обладают сотрудники антимонопольных органов, однако они не имеют всех полномочий, необходимых для эффективного раскрытия картелей. Передача лицам, применяющим антимонопольное законодательство, больших полномочий для выявления и пресечения картелей будет способствовать раскрытию ограничения конкуренции правоохранительными органами.

Исторические традиции установления уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства исследовали многие авторы.

¹ Кинев А.Ю. Взаимодействие антимонопольных органов с органами внутренних дел – важный фактор повышения эффективности борьбы с картелями // Юридический мир. 2012. № 5. С. 16–20; Раскрыт самый массовый картель в России [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/news/3307>; ФАС раскрыла один из крупнейших сговоров поставщиков медоборудования для лечения сердечно-сосудистых заболеваний [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/news/23437>; Пензенское УФАС России: «дорожные компании» оштрафованы на сумму более 21 млн рублей за картельный сговор [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/news/27230>.

² Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. [Электронный ресурс]: приказ ФАС России от 26.12.2013 № 879/13 (с изм. от 06.07.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>; Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению деятельности картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 гг.: распоряжение Правительства РФ № 1314-р от 17.06.2019; О межведомственной рабочей группе по вопросам противодействия правонарушениям и преступлениям в сфере антимонопольного законодательства, размещения заказов на поставку товаров, выполнения работ, оказания услуг: совместный приказ УФАС по Красноярскому краю, ГСУ СК РФ по Красноярскому краю и ГУ МВД РФ по Красноярскому краю № 72/35/601 от 30.11.2015; О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 04.03.2021.

Так, И. М. Гольдштейн указывал, что первые основы ответственности за заключение антиконкурентных соглашений были заложены еще на рубеже тысячелетий в Древнем Риме (вплоть до смертной казни)¹. Достаточно подробный анализ становления и развития антимонопольного законодательства (в том числе и иностранного) представлен в работах Е. В. Жукова², В. Т. Корниенко³, К. М. Хутова⁴, А. В. Денисовой⁵, А. Ю. Кинев⁶, И. В. Бацина⁷ и других ученых. Из анализа их работ можно сделать вывод, что антиконкурентные действия, выраженные в том числе в соглашениях, исторически признавались противозаконными.

В российском дореволюционном праве уголовная ответственность за посягательство на конкуренцию впервые была установлена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁸ Как верно отмечает А. Ю. Кинев, в России уголовная ответственность за сговор производителей и (или) торговцев появилась на 45 лет раньше, чем в США (Акт Шермана принят в 1890 г.), что опровергает общепринятое мнение об американском происхождении уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. После революции уголовная ответственность за «искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки между торговцами или путем злостного невыпуска товара на рынок» была введена Декретом СНК об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и обмене от 15.07.1921 (отменен Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928)⁹.

Переход России к рыночным отношениям вновь потребовал принятия нормативного правового акта, защищающего конкуренцию. Им стал Закон РСФСР от

¹ *Гольдштейн И.М.* Экономическая политика: курс лекций, читанных в Моск.ун-те и в Моск. коммерч. ин-те. Вып. 1. Союзы предпринимателей. История и теория. М., 1913. С. 55.

² *Жуков Е.В.* Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2003. 161 с.

³ *Корниенко В.Т.* Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 224 с.

⁴ *Хутов К.М.* Указ. соч.

⁵ *Денисова А.В.* Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Хабаровск, 2006.

⁶ *Кинев А.Ю.* Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью. М., 2012. 232 с.

⁷ *Бацин И.В.* Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование: дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 2017.

⁸ *Кинев А.Ю.* Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью. С. 8.

⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / Под ред. проф. И.Т. Голякова. М.: Государственное изд-во юрид. лит., 1953. С. 100.

22.03.1991 №948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Этот закон, в свою очередь, потребовал уголовно-правовых мер обеспечения. Соответственно, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. в 1993 г. появилась ст. 154³ «Незаконное повышение или поддержание цен», предусматривающая ответственность за незаконное повышение или понижение цен, совершенное в результате монополистической деятельности путем создания препятствий доступу на рынок другим хозяйствующим субъектам, либо изъятия товаров из обращения, либо сдерживания их от реализации, либо другого устранения от потребителей.

В новый УК РФ 1996 г. была включена ст. 178 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», в которой, как мы уже упоминали, неоднократно изменялись и диспозиция, и название статьи.

Итак, можно констатировать, что для ответственности за нарушение антимонопольного законодательства исторические предпосылки есть.

Резюмируя изложенное, отметим, что с точки зрения общественной опасности, учитывая относительную распространенность и неблагоприятную динамику, невозможность борьбы с ограничением конкуренции, причинившим крупный ущерб либо повлекшим извлечение дохода в крупном размере, при помощи менее репрессивных, то есть не уголовно-правовых мер, а также принимая во внимание возможности уголовной юстиции и исторические традиции, криминализация картельных соглашений в настоящее время вполне обоснованна.

ГЛАВА 2. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

§ 2.1. Объект ограничения конкуренции

В научной традиции анализ состава преступления начинают с определения его объекта.

Чем выше социальная ценность объекта, тем более общественно опасным признается посягательство на него¹. Кроме того, объект, как известно, является основанием построения структуры Особенной части Уголовного кодекса.

Профессор Б. С. Никифоров² и другие авторы³ считают, что объект преступления имеет важное значение для квалификации деяния как преступления: правильное определение объекта посягательства позволяет разграничить сходные между собой преступления.

Как известно, любая преступная деятельность субъекта (поведенческий акт) всегда воздействует на определенную часть объективной реальности, которая имеет достаточно сложную структуру и проявляется вовне через свое состояние.

Анализируя научную литературу, мы выделили несколько подходов к определению объекта преступления.

В классическом понимании им принято считать общественные отношения. В советской юридической литературе утверждалось, что такое понимание объекта вполне обоснованно. Так, по мнению А. Н. Трайнина⁴, Н. И. Загородникова⁵ и

¹ Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. С. 6.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. С. 6.

³ См., например: Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России: монография / Л.Л. Кругликов, А.В. Иванчин, О.Ю. Комарова и др.; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 127; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Под ред. В.С. Комиссарова. М.: Статут, 2014. С. 223; Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 108; и др.

⁴ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Юрид. лит., 1957. С. 123.

⁵ Загородников Н.И. Значение объекта преступления для определения меры наказания по советскому уголовному праву. М., 1949. С. 12.

Б. С. Никифорова¹, В. К. Глистина², объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным правом. Как отмечают И. Упоров и А. Хун, такой подход объясняется идеологической заданностью общественных наук, в рамках которой ученые-криминалисты не могли свободно высказывать свои мысли³.

Однако в последнее время наметился некоторый отход от однозначной трактовки понятия объекта преступления⁴. По мнению профессора А. В. Наумова, «теория объекта преступления как общественного отношения “срабатывает” не всегда и, следовательно, не может быть признана универсальной»⁵. Он считает возможным возвращение к теории объекта как правового блага, созданной в конце XIX в. в рамках классической и социологической школ уголовного права.

Другие правоведы расширяют понятие объекта преступления, добавляя в него «интересы» и «ценности».

Например, А. В. Пашковская признает объектом преступления «важнейшие социальные ценности, интересы, блага, охраняемые уголовным правом от преступных посягательств»⁶. И. Упоров называет объектом преступления «социальные интересы и блага, реализуемые нормами права, на которые посягает преступник, причиняя им реальный ущерб, предусмотренный уголовным законодательством»⁷.

По сути не оспаривая указанные позиции, Г. П. Новоселов утверждает, что «объектом любого преступления, а не только направленных против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в другом случае – в виде некоторого рода множества лиц, имеющих или

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 17.

² Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. С. 57–58.

³ Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различение со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. № 4. С. 64.

⁴ Чигарин Т. Объект преступления и его структура. URL: <http://www.allpravo.ru>.

⁵ Российское уголовное право. Общая часть: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 91.

⁶ Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.Н. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 438 (авт. главы И.В. Пашковская).

⁷ Упоров И., Хун А. Указ. соч. С. 64.

не имеющих статуса юридического лица, в третьем – в виде социума (общества)»¹.

В настоящее время в доктрине уголовного права под объектом преступления преимущественно понимают общественные отношения, охраняемые законом: и потребности, и блага, и ценности становятся таковыми только в структуре общественных отношений².

В теории уголовного права используется несколько классификаций объектов преступления. Так, выделяют общий, родовой (специальный) и непосредственный объекты преступления³. В другой классификации – общий, типовой, родовой и непосредственный⁴. Ряд авторов рассматривает общий и родовой (специальный) объекты⁵. Существуют классификации с выделением общего, интегрированного (лежит в основе деления Уголовного кодекса на разделы), родового, видового и непосредственного объектов⁶.

Безусловно, многообразие классификаций обусловлено тем, что понятие объекта преступления разработано лишь в уголовно-правовой теории и не имеет законодательного закрепления.

Считаем наиболее логичной четырехступенчатую классификацию объектов преступлений (данной точки зрения придерживаются А. В. Наумов⁷, Т. Л. Кригер⁸ и другие ученые). В такой классификации при наличии общего объекта, указанного в ч. 1 ст. 2 УК, родовыми объектами уголовно-правовой охраны признаются личность, экономика, общественная безопасность и общественный порядок, государственная власть, военная служба, мир и безопасность человечества (как особо

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 342 (автор главы VII – Г. П. Новоселов).

² Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. А.Н. Тарбагаева. М. : Проспект, 2015. С. 100; Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай и др. М.: Проспект, 2016. Стр. 78; Козлов А.П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 157.

³ Уголовное право России. Общая и особенная часть: учебник / Под ред. В.П. Ревина. М., 1998. С. 26.

⁴ Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / Под ред. Н.И. Ветрова. М., Смоленск, 2001. С. 69.

⁵ Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 171.

⁶ См.: Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права: учеб. пособие. М.: Инфа-М, 1997. С. 99; Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1: учебник для прикладного бакалавриата / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2019. С. 122.

⁷ Российское уголовное право. Общая часть: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова.

⁸ Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6 т. Часть особенная. Т. 5 / Г.Л. Кригер, А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин. М.: Наука, 1971.

социальные ценности). Далее выделяются видовой и непосредственный объекты.

Общий объект охватывает все общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Родовой объект объединяет нормы, устанавливающие ответственность за преступления, посягающие на однородные общественные отношения, в каждый из разделов Особенной части УК, а видовой – в главы.

Доминирует точка зрения, согласно которой *родовым* объектом преступлений в сфере экономики выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления товаров, работ и услуг¹.

Единого мнения по вопросу, какие именно отношения являются *видовым* объектом преступлений в сфере экономической деятельности, к сожалению, нет.

Понятие экономической деятельности, в силу отсутствия его нормативного закрепления, дают многие авторы. Так, Л. Д. Гаухман считает, что под экономической деятельностью следует понимать совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ². В свою очередь, исследователи в сфере экономического права предлагают определять экономическую деятельность как «перераспределительный процесс достижения эффективности на стадиях производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ (ценностей, ресурсов)»³.

По мнению Б. В. Волженкина, видовым объектом этих преступлений нужно признать охраняемую государством систему общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики. Иначе говоря, таким объектом является установленный порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности в сфере производства, распределения, обмена и потребления мате-

¹ См: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Учебно-консультационный центр «Юринфо», 1998. С. 16; Корчагин А.Г., Иванов А.М. Уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики и управления: сравнительное изучение // Государство и право. 2002. № 12. С. 40–47; Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., Юридический центр Пресс, 2007. С. 52; др.

² Уголовное право: Часть общая. Часть особенная: учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М., 1999. С. 431.

³ Еришов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 68.

риальных благ и услуг¹.

Считают видовым объектом установленный порядок осуществления экономической деятельности Б. М. Леонтьев² и М. Н. Урда³. Ближе к приведенным дает определение видового объекта и П. С. Яни – «установленный законом порядок в той или иной сфере экономической деятельности»⁴.

Некоторое сходство с перечисленными точками зрения имеет позиция Т. Д. Устиновой, по мнению которой видовой объект преступлений в сфере экономической деятельности – «общественные отношения, регулирующие порядок ведения экономической или хозяйственной деятельности, которые можно свести к следующим основным группам: производственная, коммерческая, финансовая, консультативная»⁵.

Сферы экономической деятельности перечисляет в своем определении и Т. В. Пинкевич, указывая, что видовым объектом преступлений гл. 22 УК выступают «общественные отношения, регулирующие деятельность государства в сфере предпринимательской деятельности, антимонопольного законодательства, валютного регулирования, кредитно-денежного, таможенного и налогового обращения»⁶. Две последние точки зрения мы не можем поддержать: порядок ведения экономической деятельности регулируют правовые нормы, а не общественные отношения.

По мнению И. В. Шишко, преступления в сфере экономической деятельности посягают на экономические правоотношения, то есть отношения, содержанием которых являются права и обязанности, уже установленные регулятивным законодательством⁷. Это мнение поддерживают многие авторы¹. Поддержала его и

¹ Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 76.

² Курс уголовного права в пяти томах. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М.: Зерцало, 2002. С. 38. (автор главы – Б.М. Леонтьев)

³ Урда М.Н. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности: учеб. пособие. Курск, 2014. С. 11.

⁴ Яни П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

⁵ Устинова Т.Д. Проблемы квалификации преступлений, посягающих на порядок ведения предпринимательской деятельности. М., 2002. С. 19.

⁶ Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: Уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. Ставрополь, 2000. С. 31.

⁷ Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 26.

Н. А. Лопашенко, уточнив, что правоотношения выступают объектом этих преступлений в подавляющем большинстве случаев². За пределы правоотношений, по ее мнению, выходят только те отношения, которые урегулированы обычаями делового оборота³.

Мы поддерживаем точку зрения, что видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности являются только экономические правоотношения⁴: «многие реальные отношения, в том числе важнейший круг отношений в сфере производства, распределения и потребления, могут существовать только в виде правоотношений»⁵.

Далее рассмотрим непосредственный объект преступного ограничения конкуренции.

Установление непосредственного объекта, как указывает А. В. Денисова, имеет важное значение для определения характера и степени общественной опасности деяния, правильной квалификации содеянного, а также для отграничения совершенного преступления от смежных деяний⁶.

Отсутствие единого представления об объекте любого преступления и видовом объекте преступлений в сфере экономической деятельности отражается и на определении непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК.

¹ См.: Яни П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления. С. 60; Бойцов А.Н. Указ. соч. С. 73; Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 51; Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания. Красноярск, 2009. С. 112–113; Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П. В. Агапов и др.; под ред. О. С. Капинус; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. С. 79; Хилюта В.В. Проблемы доктринальной оценки уголовно-правовых норм, закрепленных в гл. 25 Уголовного кодекса // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2013. № 6. С. 226.

² См.: Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай и др. М.: Проспект, 2016. С. 82. Ранее Н.А. Лопашенко признавала объектом преступления «общественные экономические отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности». См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). С. 397.

³ Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай и др. М.: Проспект, 2016. С. 82.

⁴ Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. С. 24–27.

⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 36.

⁶ Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 96.

Прежде чем кратко охарактеризовать представление о непосредственном объекте преступного ограничения конкуренции, отметим, что некоторые авторские определения этого объекта настолько широки, что он, по существу, отождествляется с видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности. Например, Т. О. Кошаева считает основным объектом «установленную законом экономическую деятельность, интересы субъектов этой деятельности»¹. В свою очередь, В. А. Авдеев и Е. В. Авдеева включают в понятие объекта ограничения конкуренции не только социально значимые интересы и отношения в сфере законной предпринимательской деятельности, но и свободную и добросовестную конкуренцию². М. Х. Хакулов определяет объект этого преступления как свободу предпринимательской деятельности в части беспрепятственного осуществления предпринимательских прав, гарантированного от неправомерного экономического либо внеэкономического вмешательства со стороны органов государственной власти или местного самоуправления, должностных и иных лиц³. По мнению И. А. Клепицкого, объект ограничения конкуренции – «свобода конкуренции и честной конкуренции»⁴.

Как и при определении общего понятия объекта преступления, большинство специалистов описывает непосредственный объект ограничения конкуренции именно как отношение, однако используют разные формулировки.

Например, С. И. Улезько непосредственным объектом считает «общественные отношения, регулирующие порядок осуществления монополистической конкурентной деятельности и охраняемое данной нормой»⁵. Однако приведенное определение противоречит основным положениям теории права: общественные отношения выступают не регулятором, а объектом регулирования.

По мнению Е. В. Жукова, непосредственный объект – общественные

¹ См.: Кошаева Т.О. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в сфере конкуренции // Конкуренция в рыночной экономике. Пределы свободы и ограничений [Электронный ресурс]: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 374 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/68050.html>-ЭБС «IPRbooks».

² См.: Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Преступления в сфере экономики: теоретико-практический курс: учеб. пособие. Иркутск, 2015. С. 103.

³ См.: Хакулов М.Х. Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 394.

⁵ Улезько А.Ю. Указ. соч. С. 64.

отношения, складывающиеся в сфере регулирования добросовестной конкуренции и деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики¹. Немного уже, но по существу так же, определяет объект П. Н. Репин, называя им охраняемые уголовным законодательством общественные отношения в сфере регулирования добросовестной конкуренции на товарном рынке, рынке финансовых услуг². Однако «отношения в сфере регулирования» – это отношения в сфере нормотворчества, а на эти отношения преступление, предусмотренное ст. 178 УК, не посягает.

Наиболее распространена точка зрения, что непосредственный объект ограничения конкуренции – это общественные отношения, обеспечивающие экономические интересы, развитие конкуренции или что-то иное³.

Так, Л. Д. Гаухман определял этот объект как общественные отношения, обеспечивающие интересы экономической деятельности, во-первых, в сфере распределения материальных благ, во-вторых, в той части такого распределения, которая исключает монополизацию цен и ограничение конкуренции⁴. Т. Д. Устинова считает таким объектом общественные отношения, обеспечивающие свободное формирование рыночных отношений на основе развития конкуренции, исключаящей недобросовестность и монополизм⁵.

Близкие по смыслу определения объекта дают И. В. Бацин (называет им общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование товарного рынка, состязательность (конкуренцию) на нем хозяйствующих субъектов)⁶, а также Б. В. Яценко⁷, Н. Г. Кадников⁸, В. Т. Батычко⁹, считающие непо-

¹ Жуков Е.В. Указ. соч. С. 65.

² Репин П.Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 66.

³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканиса. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. С. 139.

⁴ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С. 209–210.

⁵ Устинова Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 115.

⁶ Бацин И.В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Российский следователь. 2015. № 2. С. 23.

⁷ Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М.: ИМПЭ: Триада, 1996. С. 164.

⁸ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. Н.Г. Кадникова М.: Городец, 2006. С. 543.

⁹ Батычко В.Т. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Таганрог: ИТА ЮФУ, 2015. С. 275.

средственным объектом этого преступления общественные отношения, обеспечивающие свободу добросовестной конкуренции.

Почти так же формулирует непосредственный объект А. В. Денисова. Однако она считает им общественные отношения, обеспечивающие не только поддержку конкуренции, но и реализацию прав граждан – потребителей, правомерных экономических интересов хозяйствующих субъектов, общества и государства в условиях конкуренции и деятельности субъектов естественной монополии¹.

М. Ю. Чельшев, М. В. Талан и А. В. Михайлов непосредственным объектом преступления называют общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности и добросовестную конкуренцию².

Однако каких-либо отдельных отношений, обеспечивающих свободное формирование рыночных отношений на основе развития конкуренции или установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности, не существует. Что касается установленного порядка осуществления законной предпринимательской деятельности, то он регламентируется и обеспечивается соответствующими правовыми нормами, а не общественными отношениями.

Следующая группа авторов, считающих непосредственным объектом исследуемого преступления отношения, не называет их обеспечивающими что-либо, а уточняет их «содержание».

Так, Д. Б. Лаптев называет объектом «отношения, характеризующиеся наличием конкуренции, т. е. функционированием рынка в условиях конкурентной среды, обусловленной наличием независимых хозяйствующих субъектов, соперничающих в равных условиях за право реализовать свой товар покупателю»³. К. М. Хутов определяет непосредственный объект как «общественные экономические отношения, складывающиеся на рынке между хозяйствующими субъекта-

¹ Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 100.

² Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В. Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований. С. 258.

³ Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 69.

ми, государством и потребителями, характеризующиеся состязательностью (соперничеством) или возможностью состязательности (соперничества) хозяйствующих субъектов за наилучшие условия предоставления товаров, работ и услуг, когда их самостоятельные действия исключают или эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения на определенном рынке»¹.

Несмотря на некоторое сходство этих двух определений, второе в значительной степени отличается: при схожем содержании отношений (они характеризуются состязательностью (соперничеством) или возможностью состязательности (соперничества) в круг сторон автор вводит не только хозяйствующих субъектов, но также государство и потребителей.

Однако главная причина, исключающая наше присоединение к любому из приведенных авторских представлений о непосредственном объекте как об отношениях, заключается в другом. Как мы уже писали выше, видовой объект преступлений в сфере экономической деятельности – экономические правоотношения. Следовательно, и непосредственным объектом ограничения конкуренции может быть только правоотношение. Однако без определения того правоотношения, которому преступление в сфере экономической деятельности причиняет вред в первую очередь, понятие «наполнение» объекта невозможно².

Правильное установление непосредственного объекта экономических преступлений обеспечивает и правильный выбор нормативной базы, к которой следует обращаться при исследовании признаков соответствующего преступления. Теоретически обоснованное определение объекта, но «не привязанное» к нормативному массиву, регулирующему отношения в сфере экономической деятельности, охраняемые конкретной уголовно-правовой нормой, наоборот, лишает такое определение объекта его важной «направляющей» функции³.

Данный тезис подтверждает и судебная практика. Так, рассмотрев заявле-

¹ Хутов К.М. Указ. соч. С. 12.

² Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. С. 108.

³ Шишко И.В. Объект охраны «экономических» уголовно-правовых норм // Правовое регулирование рыночных отношений в современной России: материалы науч.-практ. конф. Челябинск: ЧелГУ, 2003. С. 3.

ние территориального управления Федеральной службы судебных приставов о признании недействительным приказа руководителя антимонопольного органа о проведении внеплановой выездной проверки как вынесенного за пределами его полномочий, суд признал приказ недействительным¹. Установлено, что антимонопольный орган, получив жалобу хозяйствующего субъекта на действия судебного пристава-исполнителя в рамках возбужденного им исполнительного производства по исполнению определения арбитражного суда о принятии обеспечительных мер, издал приказ о проведении внеплановой выездной проверки соблюдения управлением ФССП требований ст. 16 ЗоЗК.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций, руководствуясь ст. 25.1, 25.4 ЗоЗК, пришли к выводу, что антимонопольный орган принял оспариваемый приказ в пределах предоставленных ему полномочий и не нарушил прав и законных интересов управления. Однако Верховный Суд посчитал иначе: в рассматриваемой ситуации действия в рамках указанного исполнительного производства *не связаны с монополистической деятельностью и не влияют на состояние конкуренции*, никак не затрагивали права и законные интересы иных лиц, кроме сторон исполнительного производства. Таким образом, констатировал Верховный Суд, антимонопольный орган в этой ситуации, издавая приказ о проведении внеплановой выездной проверки, вышел за пределы своих полномочий и причиной нарушения стало неверное определение возникшего правоотношения: не были учтены положения ст. 3 ЗоЗК, определяющие сферу применения данного закона)².

Далее рассмотрим, как определяют непосредственный объект ограничения конкуренции сторонники признания объектом *правоотношения*. Например, А. Н. Бойцов и К. В. Ображиев отмечают, что таким объектом недопущения, ограничения или устранения конкуренции (более раннее название ст. 178 УК) является общественное отношение конкуренции, урегулированное нормами анти-

¹ См. п. 2 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 9.

² Там же.

монопольного законодательства¹. Конкуренция, указывает А. Н. Бойцов, как объект уголовно-правовой охраны представляет собой диалектическое единство экономических отношений состязательности хозяйствующих субъектов и их правового выражения².

Исследуя другие авторские позиции, необходимо отметить следующее.

Картельные соглашения – *одна из форм* монополистической деятельности. Согласно п. 10 ст. 4 ЗоЗК такой деятельностью признаются: злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением; соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством; иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью. В связи с этим многие авторы устанавливают объекты именно монополистической деятельности (диспозиция ч. 1 ст. 178 УК в предыдущих редакциях охватывала и такие формы этой деятельности, как злоупотребление доминирующим положением, а ранее – и согласованные действия).

Так, С. А. Паращук указывает, что монополистическая деятельность посягает на *публичный порядок* в сфере конкуренции, то есть приводит к недопущению, ограничению или устранению конкуренции³. Однако ни в законодательстве, ни в доктрине публичный порядок не раскрывается. Законодательные акты лишь упоминают его в качестве синонима основ правопорядка (например, ст. 1193 ГК, ст. 167 СК РФ⁴).

В Определении № 91-Г08-6 от 19.08.2008 Верховный Суд РФ разъяснил: «содержание понятия “публичный порядок” не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные

¹ Бойцов А.Н., Обращивев К.В. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. С. 64.

² Бойцов А.Н. Указ. соч. С. 73.

³ Паращук С.А. Указ. соч. С. 334.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

устой основ правопорядка, закрепленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации»¹. Вместе с тем С. А. Парашук не раскрывает, что он понимает под главными устоями правопорядка в области конкуренции.

Близкое к приведённому определение непосредственного объекта дает К. Ю. Тотьев². Он называет объектом монополистической деятельности конкурентный порядок. Автор обосновывает свою позицию тем, что согласно ч. 1 ст. 8 Конституции РФ и ст. 1 ЗоЗК целями реализации антимонопольного законодательства являются обеспечение свободы экономической деятельности, поддержка конкуренции, предупреждение, ограничение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Государство стремится гарантировать как само существование конкуренции, так и её качественные характеристики (добросовестность, справедливость, честность). Все это и составляет основу правопорядка в сфере конкуренции, на который посягает монополистическая деятельность³.

В. И. Тюнин не именуется непосредственным объектом правоотношением, но формулировка им объекта как отношений, «которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции»⁴, свидетельствует, что он опирался на ч. 1 ст. 3 ЗоЗК РФ.

Рассматривая непосредственный объект, необходимо обратиться к регулятивному законодательству. В ч. 1 ст. 3 указано, что ЗоЗК «распространяется на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции» и эти отношения, согласно ч. 1 ст. 2 закона, регулируются антимонопольным законодательством. Во взаимосвязи положений ст. 2 и 3 ЗоЗК мы ви-

¹ Бюллетень ВС РФ. 2009. № 5.

² Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции): учебник. М.: Издательство РДЛ, 2000. С. 177.

³ См.: Владимирова П.М. Теоретический анализ составов правонарушений в области конкурентного права Российской Федерации // Юриспруденция. 2010. № 3. С. 24.

⁴ Тюнин В.И. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Ученые записки юридического факультета. 2012. Вып. 24(34)–25(35). С. 187.

дим, что антимонопольное законодательство и иные нормативные правовые акты о защите конкуренции действительно *регулируют отношения, которые связаны с защитой конкуренции*, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Законодатель не определяет, какие отношения *связаны с защитой конкуренции*. Поэтому обратимся к словарю. Защитить – значит, оградить от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т. п., предохранить от чего-либо¹. Исходя из этого определения, содержанием конкурентных правоотношений является обязанность государства ограждать субъектов от посягательств на их предпринимательскую деятельность и «право государства потребовать такого поведения от иных субъектов, которое не приводит к ограничению, устранению, недопущению конкуренции либо к ведению конкурентной борьбы запрещенными методами», а ему «корреспондирует обязанность всех прочих лиц² не совершать действий, направленных на ограничение, устранение или недопущение конкуренции»³.

В связи с этим содержание непосредственного объекта преступного ограничения конкуренции уже: его составляют право государства требовать такого поведения от хозяйствующих субъектов, которое не приводит к ограничению конкуренции путем заключения картельного соглашения, и этому праву корреспондирует обязанность хозяйствующих субъектов (а не всех прочих лиц) не совершать действий, направленных на ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения.

Недобросовестная конкуренция в непосредственный объект преступления,

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, ИН-т лингвист. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.

² К числу прочих лиц следует отнести хозяйствующих субъектов (коммерческие организации, некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую им доход, индивидуальные предприниматели, иные физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, но осуществляющие профессиональную деятельность, а также в силу членства в саморегулируемой организации (ст. 4 ЗоЗК)) и органы власти (федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов, органы местного самоуправления (ст. 15 ЗоЗК)), иные осуществляющие функции указанных органов органы или организации, а также организации, участвующие в предоставлении государственных или муниципальных услуг, а также государственные внебюджетные фонды, Центральный банк Российской Федерации.

³ Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. С. 27.

предусмотренного ст. 178 УК, не входит. Как отмечалось, картельные соглашения – это одна из форм монополистической деятельности (наряду с согласованными действиями и злоупотреблением доминирующим положением), а недобросовестная конкуренция, в отличие от любых соглашений, «является односторонним незаконным поведением отдельных компаний с целью причинить вред конкурентам»¹ и не воздействует на товарный рынок в целом.

Содержание понятия «недобросовестная конкуренция» раскрывается в нормах гл. 2.1 ЗоЗК, запрещающих такие акты недобросовестной конкуренции, как дискредитация, введение в заблуждение в отношении товара, некорректное сравнение хозяйствующего субъекта и (или) его товара с другим хозяйствующим субъектом-конкурентом и (или) его товаром, незаконное получение, использование или разглашение информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну и другие. В диспозиции ч. 1 ст. 178 УК нарушение этих запретов не указано. Ответственность за них установлена другими статьями – ст. 180 и 183 УК.

Ранее мы считали, что непосредственным объектом являются все отношения, связанные с защитой конкуренции². Однако в диспозиции ч. 1 ст. 178 УК ответственность предусмотрена только за картельное соглашение. Следовательно, непосредственным объектом преступления *выступает отношение, связанное с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением.*

Обратимся к определению объекта, данному судом в первом приговоре по картельным соглашениям³.

Так, Новгородский районный суд Новгородской области указал на существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом

¹ Конкурентное право России: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. С. 75.

² *Шишко И.В., Деревягина О.Е.* Объект преступного ограничения конкуренции // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. ст. по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции (20 сентября 2018 г.) / Отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2018. С. 129.

³ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9gBttrpmukxB>.

интересов общества и государства преступными действиями подсудимого, которые выразились:

– в причинении материального ущерба на общую сумму 22 млн руб., то есть в особо крупном размере, и, соответственно, в нарушении финансовой дисциплины в области бюджетных правоотношений, подрыве финансовых основ развития;

– в дискредитации авторитета органов государственной власти субъекта Российской Федерации, подведомственных им государственных учреждений и предприятий, в том числе формировании общественного мнения о коррумпированности государственных служащих и должностных лиц названных организаций и злоупотреблении ими должностными полномочиями, то есть подрыве доверия к государственной власти;

– в незаконном ограничении права граждан и организаций на участие в конкурсе по заключению государственного контракта, то есть на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;

– в существенном нарушении прав и законных интересов граждан и организаций на свободное осуществление предпринимательской деятельности и извлечение прибыли;

– в существенном нарушении прав и законных интересов граждан – пользователей автомобильных дорог, обусловленном недостаточным обеспечением функционирования и развития автомобильных дорог, неэффективным экономическим стимулированием дорожной деятельности, а также неэффективным государственным управлением в сфере дорожной деятельности;

– в нарушении гарантированных государством прав участников дорожного движения на безопасные условия движения по дорогам, в том числе на свободное и беспрепятственное передвижение по дорогам¹.

Как видим, суд в качестве объекта преступных картельных соглашений называет несколько различных «интересов» граждан. В приговоре подробно описан вред экономическим интересам всех участников отношений, но не определено

¹ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014.

отношение, на которое преступление направлено в первую очередь. Отметим, что К. М. Хутов настаивал на включении интересов потребителей – конкурирующих хозяйственных субъектов и интересов потребителей в непосредственный объект преступления¹.

В связи с изложенным возникает вопрос: входят ли интересы граждан и хозяйствующих субъектов в непосредственный объект преступного картельного соглашения?

ЗоЗК признает потребителями «юридическое и физическое лицо, приобретающие товар»². Это определение отличается от понятия потребителя, закрепленного Законом РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1³ (далее по тексту – Закон «О защите прав потребителей»). В последнем потребителем признается «гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Очевидно, потребители в смысле Закона «О защите прав потребителей» не являются участниками отношений защиты конкуренции и, следовательно, их интересы не входят в непосредственный объект ограничения конкуренции. В соответствии с ЗоЗК потребители – это в том числе и хозяйствующие субъекты. Последние являются стороной основного объекта, то есть правоотношения, связанного с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, однако содержанием этого правоотношения являются не различные интересы хозяйствующих субъектов, а их обязанность не совершать действия, направленные на ограничение, устранение или недопущение конкуренции. Следовательно, никакие интересы потребителей (в широком смысле слова) в основной объект преступления не входят.

В теории уголовного права, помимо основного непосредственного объекта,

¹ Хутов К.М. Указ. соч. С. 51.

² П. 23 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции».

³ О защите прав потребителей: Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

выделяют дополнительный обязательный объект и дополнительный факультативный¹.

Авторы, исследовавшие состав ограничения конкуренции, чаще всего указывают его объект, не определяя его статус. Это позволяет считать сформулированный ими объект основным непосредственным объектом.

Часть авторов наряду с основным выделяют дополнительный факультативный и, значительно реже, дополнительный обязательный объекты. В учебной литературе, как правило, дополнительный объект не приводится вовсе². Не всегда он указан и в научных публикациях³, хотя иногда дополнительный объект определяют для квалифицированных составов⁴. Допускаем, что авторы полагают, что дополнительный объект посягательства на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК, отсутствует.

Однако у некоторых исследователей представление о дополнительном объекте преступного ограничения конкуренции сформировалось. Они формулируют дополнительный объект через категорию «интерес», уточняя свою позицию в части рода интереса и его принадлежности.

Наиболее широкая трактовка у Т. Д. Устиновой, указывающей в качестве дополнительного (без уточнения) объекта «интересы граждан, организаций и гос-

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под ред. А.Н. Тарбагаева. С. 105.

² См., например: *Брагин А.П.* Российское уголовное право: учеб.-метод. комплекс. М.: Изд.центр ЕАОИ. 2008. 426 с.; *Русанов Г.А.* Экономические преступления: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 224 с.; Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В.М. Лебедев и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2019. 371 с.; Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. пособие / В.К. Дуюнов. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2017. 403 с.; Уголовное право. Особенная часть: учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 912 с.; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 976 с.; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. В.Н. Бурлаков. СПб.: СПбГУ, 2014. 765 с.

³ См., например: *Хакулов М.Х.* Указ. соч.; *Жуков Е.В.* Указ. соч.; *Бацин И.В.* Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 23–29; *Хутов К.М.* Указ. соч.; *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов: Изд-во СГАП, 1997. 256 с.; *Бойцов А.Н., Ображиев К.В.* Указ. соч. 152 с.; *Устинова Т.Д.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: дис. ... д-ра юрид. наук; *Репин П.Н.* Указ. соч.

⁴ См., например: *Улезько А.Ю.* Указ. соч. С. 64; *Денисова А.В.* Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 100; *Репин П.Н.* Указ. соч. С. 66; *Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Межсистемный подход к ограничению конкуренции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки» 2015. Т. 157. Книга 6. С. 258; *Батычко В.Т.* Уголовное право. Особенная часть. С. 275; *Тюнин В.И.* Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст 178 УК РФ) // Ученые записки юридического факультета. № 24-25 (34-35). 2012. С. 187.

ударства»¹. Не конкретизируют вид интересов также К. М. Хутов² и Д. И. Лаптев³, называя лишь субъект интереса – потребителей, но считают, что этот объект страдает во всех случаях, что позволяет нам отнести его к дополнительному обязательному объекту.

Остальные авторы представляют две позиции: дополнительный объект (авторы не уточняют, какой именно) – это материальные интересы или имущественные интересы. Первую позицию поддерживают В. И. Тюнин⁴ и Т. О. Кошаева⁵. Однако Т. О. Кошаева причисляет к дополнительным объектам еще и право собственности, с чем трудно согласиться, так как автор тем самым отделяет право собственности от материального интереса.

Вторую позицию поддерживают М. Ю. Чельшев, М. В. Талан, А. В. Михайлов⁶, а также С. В. Максимов⁷, который расписывает характер имущественных отношений. Дополнительным объектом преступного посягательства для всех составов преступления, предусмотренных ст. 178 УК, указывает автор, «выступают связанные с конкуренцией законные имущественные интересы граждан и организаций, а также охраняемые законом имущественные интересы государства, законные интересы получения дохода от экономической деятельности, законные интересы потребителей в части, относящейся к удовлетворению потребностей в товарах при наименьших затратах на их приобретение»⁸.

При этом не совсем понятно, как правоприменителю выделить «законные имущественные интересы», связанные с конкуренцией. Необходимо также подчеркнуть, что указанное определение в части выделения «законных интересов получения дохода от экономической деятельности» отличается от всех иных точек

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / А. И. Чучаев, Т. Б. Басова, Е. В. Благов, Ю. В. Грачева и др.; под ред. А. И. Чучаева. М.: НИЦ ИНФРА-М, Контракт, 2015. С. 436. (Автор главы – Т. Д. Устинова).

² Хутов К. М. Указ. соч. С. 51.

³ Лаптев Д. И. Указ. соч. С. 69.

⁴ Тюнин В. И. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 187.

⁵ Кошаева Т. О. Указ. соч.

⁶ Чельшев М. Ю., Талан М. В., Михайлов А. В. Межсистемный подход к ограничению конкуренции. С. 256.

⁷ Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: монография. / Отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. М.: Норма, ИНФРА-М, 2016. С. 218.

⁸ Там же.

зрения. Автор не уточняет, кому принадлежат указанные интересы. Мы считаем эти интересы частным случаем проявления имущественных интересов, не требующим отдельного выделения.

В экономике понятия материального и имущественного интереса практически синонимичны. Категория «материальные (экономические) интересы» означает «интересы к денежным и материально-вещественным средствам удовлетворения потребностей»¹. А имущественные интересы – это «интересы собственника (а также владельца или пользователя) имущества, связанные с его владением, пользованием или распоряжением, и гражданской ответственностью, являющейся производной от владения, распоряжения и/или пользования имуществом. Имущественный интерес связан также с различного рода источниками дохода хозяйствующего субъекта»². Поэтому считаем представленные авторские позиции аналогичными.

Среди субъектов интереса выделяют граждан (в том числе потребителей), организации (юридические лица), государство. Т. О. Кошаева обобщает субъектов, интересам которых причиняется вред, и считает их лицами, «зависимыми от субъектов экономической деятельности»³. Позиция автора не совсем понятна. Кто же является этими лицами в реальной ситуации картельного сговора?

Итак, резюмируя позиции ученых в отношении дополнительного объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК, можно сделать вывод, что они определяют его через категорию «интерес» или «материальный (имущественный) интерес». Следует согласиться с теми авторами, которые указывают на имущественные отношения как на дополнительный объект, однако это необходимо пояснить более подробно.

Поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 178 описаны действия (заключение ограничивающего конкуренцию соглашения), причинившие крупный *ущерб*, то вред

¹ Рудакова О.В. Потребности и интересы как детерминанты экономического поведения // Вестник ТГУ. 2009. № 1. С. 325. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebnosti-i-interesy-kak-determinanty-ekonomicheskogo-povedeniya> (дата обращения: 28.06.2019).

² Турбина К.Е. Современное понимание имущественных интересов как объекта страхования // «Финансы»: журнал. 2000. № 11. URL: https://juristlib.ru/book_1663.html.

³ Кошаева Т.О. Указ. соч.

причиняется не только отношениям, связанным с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с их предупреждением и пресечением, но и *имущественным отношениям*.

Мы определяем эти отношения не как отношения собственности, а как имущественные¹, по той причине, что не за всеми хозяйствующими субъектами имущество закреплено на праве собственности. Оно может принадлежать и на праве хозяйственного ведения, и на праве оперативного управления.

При вменении ст. 178 УК по признаку крупного дохода потерпевший не устанавливается, но совершенно очевидно, что извлечь доход невозможно без причинения кому-либо имущественного ущерба. Аллегорично можно сравнить доход и ущерб с кинетической и потенциальной энергией тел в законе сохранения энергии. Если кинетическая энергия (доход) увеличивается, то у кого-то возникает потенциальная энергия (ущерб). Другими словами, происходит как бы превращение одного вида энергии в другой. То есть и в случае извлечения дохода в крупном размере вред имущественным отношениям причиняется. Поэтому считаем, что имущественные отношения являются *дополнительным обязательным объектом* ограничения конкуренции. Другой вопрос, что в случае вменения ст. 178 УК по признаку крупного дохода не устанавливается, кому конкретно этот имущественный ущерб причинен.

Целый ряд авторов выделяет факультативный объект ограничения конкуренции (в классификации, которой мы придерживаемся, – это дополнительный факультативный объект). Наличие либо отсутствие такого объекта на квалификацию нарушения не влияют – «не служат необходимым условием для вменения состава преступления»².

К дополнительному факультативному объекту авторы относят: 1) интересы

¹ Имущественные отношения – это волевые отношения собственности не в узком смысле слова, а в широком, то есть в становлении и развитии со всеми производными отношениями, в частности отношениями, опосредуемыми нормами о хозяйственном ведении, об оперативном управлении, договорах и обязательствах. См.: *Наурызбаев А.Д.* Понятие «имущество», «имущественные права» и их соотношение с категориями «собственность» и «право собственности» // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1-2 (29-30). С. 257–264.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 351.

потребителей (С. И. Улезько¹, А. Н. Бойцов, К. В. Ображиев² и П. И. Репин³); 2) отношения, обеспечивающие честь, достоинство и репутацию человека (И. В. Бацин⁴); 3) имущественные отношения / собственность (И. В. Шишко⁵, И. В. Бацин⁶); 4) здоровье (А. Н. Бойцов⁷).

Часть авторских позиций трудно объяснить, например, понимание факультативного объекта как отношений, обеспечивающих честь и достоинство и деловую репутацию, часть обусловлена разным представлением о классификации объектов. С нашей точки зрения, дополнительным факультативным объектом как основного, так и квалифицированных составов выступают интересы потребителей в смысле, придаваемом им в п. 23 ст. 4 ЗоЗК, то есть интересы юридических лиц или физических лиц, приобретающих товар.

Интересы потребителей называют факультативным объектом и некоторые другие авторы⁸. Отметим, что характер интересов потребителей в литературе, как правило, не уточняют. Однако считаем необходимым указать, что характер интересов может быть разным. Так, возвращаясь к приведенному приговору Новгородского районного суда Новгородской области, отметим, что суд, на наш взгляд, отразил как основной объект, так и дополнительный факультативный (права по заключению государственного контракта, нарушение прав и законных интересов граждан – пользователей автомобильных дорог).

Известно, что в начале различных эпидемий аптеки или поставщики фармацевтических препаратов нередко заключают картельные соглашения о временном «придерживании» этих препаратов для создания их искусственного дефицита, а затем повышают на них цену. В подобных случаях дополнительным факультативным объектом выступает общественное здоровье.

Дополнительным объектом квалифицированных составов являются отно-

¹ См.: Улезько А.Ю. Указ. соч. С. 64.

² Бойцов А.Н., Ображиев К.В. Указ. соч. С. 64.

³ Репин П.Н. Указ. соч. С. 71.

⁴ Бацин И.В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Бойцов А.Н. Указ. соч. С. 77.

⁸ А.Н. Бойцов, С.И. Улезько, П.Н. Репин (правда, последний автор называет не интересы потребителей, а отношения, обеспечивающие интересы потребителей).

шения в сфере государственной и муниципальной службы, службы в коммерческих и иных организациях (п. «а» ч. 2 ст. 178 УК) и здоровье человека (ч. 3 ст. 178 УК). И эти дополнительные объекты – дополнительные обязательные, так как без посягательства на них ограничение конкуренции по п. «а» ч. 2 или ч. 3 ст. 178 УК не квалифицируется.

§ 2.2. Объективная сторона ограничения конкуренции

В настоящее время объективная сторона ограничения конкуренции включает следующие признаки: *заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации* (деяние); *ограничение конкуренции* (обязательное последствие); а также такие обязательные криминообразующие признаки, как *причинение крупного ущерба* гражданам, организациям или государству либо *извлечение дохода в крупном размере*¹. В литературе авторы рассматривают доход как последствие² либо как характеристику масштаба деяния³. Мы считаем доход в крупном размере, как и крупный ущерб, вторым альтернативным последствием преступления, а, следовательно, состав ограничения конкуренции – материальным. Разумеется, между деянием и последствиями должна быть установлена причинная связь.

Итак, деяние состоит в заключении между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля).

В науке встречается и другое представление о деянии: им называют ограничение конкуренции, а заключение картельного соглашения – способом этого дея-

¹ См.: Шишко И.В., Деревягина О.Е. Преступное ограничение конкуренции (часть 1 статьи 178 УК РФ): признаки объективной стороны // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 551–561.

² Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 30.

³ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. С. 130; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). С. 64; Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 64.

ния¹. Мы не можем поддержать эту позицию как противоречащую антимонопольному законодательству (подробные аргументы будут приведены ниже).

Преступными могут признаваться только картели: все остальные соглашения в 2009 г. были декриминализованы. Поэтому для вменения ст. 178 УК необходимо, прежде всего, установить, что заключенное соглашение – именно картель.

В юридической литературе можно встретить определение картеля как «договорной формы объединения хозяйствующих субъектов, участники которой, сохраняя статус юридического лица, финансовую, производственную и коммерческую самостоятельность, определяют общую сбытовую политику и ценообразование с целью расширения сферы влияния на товарных рынках»².

Мы не можем согласиться с таким определением, так как участниками картеля могут быть не только юридические лица, но и другие хозяйствующие субъекты (индивидуальные предприниматели, иные физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации)³. Вместе с тем в приведенном определении сужены последствия картельного соглашения (указаны только политика сбыта и ценообразование). Кроме того, участниками картеля могут быть не все хозяйствующие субъекты, а только конкуренты.

Ряд авторов к признакам картеля относит «наличие системы принуждения, включающей в себя выявление нарушений и применение санкций к нарушите-

¹ См.: Методика расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьей 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»: метод. рекомендации. М., 2015; *Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований. С. 258; *Иващенко К.А.* Ограничение конкуренции. Уголовно-правовая характеристика преступления // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2015. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26575600>; *Соловьев О.Г.* Дискуссионные вопросы оценки признаков объективной стороны ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 1. С. 9; *Клепицкий И.А.* Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. С. 637.

² Корпоративное право: учебный курс [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.С. Шиткина; предисл. Е.П. Губина // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>.

³ См.: п. 5 ст. 4 ЗоЗК.

лям»¹, «вовлеченность основных руководителей компаний; относительную длительность существования; скрытую природу; регулярность взаимодействия участников; высокий уровень недоверия между ними; взаимосвязь с иными правонарушениями»², однако эти признаки трудно назвать общими.

До введения понятия «картель» в законодательство А. Ю. Кинев определял его как «сговор конкурентов путем заключения незаконных соглашений, направленных на ограничение конкуренции и извлечение сверхприбылей»³. Наличие *соглашения и направленность на извлечение сверхприбылей или монопольной прибыли* либо на устранение или ослабление свободной конкуренции указывают в качестве обязательного признака картельных соглашений и в экономической литературе⁴.

Иностранные источники с юридической стороны определяют картель как «предварительную договоренность» о совместных действиях, с экономической – как поведение нескольких фирм на олигополистическом рынке, имитирующее результат поведения единственной доминирующей фирмы⁵.

С экономической точки зрения *картелем является одна из основных форм соглашений о монополизации рынка, гласное или негласное соглашение группы близких по профилю предприятий*, непосредственно не затрагивающее производственную и коммерческую самостоятельность вступивших в картель предпринимателей и заключающееся с целью ограничения конкуренции между его участниками, монополизации производства и сбыта (или потребления) того или иного товара, установления на него единой, обязательной для всех участников соглашения, монопольной цены, подавления внешней конкуренции со стороны фирм, не

¹ См.: Кальченко А.А., Овечкина Н.А. Конкурентное сотрудничество и картель: анализ отличий // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2014. № 11. С. 8; Владимирова И.Г. Организационные формы интеграции компаний // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 1. С. 23.

² Захаров Г. Как функционируют картели [Электронный ресурс] // Корпоративный юрист. 2010. № 5 // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>.

³ Кинев А.Ю. Борьба с картелями в России [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Кальченко А.А., Овечкина Н.А. Указ. соч. С. 9.

⁵ Kuhn K.U. Fighting collusion by Regulating Communication Between Firms // Economic Policy. 2001. 32. P. 169–204.

участвующих в данном соглашении, и получения более высокой, чем средняя, прибыли¹.

Однако появление дефиниции картеля в ЗоЗК требует при толковании ст. 178 УК обращения только к указанному определению: «Детерминированность конкретных уголовно-правовых норм соответствующими регулятивными актами дает самые веские основания распространять значение термина, установленное в последних, на первые»².

Согласно ч. 1 ст. 11 ЗоЗК признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к следующему:

- 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;
- 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- 4) сокращению или прекращению производства товаров;
- 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Итак, понятие картеля раскрыто в ч. 1 ст. 11 Закона и образовано тремя признаками: 1) соглашение; 2) его стороны; 3) последствия, к которым соглашение приводит или может привести.

Раскроем первый признак. Соглашение в п. 18 ст. 4 ЗоЗК определено как договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких

¹ Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2005. С. 465.

² Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. С. 221.

документах¹, а также договоренность в устной форме. На квалификацию соглашения по ст. 178 УК его форма (письменная или устная) не влияет.

Как синоним договоренности понятие «соглашение» раскрывается и в международных документах², а также, например, в антимонопольном законодательстве Великобритании³ и Канады⁴. Российская трактовка соглашения совпадает и с практикой, закрепленной в решениях Еврокомиссии и Европейского суда⁵.

Очевидно, неслучайно и в толковых словарях соглашение определяется как договоренность, а договорённость – как соглашение⁶.

По мнению А. Г. Сушкевича, «антимонопольное законодательство довольно широко трактует понятие “соглашения”, указывая не столько на признаки, сколько на его форму; соглашение существует там, где есть совпадение намерений; форма соглашения не важна, главное, чтобы оно являлось достоверным выражением намерений сторон»⁷.

А. Ю. Кинев дополняет определение антиконкурентного соглашения экономическим содержанием: он называет антиконкурентное соглашение «формой монополистического объединения хозяйствующих субъектов, результатом которого является их противоестественное взаимовыгодное сотрудничество вместо ожидаемого потребителями соперничества между ними»⁸.

Соглашение в письменной форме может быть закреплено в локальных документах, регламентирующих деятельность юридического лица⁹, протоколах-

¹ Однако на практике случаи заключения документальных картельных соглашений чрезвычайно редки. См.: *Тенишев А.* Дела о картелях: итоги 2014 // *Конкуренция и право.* 2014. № 6. С. 23.

² См.: п. 17 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции Приложения № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

³ *Кутилов П.В.* Механизмы регулирования антимонопольной деятельности на олигопольных рынках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 76.

⁴ The Competition Act of 1986 R.S., с. C-34, s.1; R.S., с. 19 (2nd Supp.), s. 19, as amend. URL: <http://www.competition-bureau.gc.ca/internet> (Официальный сайт Управления по охране конкуренции Канады).

⁵ *Сушкевич А.Г.* Антиконкурентные соглашения // *Конкурентное право России: учебник.* С. 118.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1994. С. 732.

⁷ *Сушкевич А.Г.* Антиконкурентные соглашения // *Конкурентное право России: учебник.* С. 118.

⁸ *Кинев А.Ю.* Картели и другие антиконкурентные соглашения [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2014. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁹ Решение Пензенского УФАС России по делу № 2-03/31-2012 от 18.01.2013 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru>.

соглашениях общих собраний об установлении цен¹, стандартных условиях продажи, правилах профессиональных ассоциаций, соглашениях об урегулировании споров (например, соглашение о разделе торговой марки)².

Соглашением в письменной форме, как отмечает Е. Ю. Борзило, может признаваться внутренняя переписка хозяйствующих субъектов³, факсовое сообщение, сообщение по электронной почте⁴, СМС-сообщение. Кроме того, соглашение в письменной форме может быть достигнуто на интернет-форуме⁵.

Наиболее распространенной разновидностью письменной формы соглашения являются *договоры*. Ранее для установления письменной формы соглашения арбитражные суды проверяли, соответствует ли такое соглашение положениям о сделках и договорах (например, ч. 1 ст. 432, ч. 2 ст. 434), и, в случае несоответствия письменного соглашения требованиям ГК, делали вывод об отсутствии антиконкурентных соглашений⁶. Однако в 2016 г. Верховный Суд РФ сделал вывод, что факт наличия антиконкурентного соглашения не зависит от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме и содержанию сделок⁷. Эту же позицию Суд подтвердил и в п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2⁸.

С другой стороны, полное соответствие договора требованиям гражданского законодательства вовсе не исключает, что такой договор содержит признаки антиконкурентного соглашения. Неслучайно, осуществляя антимонопольный

¹ Решение Оренбургского УФАС России по делу № 05-10-03/2012 от 13.01.2012 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru>.

² Сушкевич А.Г. Антиконкурентные соглашения // Конкурентное право России: учебник. С. 118.

³ Борзило Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности. Научно-практическое руководство. М.: Статут, 2014. С. 85.

⁴ О разъяснении антимонопольного законодательства: письмо Федеральной антимонопольной службы от 29.04.2015 № ак/21118/15.

⁵ Казакевич В., Денисова Е. Платежные терминалы: правила игры // Конкуренция и право. 2014. № 1. С. 55.

⁶ Соколовская Е. Проблемы квалификации антиконкурентных соглашений // Конкуренция и право. 2011. № 3. С. 15.

⁷ Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере: утв. Президиумом ВС РФ от 16.03.2016. См. также: Разъяснение № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» [Электронный ресурс]: утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>; Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. 4 апреля.

⁸ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 04.03.2021.

контроль, сотрудники антимонопольной службы исследуют, в первую очередь, договоры хозяйствующих субъектов. При этом договор может быть любого вида, в том числе о сотрудничестве¹ (взаимодействии), и содержаться не в одном, а в нескольких документах (например, в оферте и акцепте).

С учетом того, что сторонами картельного соглашения являются конкуренты-продавцы либо конкуренты-покупатели, необходимо уточнить, что оно может содержаться только в договорах с общей целевой направленностью. Типичный вид таких договоров – договор о совместной деятельности². На практике картелесодержащие договоры могут иметь иное наименование (например, о сотрудничестве)³ либо не именоваться вообще, что не запрещено ГК РФ.

Договоры со встречной целевой направленностью (купли-продажи, аренды и др.) картельных соглашений не содержат (но там могут быть условия, свидетельствующие об участии одной стороны договора в картельном соглашении).

В юридической литературе отмечают, что «подавляющее большинство предприятий даже не подозревают, что многие договоры, которые рассматриваются ими как обычная деловая практика, являются антиконкурентными соглашениями...»⁴.

Заключение устного соглашения может быть установлено с помощью различных доказательств (прямых и косвенных)⁵, таких как результаты проверок антимонопольных органов и совместных проверок антимонопольных и правоохрани-

¹ Решение по делу Московского областного УФАС России от 14.12.2012 № 09-22/2-12 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. URL: http://mo.fas.gov.ru/sites/mo.f.isfb.ru/files/solution/2013/01/10/novoe_reshenie.pdf.

² Однако в отношении данного вида договоров следует учитывать критерии допустимости, предусмотренные п. 10 ст. 11 и п. 1 ст. 13 ЗоЗК.

³ Решение Московского областного УФАС России от 14.12.2012 по делу № 09-22/2-12.

⁴ *Шоломова Е.В.* Антиконкурентное соглашение: как распознать // *Промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение.* 2012. № 3. С. 51.

⁵ Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 23.04.2015 № А42-2564/2014 по делу об оспаривании решения антимонопольного органа сделал вывод о том, что для констатации антиконкурентного соглашения необходимо проанализировать ряд косвенных доказательств, сопоставив каждое из них с другими и не обременяя процесс доказывания обязательным поиском хотя бы одного прямого доказательства. См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.04.2015 по делу № А42-2564/2014 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru>. См. также: обвинительное заключение по уголовному делу № 11801070004020860 от 19.11.2019 // Архив СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю и др.; Разъяснение № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах»: утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3; *Гребенников В.* Картели: состав правонарушения и особенности доказывания // *Конкуренция и право.* 2014. № 1; *Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П.* Картели. Система доказывания и судебная практика // *Закон.* 2013. № 4.

нительных органов, объяснения физических лиц, фото- и киносъемки, видеозаписи при проведении осмотра сотрудниками антимонопольного органа (в том числе запись переговоров при встрече хозяйствующих субъектов, телефонных переговоров и т. д.) либо путем экономического анализа поведения хозяйствующих субъектов на рынке¹. Это позволяет прогнозировать, доказывать и предотвращать картельные сговоры.

Приведенное описание устной и письменной форм соглашения дано исключительно для облегчения понимания, в чем оно может объективироваться. Как уже было отмечено, *на квалификацию соглашения по ст. 178 УК его форма не влияет.*

Не влияет на нее и вид рынка (например, рынок электрической энергии, авиаперевозок, розничный рынок реализации молочной продукции), выступающий критерием классификации соглашений в практике антимонопольных органов.

Перейдем ко второму признаку картеля – его сторонам. Сторонами картеля как вида горизонтальных соглашений могут быть исключительно *хозяйствующие субъекты-конкуренты*, то есть хозяйствующие субъекты, осуществляющие *продажу* товаров на *одном* товарном рынке или *приобретение* товаров на *одном* товарном рынке (то есть представители только *одной стороны* рынка). Хозяйствующие субъекты-*приобретатели* включены в понятие картеля Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и от-

¹ Примеры дел, при рассмотрении которых применялись методы экономического анализа для доказательства наличия картелей: картель на рынке жидкой каустической соды в отношении ОАО «Единая торговая компания», ООО «Сибменеджмент», ОАО «Химпром», ЗАО «НПО Реагенты», ОАО «Саянскхимпласт», ООО «Сибирская химическая компания», ООО «Саянскхимпласт», ООО «Усольехимпром», ООО «Сода-хлорат», ЗАО «Илимхимпром», ООО «Сибур», ЗАО «Сибур Холдинг», ОАО «Сибур-Нефтехим», ОАО «Новомосковская Акционерная Компания «Азот», ОАО «Минерально-химическая компания «ЕвроХим», ООО «Новомосковский Хлор», ОАО «Башкирская Химия», ОАО «Каустик», ЗАО «Ренова Оргсинтез», ОАО «Химпром», ООО «Никохим», ОАО «Каустик», ОАО «ГалоПолимер», ООО «ГалоПолимер Кирово-Чепецк», ООО «Торговый дом «Химпром», ООО ПО «Химпром». См.: Решение и предписание ФАС России от 11.01.2012 № 1-11/139-11 // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/documents/1-11-139-11>; Решение в отношении ассоциации добытчиков минтая и 26 рыбодобывающих предприятий от 27.12.2012 № 1-11/98-12 // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/1-11-98-12>; Решение по делу о нарушении антимонопольного законодательства в отношении ООО «Восток», ООО «Дороги Сибири», ОАО «ДЭП № 363», ОАО «ДЭП № 364», ИП Оганесяна В.В. от 22.12.2014 № 1-11-146/00-22-14 // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ka-52665-14>. См. также: *Познер Р.А.* Экономический анализ права: в 2 т. СПб., 2004. С. 383–391; *Тенишев А.П., Хамуков М.А.* Роль экономического анализа при доказывании картелей // Вестник АКСОР. 2016. № 1. С. 218; *Дозмаров К.В.* Экономические методы в борьбе с картелями // Экономический журнал. 2016. № 2(42). С. 27; *Местецкий Л.М., Кинев А.Ю.* О применении математических методов при анализе согласованных действий участников рынка // Тетради Международного университета в Москве. Вып. 12. Ч. 2. Россия XXI века: методология и практика междисциплинарного сотрудничества. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2010. С. 7; *Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самольцов П.В., Тенишев А.П.* Указ. соч. С. 137.

дельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.10.2015 № 275-ФЗ¹. Таким образом, с момента вступления названного Федерального закона в силу понятие картеля расширено, и следовательно, увеличен круг деяний, подпадающих под ст. 178 УК².

Некоторые авторы, уточняя *количественную* характеристику участников картеля, указывают на «возможность квалифицировать действия как картель, при котором сторонами являются хотя бы два субъекта-конкурента вне зависимости от того, что другими сторонами этого соглашения могут быть и покупатели товара, и третьи лица (например, посредники, представители, различные координаторы экономической концентрации ..., а также хозяйствующие субъекты, которые на момент заключения соглашения формально не являлись прямыми конкурентами одного из участников соглашения, но в будущем вошли на релевантный рынок в этом качестве)»³.

Безусловно, в этом случае картель будет, но соглашение между другими хозяйствующими субъектами (продавцом и покупателем либо субъектами, не конкурирующими на одном товарном рынке или рынке взаимозаменяемых товаров), то есть между субъектами, *не являющимися конкурентами*, квалифицируется по антимонопольному законодательству по ч. 4 ст. 11 ЗоЗК как «иные» соглашения или образуют самостоятельный состав нарушения, а с точки зрения уголовного – по ч. 5 ст. 33, ст. 178 УК (как пособничество, в связи с тем, что квалифицировать действия лиц как исполнителей по ст. 178 УК неправомерно – они не являются конкурентами).

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 41 (часть I). Ст. 5629.

² Ранее изменения в неуголовном законодательстве также *привели к частичной криминализации ограничения конкуренции*. В частности, Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.12.2011 № 401-ФЗ уточнил дефиницию хозяйствующего субъекта (п. 5 ст. 4 Закона): круг хозяйствующих субъектов был дополнен лицами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, но осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую им доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (например, *патентный поверенный, арбитражный управляющий, оценщик, занимающийся частной практикой*). См.: *Шишко И.В., Деревягина О.Е.* Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1(38). С. 176.

³ См.: *Кинев А.Ю., Франкевич О.П.* Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов // Юрист. 2017. № 13; *Егорова М.А., Кинев А.Ю.* Правовые критерии картеля // Право и экономика. 2016. № 4. URL: <http://отрасли-права.рф/article/19877>.

Для решения вопроса, являются ли конкретные хозяйствующие субъекты конкурентами, необходимо установить, осуществляют ли они деятельность на одном товарном рынке. Согласно п. 10.3 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке¹ установление этого обстоятельства осуществляется антимонопольным органом в четыре этапа: определяется временной интервал исследования товарного рынка, продуктовые и географические границы товарного рынка, а затем – наличие между субъектами конкурентных отношений. При этом Верховный Суд РФ в решении от 22.05.2017 № АКПИ17-182 подтвердил законность положений п. 10.9 Приказа № 220, предусматривающих специальный порядок проведения анализа состояния конкуренции на торгах при рассмотрении дел о нарушении п. 2 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК² – предметом анализа по делам о нарушении п. 2 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК не может являться товарный рынок: правонарушение совершается не на товарном рынке, а на торгах.

При определении участников-конкурентов следует учитывать, что наличие дружественных или родственных отношений не нивелирует состояние «конкуренции». Если лица не подпадают под исключения п. 7 ст. 11 ЗоЗК, суть которых будет раскрыта ниже, они являются конкурентами. Так, по уголовному делу в отношении руководителей ООО «Компания ФИТО» и ООО «Терра» доводом об отсутствии конкуренции между возглавляемыми ими юридическими лицами были их дружеские отношения³. Несмотря на это, следственные органы обоснованно вменили им преступное ограничение конкуренции. Таким образом, наличие именно формального признака – осуществление деятельности на одном товарном рынке – позволяет считать участников картеля конкурентами.

Третий обязательный признак картеля – одно из его пяти альтернативных последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, указывающих, как пояснил Пле-

¹ Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: утвержден Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220. Зарегистрирован в Минюсте России 02.07.2010. № 18026.

² Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пункта 10.3 в части, пункта 10.9 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утверждённого приказом Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. № 220: решение Верховного суда РФ от 22.05.2017 № АКПИ17-182 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71699782>.

³ Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801500049000417 от 10.04.2019 // Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области.

нум Верховного Суда, на предмет договоренности¹. Для разграничения их с последствиями преступления, предусмотренного ст. 178 УК, назовем их признаками-последствиями картеля.

Перечень признаков-последствий, в отличие от последствий иных антиконкурентных соглашений, *исчерпывающий*. При этом картелем признается соглашение, которое не только приводит, но *может привести* к одному из пяти последствий. Как верно указывает А. Я. Рыженков, «с точки зрения действия антиконкурентные соглашения возможны в трех вариантах: 1) договоренность была достигнута, но не выполнена, вследствие чего предусмотренные законом последствия могли наступить, хотя и не имели места фактически; 2) договоренность была достигнута и выполнена, но последствия по тем или иным причинам не наступили, хотя могли иметь место; 3) договоренность была достигнута, выполнена, последствия фактически наступили². С точки зрения квалификации содеянного в первом и втором случаях может быть вменено покушение на преступное ограничение конкуренции. Только в третьем случае виновные несут ответственность за оконченное преступление.

Итак, деятельность картелей, которая *приводит или может привести к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок*, – это продолжающиеся или разовые действия, когда хозяйствующие субъекты, сговорившись, устанавливают (поддерживают) цену, «угодную» картелю. При этом положения ч. 1 ст. 11 ЗоЗК могут быть применены как к изготовителям, так и к лицам, участвующим в распространении товаров на оптовом и розничных рынках³.

Это последствие может проявляться: в схожей динамике изменения цен (тарифов) на товар в течение определенного периода времени; единых ценах и тарифах, наценках и надбавках; едином размере скидок; фиксированном соотношении

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ №2 от 04.03.2021 (п. 22).

² Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России: монография [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ №2 от 04.03.2021 (п. 23).

между ценами на взаимозаменяемые товары; разных ценах для покупателей в пределах одной территории и отдаленных покупателей¹, а также в согласовании цен покупки соответствующих товаров, себестоимости товара, в создании объединенного фонда для компенсации потерь от снижения цен^{2,3} и т. п.

Второй признак-последствие – *повышение, снижение или поддержание цен на торгах*. Основное отличие сговора на торгах от картелей на товарных рынках – это способ достижения желаемого результата, который, по мнению А. В. Даниловской и А. П. Тенишева, влияет на общественную опасность всего преступления⁴.

Такие сговоры в нашей стране составляют основную массу картельных соглашений⁵, при этом 30 % таких соглашений представляют торги в сферах строительных, ремонтных работ и дорожного строительства⁶. Состав участников таких картелей исчисляется десятками, а количество торгов, охваченных их деятельностью, – сотнями⁷.

Традиционно в зарубежных странах такой сговор причисляют к наиболее тяжким нарушениям антимонопольного законодательства наряду со сговором конкурентов о ценах, групповым бойкотом в отношении компаний-конкурентов, а

¹ Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Омега-Л, 2011. С. 55.

² Фетисов А.К. Разрешение споров в арбитражных судах, связанных с применением антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Примером картельного сговора по установлению и поддержанию единых цен служит дело, возбужденное Кемеровским УФАС России в отношении хозяйствующих субъектов, осуществляющих розничную торговлю алкогольной продукцией, – членов НКО «Кузбасский алкогольный союз «Гарантия качества» за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения. Участники алкогольного союза заключили соглашение, суть которого сводилась к установлению одинаковых розничных цен на алкогольную продукцию. Членами союза была зафиксирована договоренность о соблюдении единой ценовой политики при розничной реализации алкогольной продукции, произведенной в Кемеровской области, а также об установлении минимальной розничной цены на водку, произведенную за пределами Кемеровской области (Решение по делу № 2/А-11-2009). См.: *Артемьев И.Ю., Цариковский А.Ю., Кинев А.Ю.* Указ. соч. С. 17.

⁴ Даниловская А.В., Тенишев А.П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-sgovory-na-torgah> (дата обращения: 19.06.2019).

⁵ Гаврилов Д.А. Антимонопольный контроль: теория в правоприменительная практика // Конкуренция и право. 2014. № 2. С. 8.

⁶ Добрикова Е. Антимонопольное законодательство: тенденции 2015 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/Article/616813/#Ixz3zf9n9dxz>; Цариковский А.Ю. Борьба с картелями как одно из направлений укрепления ациональной безопасности России // Картели и иные антиконкурентные соглашения. Проблемы предупреждения, пресечения и ответственности: сб. научных статей и тезисов / Под общ. ред. И.Ю. Артемьева, А.Г. Лисицына-Светлова; Научный Совет РАН по проблемам защиты конкуренции, Федеральная антимонопольная служба. М.: Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2017. С. 16; Бандурина Н.В., Тенишев А.П. Указ. соч. С. 57.

⁷ Сухаренко А. Указ соч. С. 2.

также со сговором фирм о разделе рынков¹. Во многих странах Европейского союза уголовное наказание установлено только за заключение картельного сговора на торгах².

Любое манипулирование при проведении торгов подразумевает сговор между компаниями-конкурентами, направленный на ухудшение конкурентных условий на этом конкурсе или аукционе³. Сговор на торгах «по самому своему характеру является антиконкурентной практикой, поскольку такой сговор противоречит самой цели проведения торгов, то есть получению товаров или услуг по наиболее выгодным ценам и условиям»⁴.

Обнаружить и расследовать сговор на торгах сложно в связи с трудностью получения доказательств, тем более при появлении электронных торгов. Преступление может включать в себя множество эпизодов с разными участниками. Зачастую соглашения о совместных действиях на торгах совершаются в устной форме, а следовательно, подтверждающие их документы отсутствуют. Еще более усложняет раскрытие этих сговоров тенденция последних лет: «участники в основном договариваются не в целях победы в единичных торгах, а реализовывают стратегию поведения по системной и постоянной деятельности на торгах»⁵.

Однако, несмотря на сложность доказывания, первый приговор по картельному сговору вынесен в отношении участников торгов⁶. В 2012 г. было возбуждено уголовное дело по факту совершения сговора при проведении ГОКУ «Новгородавтодор» аукциона на право заключения госконтракта на строительство моста

¹ См.: *Хабаров С.А.* Сговор как форма координации на торгах // Юрист. 2014. № 15; Картельный сговор при проведении тендера [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru>; *Кинев А.Ю.* Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью.

² Например, в Австрии, Бельгии, Германии, Венгрии, Италии, Польше, Испании и Великобритании для лиц, признанных виновными в совершении картельного сговора на торгах, предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы. Сроки заключения варьируются от двух до пяти лет. См.: Картельный сговор при проведении тендера [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. <https://fas.gov.ru>; *Евтушенко И.В.* Тайное антиконкурентное поведение участников товарного рынка: мировая практика государственной борьбы с картелями // Юридическая наука и практика: история и современность: сб. материалов I Международной научно-практической конференции. 2013. С. 261–263.

³ Картельный сговор при проведении тендера [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. <https://fas.gov.ru>.

⁴ Типовой закон о конкуренции. Серия документов ЮНКТАД по проблематике законодательства о политике в области конкуренции [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. Нью-Йорк, Женева. 2007. С. 33. URL: https://unctad.org/ru/docs/tdrbpconf5d7rev3_ru.pdf.

⁵ *Франскевич О.П.* Сговоры на торгах как форма монополистической деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 16.

⁶ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014.

через реку Перехода (далее – Контракт), начальная максимальная цена которого составляла 21 млн руб. Существо дела состояло в следующем: руководитель ООО «Новомост-53» – участника торгов, будучи в дружеских отношениях с заместителем начальника ГОКУ «Новгородавтодор» – заказчиком торгов, узнал контактную информацию всех руководителей хозяйствующих субъектов – участников торгов и заключил с конкурентами – участниками аукциона ограничивающее конкуренцию соглашение путем оказания давления на указанных участников аукциона и склонения их к отказу от участия в аукционе. Впоследствии ООО «СК “Балтийский регион”» и ООО «Трансбалтстрой» приняли вынужденное решение об отказе от дальнейшего участия в аукционе.

Открытый аукцион на право заключения Контракта был признан несостоявшимся в связи с тем, что на электронной площадке участвовало в торгах только ООО «Новомост-53». Аукционная комиссия признала победителем аукциона ООО «Новомост-53», с которым и был заключен указанный Контракт на сумму 21 млн руб. Эта сумма позднее была признана доходом в крупном размере. Директор ООО «Новомост-53» признан виновным в совершении ряда преступлений, в том числе по ч. 2 ст. 178 УК^{1,2}

Следующий признак-последствие картеля – *раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков)*.

Подобные соглашения на практике встречаются часто и более устойчивы, чем ценовые картели (то есть картели, приводящие или могущие привести к двум первым признакам-последствиям картеля). Обычно крупные компании-

¹ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014.

² Еще одним примером (в связи с розыском обвиняемых, не доведенным до приговора) является следующее дело. В 2014 г. ФАС России вынесла решение по ч. 1 ст. 11 ЗоЗК в отношении участников аукционов по продаже права на заключение договоров о закреплении долей квот добычи краба-стригуна опилию в подзоне Приморье для прибрежного рыболовства. Соглашение между компаниями, которые действуют на одном товарном рынке, в итоге привело к поддержанию цены на торгах по закреплению долей квот добычи краба. Материалы дела были переданы в Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 178 УК. По результатам рассмотрения материалов, переданных антимонопольным органом, было возбуждено уголовное дело в отношении руководителей компаний – участников аукционов. Следственным органом было предъявлено обвинение по ст. 178 УК, избрана мера пресечения в виде ареста. Лица объявлены в международный розыск. См.: Цариковский А.Ю. Указ. соч. С. 14.

поставщики устно договариваются о «своих» территориях поставок продукции, покупателях или продавцах либо устно согласовывают объемы и ассортимент поставляемой или приобретаемой продукции. Как указывает А. Ю. Кинев, признаками (или «симптомами») раздела рынка являются: раздел клиентов на «своих» и «чужих»; осуществление хозяйственной деятельности в определенных географических районах; отсутствие интереса к определенным клиентам, территориям, подрядам; искусственное сдерживание предложения товаров, несмотря на наличие спроса¹.

Примером такого картеля является заключенное соглашение между ООО «Гроссери», ЗАО «ТДС», ООО «Велес Групп», ООО «Соль Брянска» и ООО «ТДС Ростов» о разделе товарного рынка оптовых поставок пищевой соли в географических границах Российской Федерации (то есть в данном случае территория страны – один товарный рынок). Участники соглашения разделили рынок между собой по территориальному принципу, объему продажи товаров, ассортименту реализуемых товаров и составу покупателей и договорились не поставлять продукцию в не закрепленный за ними регион без письменного разрешения участника, «ответственного» за регион. Соглашение было заключено между хозяйствующими субъектами-конкурентами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке. Виновные не привлечены к уголовной ответственности только ввиду неустановления криминообразующих признаков².

Сокращение или прекращение производства товаров – четвертый признак-последствие картеля³. Сокращение производства – это снижение объема произ-

¹ Кинев А.Ю. Картели и другие антиконкурентные соглашения. См. также: Колчевский И.Б., Ложкина Е.И., Власенкова В.В. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» [Электронный ресурс]. М.: ОПНК ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. URL: <https://narodirossii.ru/?p=577>.

² Решение по делу № 1-00-37/00-22-13. См.: Артемьев И.Ю., Цариковский А.Ю., Кинев А.Ю. Указ. соч. С. 181.

³ Например, дело, возбужденное антимонопольным органом в отношении субъектов, осуществляющих деятельность на рынке добычи и оптовой реализации минтая и продуктов его переработки в границах Российской Федерации. Юридические лица образовали картель, целью которого было установление и поддержание цен на минтай и продукцию из него, а также *регулирование производства продукции из минтая и объемов ее реализации* на российском рынке. В связи с жесткой экспортно ориентированной политикой, проводившейся участниками «Минтаевого картеля», предложение данного товара на российском рынке было ограниченным. Установлено, что при ежегодном увеличении предоставляемых квот на вылов минтая на протяжении 2007–2009 гг. объем поставок на российский рынок не увеличивался и составлял всего 60–70 тыс. тонн, а увеличение квот влекло лишь увеличение экспорта. Потребности российских потребителей в минтае и продуктах его переработки обеспечивались в 2007–2009 гг. не в полном объеме, что приводило к дефициту данного товара. Это подтверждалось тем, что на протяже-

водства товаров, а прекращение производства – отказ от дальнейшего производства. При этом под товаром следует понимать не всю производимую продукцию, а только ту, о сокращении (прекращении) выпуска которой заключено соглашение.

Этот признак-последствие картеля следует разграничивать с выделяемым в экономической теории свертыванием производства. Последнее (а это тоже – сокращение или прекращение производства определенных видов продукции, товаров, услуг на предприятиях) происходит в связи со снижением спроса, отсутствием требуемых ресурсов, нерентабельностью производства и не является правонарушением¹.

Стратегия сокращения производства реализуется и когда фирма нуждается в перегруппировке сил после длительного периода роста или в связи с необходимостью повышения эффективности, когда наблюдаются спады и кардинальные изменения в экономике. В этих случаях хозяйствующие субъекты прибегают к использованию стратегий целенаправленного и спланированного сокращения. В отличие от него, при картельном сговоре сокращение или прекращение производства объясняются именно наличием сговора, а не экономических причин.

Несмотря на очевидную опасность рассматриваемого признака картеля, в правоприменительной практике подобные картели встречаются не часто.

Отказ от заключения договора с определенными продавцами или покупателями (заказчиками) – последний признак-последствие картеля². Отметим, что здесь речь идет именно о договоре, а не о любой договоренности.

нии 2006–2010 гг. минтай и продукты его переработки импортировались на территорию Российской Федерации (в основном из Китая, не добывающего данный вид рыб). Ситуация явилась следствием именно картельного соглашения хозяйствующих субъектов. См.: Решение ФАС России от 20.12.2012 по делу 1-11/98-12. URL: <http://docs.cntd.ru/document/443460269>.

¹ Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 384.

² Например, дело в отношении ОАО «Банк Москвы» (далее по тексту – Банк), которое отказалось принять договор (полис) страхования транспортного средства, выданный страховой компанией, не входящей в перечень страховых компаний, соответствующих требованиям Банка. Отказ Банка принять указанный полис стал следствием согласованной политики Банка и страховых организаций, с которыми Банк заключил агентские договоры, не соответствующие требованиям Постановления Правительства РФ от 30.04.2009 № 386 «Об общих исключениях в отношении соглашений между кредитными и страховыми организациями». Такие соглашения Банка и страховщиков об отказе в принятии полиса неаккредитованной страховой компании привели к необоснованному отказу от заключения договора с определенным страховщиком, а также к созданию препятствий для доступа на рынок страховых услуг Курской области неаккредитованного Банком страховщика. См.: Решение Курского УФАС России от 10.11.2010 по делу № 03-05/27-2010 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Заключение различного вида договоров – один из эффективных способов ведения предпринимательской деятельности, целью которого является оптимизация получения прибыли, развитие бизнеса, экономики. Соответственно, от качества договорных отношений зависит и развитие хозяйствующего субъекта, и, как следствие, развитие конкуренции. Поэтому воздействие на структуру договорных отношений – наиболее оптимальный способ влияния на экономические отношения, чем и пользуются нарушители.

Такие соглашения ограничивают конкуренцию путем прямого влияния на контрагентов, сводя к минимуму возможность заключить тот или иной договор.

Исходя из принципа свободы договора, заключение договора – это акт свободного волеизъявления сторон¹. При этом существует ряд оснований, в силу которых заключение договоров для стороны обязательно: наличие предварительного договора, публичный характер договора, требование закона и др. Отказ в заключении подобного рода договоров влечет для субъектов гражданско-правовую ответственность. Однако в рассматриваемом признаке-последствии акцент необходимо сделать не на вид договора (обязательный он для заключения или нет), в заключении которого отказано, а на наличие соглашения, из-за которого с определенным контрагентом не заключается договор. Поэтому ссылка хозяйствующего субъекта на отсутствие реальной возможности заключения договора не имеет юридической силы. Если отказ от заключения любого договора произошел из-за договоренности, это признак картельного сговора.

В научной литературе в качестве примера рассматриваемого признака-последствия картеля указывают «бойкот»². Это поведение нескольких конкурентов, целью которого является прекращение отношений с определенным лицом для пресечения, предотвращения каких-либо его действий на рынке или наказания его

¹ Ст. 421 ГК.

² *Кинев А.Ю.* Картели и другие антиконкурентные соглашения; *Дианов В., Егорушкин А., Хохлов Е.* Комментарий к «третьему антимонопольному пакету»: учеб. пособие. М.: Статут, 2012; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] / под ред. И.Ю. Артемьева // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

за какие-либо совершенные действия^{1,2}. Отметим, что одно соглашение может содержать несколько признаков-последствий картеля³.

Важно подчеркнуть, что пять перечисленных признаков-последствий являются обязательными альтернативными признаками самого картельного соглашения. Если хотя бы одного из них нет, нет и картеля.

Установление соглашения, которое приводит или может привести к любому из перечисленных выше признаков-последствий картеля, означает установление *оконченного* нарушения антимонопольного законодательства, предусмотренного ст. 14.32 КоАП («Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности»).

В отличие от ограничения конкуренции – административно-правового деликта, в ч. 1 ст. 178 УК указаны еще два признака соглашения: ограничивающий конкуренцию характер и запрещенность в соответствии с антимонопольным законодательством. Рассмотрим их.

Картель, как и другие соглашения, перечисленные в ст. 11 ЗоЗК, законодатель признает ограничивающими конкуренцию. Неслучайно норма о картеле размещена в ст. 11 ЗоЗК, озаглавленной «Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов». Однако, в отличие от других видов соглашений, ограничение конкуренции картелем в случаях, упомянутых в п.п. 1–5 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, в силу закона предполагается⁴. В этом состоит отличие картеля от иных антиконкурентных соглашений, которые в зависимости от обстоятельств могут (или не могут) привести к негативным последствиям, а их допустимость

¹ Дианов В., Егорушкин А., Хохлов Е. Указ. соч.

² Например, два продавца могут договориться с покупателем А, что они не будут продавать свои товары покупателю Б, который является конкурентом покупателя А. Это может привести к уходу покупателя Б с рынка либо к повышению цен для него. Другим примером «бойкота» является соглашение двух или более покупателей с продавцом о том, что покупатели не будут покупать товар у продавца-конкурента. Помимо этого, такие соглашения нередко сопровождаются договоренностями между покупателями и продавцом об условиях их работы друг с другом. См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции».

³ Например, решение по делу № 1-11/2-11. См.: Артемьев И.Ю., Цариковский А.Ю., Кинев А.Ю. Указ. соч. С. 39; Решение по делу № 05-02/2007-69 от 07.11.2007 // ФАС России. Борьба с картелями. Практика 2008 года (краткие описания дел). С. 53.

⁴ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ №2 от 04.03.2021 (п. 23).

определяется по правилам ст. 13 ЗоЗК («Допустимость действий (бездействия), соглашений, согласованных действий, сделок, иных действий»)¹.

Таким образом, признак *ограничивающего конкуренцию* присущ любому картельному соглашению. В диспозиции ч. 1 ст. 178 УК самостоятельной смысловой нагрузки он не имеет, и его следует исключить из диспозиции статьи.

Такую же оценку можно было бы дать и признаку *запрещенности в соответствии с антимонопольным законодательством*: в силу того, что картельные соглашения неизбежно ограничивают конкуренцию, их запрет является безусловным. «...Запрет на картели являлся и является безусловным или, как такой запрет называют в мировой юридической науке, запретом *per se*»².

О разграничении запрещенных соглашений на соглашения, *запрещенные безусловно (per se)*, и соглашения, *запрещаемые при условии ограничения конкуренции*, указано также в Письме ФАС России от 27.12.2011 № ИА/48801 «О применении “третьего антимонопольного пакета”»³. В соответствии с п. 7 этого Письма картель относится к безусловным запретам. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» также указано, что «запреты *per se* устанавливаются только в отношении соглашений между конкурирующими на товарном рынке хозяйствующими субъектами»⁴ (то есть в отношении картелей).

Вместе с тем в ЗоЗК предусмотрены случаи, когда соглашения не могут быть признаны картелем (ч. 7, 8 и 10 ст. 11) либо допускаются (ч. 1 ст. 13).

В силу того, что уголовный закон не может признавать преступлением дей-

¹ Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / Под ред. В. Ф. Попондопуло, Д.А. Петрова. М.: Норма; Инфра-М, 2013; *Кайль А.Н., Агеишкина Н.А., Серебренников М.М., Холкина М.Г.* Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (постатейный) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2014. URL: <http://www.consultant.ru>.

² Запреты *per se* были сформулированы Верховным судом США, постановившим, что «существуют определенные соглашения <...>, которые ввиду их пагубного воздействия на конкуренцию без всяких благотворных последствий считаются явно неразумными и, следовательно, противозаконными без тщательного расследования точного ущерба, который они принесли, или экономических оснований для их применения». См.: *Гурин Н.В.* Соглашения и согласованные действия в соответствии с антимонопольным законодательством // Туризм: право и экономика. 2007. № 5. С. 31; *Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П.* Указ. соч. С. 132.

³ О применении «третьего антимонопольного пакета»: письмо ФАС России от 27.12.2011 № ИА/48801 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ URL: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_50689.html.

ствия (бездействие), дозволенные регулятивным законодательством¹, такой признак картельного соглашения, как запрещенность его антимонопольным законодательством, законодатель мог бы и не включать в ст. 178 УК. Однако введение этого признака не лишено смысла: он «сигнализирует» следователям органов внутренних дел, что картельное соглашение нужно проверить на предмет наличия всех признаков преступления.

Так, антимонопольное законодательство не запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами, *входящими в одну группу лиц*, если один из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установил *контроль* либо такие хозяйствующие субъекты находятся *под контролем одного лица* (п. 7 ст. 11 ЗоЗК). Суть этого положения в том, «чтобы исключить применение запретов ст. 11 ЗоЗК к соглашениям, которые заключаются внутри одного бизнес-организма, имеющего единую цель на рынке»². В этом случае нет такого обязательного признака картельного соглашения, как его стороны (*нет конкурентов*).

В п. 7 ст. 11 ЗоЗК установлено и условие, при наличии которого соглашения указанных выше лиц картелем уже признаются. Таким условием названо соглашение между субъектами, осуществляющими виды деятельности, *одновременное выполнение которых одним субъектом не допускается в соответствии с законодательством РФ*³.

Вернемся к незапрещенному соглашению, внешне похожему на картель.

Под контролем, в соответствии с п. 8 ст. 11 ЗоЗК, понимается возможность физического или юридического лица прямо или косвенно (через юридическое лицо или несколько юридических лиц) определять решения, принимаемые другим юридическим лицом, посредством одного или нескольких следующих действий:

¹ Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. С. 302.

² Дианов В., Егорушкин А., Хохлов Е. Указ. соч.

³ Так, кредитным организациям запрещено заниматься производственной, торговой и страховой деятельностью (ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³). Вред для конкуренции соглашений лиц, занимающихся видами деятельности, которые нельзя совмещать, можно увидеть, на примере соглашений банков и страховых организаций, которые в рамках совместной деятельности по предоставлению кредитов вводят обязательное условие о страховании приобретаемого в кредит имущества в конкретной страховой организации по существенно завышенным тарифам. См.: Шоломова Е.В. Указ. соч.

1) распоряжения более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица;

2) осуществления функций исполнительного органа юридического лица.

Расширительное толкование критериев контроля, предусмотренных ч. 8 ст. 11 ЗоЗК, недопустимо в связи с наличием исчерпывающего и законченного перечня таких критериев допустимости антиконкурентных соглашений¹.

Отметим, что остальные признаки, соответствие которым позволяет признать совокупность физических и (или) юридических лиц *группой лиц* (ст. 9 ЗоЗК), позволяют считать субъектов, входящих в такую группу, субъектами картельного соглашения. При этом Президиум ФАС России подчеркивает, что наличие родственных связей между учредителями, акционерами или единоличными исполнительными органами хозяйствующих субъектов не является основанием для расширительного толкования ч. 8 ст. 11 ЗоЗК², но тем не менее должно быть установлено, что указанные лица являются конкурентами³.

Так, в уголовном деле, возбужденном по ст. 178 УК в отношении руководителей юридических лиц ООО «НикаМед», ООО «МедЛОН-ДВ» и ООО «МедЛОН», входивших в одну группу лиц по основаниям ст. 9 ЗоЗК, но не находившихся под контролем одного лица (п. 7 ст. 11 ЗоЗК), следователь указал: «...условия о допустимости антиконкурентных соглашений, установленные в ч. 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции, на ООО «НикаМед», ООО «МедЛОН-ДВ» и ООО «МедЛОН» не распространяются, и при участии в аукционах данные хозяйствующие субъекты должны были соблюдать требования п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции»⁴.

Антимонопольное законодательство не распространяется на совершение правообладателями действий по осуществлению исключительных прав на резуль-

¹ О применении частей 7, 8 статей 11 Закона о защите конкуренции: разъяснение № 16. Утв. Протоколом Президиума ФАС России № 2 от 13.03.2019.

² Там же.

³ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ №2 от 04.03.2021 (п. 28).

⁴ Обвинительное заключение по уголовному делу № 11902860002000046 от 10.10.2019 // Архив СО по г. Петрозаводску СУ СК России по Республике Карелия.

таты интеллектуальной деятельности. Не признаются картелем соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. Порядок реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности определяется в ч. 4 ГК.

В настоящее время рассматриваемая тема антимонопольного иммунитета является дискуссионной, поскольку вопрос распространения антимонопольного законодательства на сферу интеллектуальной собственности осложнен необходимостью поиска баланса между публичными и частными интересами¹. Однако из судебной практики видно, что соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг (с учетом описанных исключений) по ст. 178 УК не квалифицируются².

На первый взгляд, положения п. 10 ст. 11 ЗоЗК, согласно которым требования ст. 11 не распространяются и на соглашения о совместной деятельности, заключенные с предварительного согласия антимонопольного органа, полученного в установленном порядке, являются еще одним иммунитетом по отношению к картелям. Однако ясность в этот вопрос внесло Разъяснение Президиума ФАС по порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности³. В нем прямо указано, что соглашения о совместной деятельности, целью которых является ограничение конкуренции на товарном рынке, в том числе соглашения, направленные на установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок

¹ См.: *Ioannis Lianos* A Regulatory Theory of IP: Implications for Competition Law, CLES Working Paper Series 1/2008. URL: <https://www.ucl.ac.uk/cles/research-paper-series/research-papers/cles-1-2008>; *Сушкевич А.Г.* Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>; *Акифьева А.* Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>; *Акимова И.* Своеобразное ограничение конкуренции // ЭЖ-Юрист. 2012 № 12. С. 2; *Петрова А.С.* Особенности антимонопольного регулирования отношений в сфере интеллектуальных прав // Конкурентное право. 2016. № 2. С. 22–25.

² См.: Постановление ФАС Московского округа от 12.03.2014 № Ф05-17076/14 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru>.

³ По порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности: разъяснения Президиума ФАС России от 08.08.2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

(доплат) и (или) наценок; повышение, снижение или поддержание цен на торгах; раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращение или прекращение производства товара; отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), не могут быть признаны допустимыми. Фактически в Разъяснении указаны признаки-последствия картеля.

Таким образом, если целью соглашения о совместной деятельности было ограничение конкуренции, то оно может быть признано (или признается) картелем даже тогда, когда заключено с предварительного согласия антимонопольного органа¹.

Кроме того, признак *запрещенности в соответствии с антимонопольным законодательством* будет отсутствовать, если соглашение, включая картельное, допускается. В частности, согласно ч. 1 ст. 13 ЗоЗК могут быть признаны допустимыми соглашения хозяйствующих субъектов-конкурентов о совместной деятельности, если такими соглашениями не создается возможность для отдельных лиц устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке, не налагаются на их участников или третьих лиц ограничения, не соответствующие достижению целей таких соглашений, а также если их результатом является или может являться:

1) совершенствование производства, реализации товаров или стимулирование технического, экономического прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров российского производства на мировом товарном рынке;

2) получение покупателями преимуществ (выгод), соразмерных преимуществам (выгодам), полученным хозяйствующими субъектами в результате соглашений.

Как указывает М. А. Овчинников: «наличие подобного подхода для согла-

¹ Данное исключение применимо только к *публичным* соглашениям о совместной деятельности, если они заключены с предварительного согласия антимонопольного органа в соответствии со ст. 27 или 28 ЗоЗК либо проект такого соглашения был представлен в антимонопольный орган для проверки соответствия антимонопольному законодательству в соответствии со ст. 35 ЗоЗК (такие соглашения не ограничивают конкуренцию). См.: п. 2 Разъяснений по порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности.

шений о совместной деятельности обусловлено самой их природой. Соглашения, запрещенные частью первой статьи 11 Закона о защите конкуренции, имеют своей целью ограничение либо устранение конкуренции, следовательно, по определению не могут привести к повышению общественного благосостояния. Соглашение же о совместной деятельности, как правило, не преследует своей целью ограничение конкуренции и, в случае соответствия статье 13 Закона о защите конкуренции, напротив, повышает благосостояние как его участников, так и потребителей»¹.

Обратим внимание, допустимыми могут признаваться не любые соглашения, которые могут привести к признакам-последствиям картеля, а только публичные соглашения о совместной деятельности.

Итак, следует признать, что признак «запрещенности в соответствии с антимонопольным законодательством» в диспозиции ст. 178 УК указан не без основания.

Однако для признания заключения картельного соглашения окончательным преступлением необходимо дополнительно установить не только типичные криминообразующие признаки – причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере (подробнее будут раскрыты далее), но и признак, непосредственно указанный в диспозиции ч. 1, а именно ограничение конкуренции. Заметим, диспозиция статьи действительно сформулирована так, что при прочтении есть «соблазн» считать ограничение конкуренции деянием. Однако бланкетный характер нормы требует обращения к п. 17 ст. 4 ЗоЗК, в котором перечислены признаки ограничения конкуренции. Ими названы:

- сокращение числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке;
- рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке; отказ хозяй-

¹ Практика оценки соглашений о совместной деятельности или создании совместных предприятий на предмет их допустимости в соответствии с требованиями Закона «О защите конкуренции». Интервью с М.А. Овчинниковым, начальником управления контроля промышленности и оборонного комплекса ФАС России [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

ствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке;

– определение общих условий обращения товара на товарном рынке соглашением между хозяйствующими субъектами или в соответствии с обязательными для исполнения ими указаниями иного лица либо в результате согласования хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц, своих действий на товарном рынке;

– иные обстоятельства, создающие возможность для хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке.

Уже из первых перечисленных признаков (сокращение числа хозяйствующих субъектов, рост цены товара) становится ясно, что ограничение конкуренции – не деяние, а то, что стало его *результатом*, имеет место в объективной действительности. Более того, последний признак законодатель назвал «иными обстоятельствами», что указывает на отнесение к обстоятельствам и других признаков ограничения конкуренции. Ограничение конкуренции считают не деянием, а последствием и П. С. Яни¹, И. В. Шишко².

Ограничение конкуренции отнесено к последствию преступления, предусмотренного ст. 178 УК, и в методических рекомендациях, утвержденных Приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19 (п. 1.2)³. Кроме того, именно последствием названо ограничение конкуренции и в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 848246-7⁴.

Перейдем к анализу этого последствия. Безусловно, обоснованность сохранения в ч. 1 ст. 178 УК указанного криминообразующего признака вызывает со-

¹ Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 47.

² См.: Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. И.В. Шишко. М. : Проспект, 2011. С. 276.

³ Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного Кодекса Российской Федерации): утв. Приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19.

⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

мнение. Отнесение картелей к *запрещенным безусловно (per se)* «означает, что антимонопольный орган, расследуя дело о нарушении антимонопольного законодательства по части 1 статьи 11 Закона, *не устанавливает вредоносное воздействие картеля на конкуренцию*, а лишь квалифицирует такое соглашение как незаконное по формальным основаниям – по цели соглашения и природе отношений, в которых состоят стороны соглашения – конкуренты»¹.

Именно в связи с этим по делам о картелях анализ состояния конкуренции на товарном рынке включает всего четыре этапа², направленных на установление деятельности сторон на одном товарном рынке, *без оценки* состояния конкуренции на товарном рынке³.

Как видим, признак «ограничение конкуренции» по-прежнему противоречит смыслу понятия картеля, усложняет применение ст. 178 УК ввиду «трудоемкости его установления»⁴, но, будучи сохраненным в ч. 1 ст. 178 УК, требует доказывания⁵. Неслучайно адвокаты участников картеля доказывают отсутствие состава преступления, если следствие не доказало этого последствие.

Так, в деле по обвинению руководителей ООО «Ф.» и ООО «Т.» адвокат представил показания представителей других хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на одном товарном рынке с этими обществами. Из них следовало, что последние «..согласно ответу ЗАО “Ф.” <...> участвуют в электронных аукционах по ФЗ № 44; были осведомлены об аукционах, фигурирующих в материалах дела; информацию получали с сайта zakurki.gov.ru; имели возможность участвовать, но не желали принимать участия; ООО “Ф.” и ООО “Т.” не влияли на участие или не участие перечисленных компаний в электронных аукционах». Данная информация, по утверждению адвоката, подтверждает, что фи-

¹ Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П. Указ. соч. С. 32.

² П. 10.3 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке. См.: Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. 23 августа. № 34.

³ По делам об *иных* соглашениях анализ состояния конкуренции включает все 10 этапов (*с оценкой* состояния конкуренции на товарном рынке). См.: Там же, п. 1.3.

⁴ *Андреященко Е., Заздравных А.* К вопросу о методологии анализа картельных соглашений // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 55.

⁵ По мнению П. С. Яни, неустановление ограничения конкуренции не препятствует квалификации содеянного по ст. 178 УК. См.: *Яни П.С.* Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля. С. 47.

гулирующие в материалах дела аукционы были доступны для всех желающих, а ООО «Ф.» и ООО «Т.» не ограничивали конкуренцию¹.

«Обременение» российским законодателем названным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 178 УК, созвучно установлению жёстких требований к доказательствам наличия картеля американскими и европейскими судами².

Нельзя не отметить существование аргументов и в пользу сохранения этого признака преступления: сложность идентификации соглашений как картельных; благоприятные условия для возбуждения дела, а также формального анализа обстоятельств дела в условиях ограниченных возможностей фильтрации жалоб юридических или физических лиц³; появившиеся сомнения в запрете картелей согласно букве закона⁴ и, кроме того, способность ряда действий участников рынка одновременно ограничивать конкуренцию и повышать эффективность и благосостояние⁵. Очевидно, по замыслу законодателя, сохранение признака «ограничение конкуренции» должно исключить признание картельными соглашений, не являющихся таковыми.

Однако, исходя из положений регулятивного законодательства, мы соглашались П. С. Яни в том, что «существует необходимость исключения из диспозиции ст. 178 УК⁶ упоминания признака ограничения конкуренции как не соответствующего антимонопольному законодательству»⁷. И проект новой редакции ст. 178 УК приводит диспозицию ее первой части в соответствие ч. 1 ст. 11 ЗоЗК – исключает признак «ограничение конкуренции».

Далее отметим следующее: противоправное взаимодействие участников

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801500049000417 от 10.04.2019 // Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области.

² *Hüschelrath K.* How Are Cartels Detected? The Increasing Use of Proactive Methods to Establish Antitrust Infringements / *Hüschelrath K.* // 1 Journal of European Competition Law and Practical. 2010. Vol. 1, N 6. P. 524.

³ *Шаститко А.Е.* Картель: организация, стимулы, политика противодействия. С. 46; *Шаститко А.Е., Дозмаров К.В.* Указ. соч. С. 144.

⁴ *Шаститко А.Е.* Картель: организация, стимулы, политика противодействия. С. 34–35.

⁵ *Авдашева С.Б., Шаститко А.Е.* Конкурентная политика: состав, структура, система // Вопросы теории конкуренции. 2010. № 1 (19). С. 9.

⁶ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

⁷ *Яни П.С.* Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля. С. 47.

картеля не исчерпывается заключением соглашения¹. Ограничение конкуренции, крупные ущерб либо доход из самого факта заключения картельного соглашения не возникают. Если действия виновных были пресечены сразу после заключения соглашения, то привлечение к ответственности за ограничение конкуренции возможно только по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 178 УК, то есть за покушение (при доказанности желания виновного извлечь доход в крупном размере).

Реально последствия влечет (позволяет извлечь доход) *реализация* картельного соглашения, не отраженная в описании объективной стороны: установление или поддержание цен, раздел рынка, сокращение или прекращение производства товаров.

Учитывая возможность квалификации заключения соглашения как покушения на преступление, предусмотренное ст. 178 УК, уголовно-правовое значение приобретает вопрос о том, входят ли в понятие заключения картельного соглашения действия по организации (достижению) заключения соглашения (например, назначение конкурентам встречи с обозначением вопроса для обсуждения, направление хозяйствующим субъектам-конкурентам проекта соглашения и т. д.).

С нашей точки зрения, действия по достижению соглашения еще *не образуют* заключения соглашения. В соответствии с ч. 1 ст. 11 ЗоЗК признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, если такие соглашения приводят или могут привести к указанным в этой норме последствиям. Очевидно, что действия «по достижению» к указанным последствиям привести не могут: договоренность еще не достигнута. Названные организационные действия могут квалифицироваться как приготовление к ограничению конкуренции, предусмотренному ч. 2 или 3 ст. 178 УК (то есть к ограничению конкуренции, относящемуся к тяжким преступлениям).

Классическими альтернативными криминообразующими признаками ограничения конкуренции выступают крупный ущерб или извлечение дохода в крупном размере.

¹ В экономической литературе картельное соглашение считают, как правило, разновидностью *долгосрочных* контрактных отношений. См.: *Шаститко А.Е.* Картель: организация, стимулы, политика противодействия. С. 37.

Несмотря на законодательное толкование признака «крупный» в примечаниях (п. 1 и 2) к ст. 178 УК и отражение характера ущерба (реального ущерба и упущенной выгоды) в ведомственных актах ФАС России¹, проблема установления крупного ущерба или дохода в крупном размере не устранена: единой доктринальной либо нормативно закреплённой методики определения ущерба либо дохода от картельных соглашений не существует, что существенным образом влияет на статистику вынесения приговоров по ограничению конкуренции². Как верно отмечает Э. Д. Солодилова, «потенциальная неприменимость признаков причинения ущерба и извлечения дохода станет именно тем инструментом, который поможет виновным лицам избежать ответственности»³.

Поэтому исследование объективной стороны рассматриваемого преступления невозможно без толкования этих признаков.

Обратимся к основополагающему гражданско-правовому термину «убытки», который, как считает Л. Гаухман, является базовым для определения ущерба⁴.

Согласно ч. 2 ст. 15 ГК под убытками понимают расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Таким образом, понятие «убытки» складывается из упущенной выгоды и реального ущерба, который, в свою очередь, состоит из расходов на восстановление нарушенного права и утраты или повреждения имущества.

¹ Разъяснение № 6 Президиума ФАС России «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства»; Разъяснения от 28.06.2010 № 09/649 «Об определении ущерба и дохода при нарушении статей 10, 11, 16 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и привлечении физических и юридических лиц к административной ответственности» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

² Деревягина О.Е. Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции // Российский следователь. 2008. № 16. С. 23; Дворцова Е., Евланов А. Улика в пользу сговора // Российская газета. 2007. 17 апреля (электронный ресурс <https://rg.ru/2007/04/17/fas.html>); Кайшеев А.В. Общественно опасные последствия как конструктивный признак некоторых преступлений в сфере экономической деятельности // Экономика и право. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 148.

³ Солодилова Э.Д. Извлечение дохода в крупном размере как признак преступного картеля // Уголовное право. 2011. № 6. С. 52.

⁴ Гаухман Л. Соотношение крупного размера и крупного ущерба в УК РФ // Законность. 2001. № 1. С. 32.

Как видно из анализа научной литературы, в уголовном праве четкое понимание содержания понятия «ущерб» не выработано. При установлении последствий преступлений в сфере экономической деятельности возникает вопрос о том, образует ли такое последствие только реальный ущерб или же в его состав входит и упущенная выгода (неполученные доходы).

Л. Гаухман указывает, что для уголовно-правовой оценки содеянного имеет значение лишь такой компонент реального ущерба, как утрата или повреждение имущества, – только он учитывается при квалификации преступлений. Другие компоненты ущерба – расходы на восстановление нарушенного права и упущенная выгода – имеют исключительно гражданско-правовое значение и могут быть взысканы с виновного в порядке гражданского иска¹. Такого же мнения придерживается В. А. Навроцкий, считая, что упущенная выгода не должна приниматься во внимание при определении последствий преступлений. Он приводит следующие доводы: во-первых, нарушение гражданского права и совершение преступления – это не одно и то же, и в случае совершения преступления нарушение гражданского права выступает как производное и не обязательное последствие; во-вторых, в ГК РФ определен статус участника гражданско-правовых отношений, права которого нарушены гражданским деликтом. Решение же уголовно-правовых вопросов связано с определением наличия общественной опасности, в основе которой лежит не вред отдельному потерпевшему, а угроза обществу и государству. В-третьих, в гражданско-правовых отношениях бремя доказывания того, что лицо получило бы доходы, что оно предприняло все необходимые меры, чтобы не допускать указанного ущерба, возлагается на кредитора².

Напротив, И. А. Клепицкий признает упущенную выгоду элементом ущерба в экономических преступлениях³. Е. В. Чупрова, Т. В. Пинкевич, М. Кострова, К. Хутов, М. Г. Жилкин, Б. В. Яцеленко и другие ученые тоже включают упущенную выгоду в понятие крупного ущерба, в том числе и применительно к преступ-

¹ Гаухман Л. Указ. соч. С. 32.

² Навроцкий В.А. Можно ли упущенную выгоду учитывать в качестве преступных последствий? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов 3-й Междунар. практ. конф. М.: МГЮА, 2006. С. 332.

³ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. С. 59.

лению, предусмотренному ст. 178 УК¹. В методических рекомендациях о расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК, упущенная выгода также включена в состав ущерба от этого преступления².

Тезис о том, что упущенная выгода включается в понятие крупного ущерба, подтверждается на примере потерпевшего хозяйствующего субъекта. Специфика антиконкурентных действий состоит в том, что хозяйствующему субъекту ущерб наносится не столько в виде повреждения имущества, угрозы такого повреждения (реальный ущерб), сколько в воспрепятствовании его экономической деятельности, вследствие которого данный субъект не получает потенциальную прибыль.

Судебная практика по антимонопольным делам также подтверждает возможность взыскания убытков в виде упущенной выгоды от антиконкурентных действий. Однако суды исключительно требовательно относятся к предоставлению доказательств наличия причинно-следственной связи между убытками и соответствующими действиями³. Особенно это касается упущенной выгоды⁴.

Итак, можно констатировать, что в понятие крупного ущерба, предусмотренного ст. 178 УК, включаются и реальный ущерб, и упущенная выгода⁵.

Приведем пример определения ущерба в виде упущенной выгоды, причиненного участнику торгов в результате заключённого картельного соглашения. Компания ООО «Тектоника» участвовала в аукционе, в ходе которого было заключено картельное соглашение между ООО «Автодормостпроект», ООО «Нива»

¹ *Чупрова Е.В.* Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 53; *Кострова М.* Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>; *Пинкевич Т.В.* Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Ставрополь, 1999. С. 58; *Хутов К.* Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование; *Жилкин М.Г.* Уголовно-правовая оценка последствий в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Яцеленко Б.В., Жилкин М.Г.* Ущерб как следствие преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2002, Вып. 5. С. 21–32.

² Методика расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьей 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»: метод. рекомендации. М., 2015. С. 10.

³ *Трофимов В.Н.* Аналитический обзор применения судами антимонопольного законодательства за II квартал 2004 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2003 № 10890/02; Постановление Президиума ВАС РФ от 22.05.2001 № 7598/00; Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2001 № 7201/00; Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.1998 № 5007/98 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru>.

⁵ *Деревягина О.Е.* Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции.

и ООО «ТрансПроектСервис»¹.

Из показаний учредителя ООО «Тектоника» следует, что «...ООО “Нива” и ООО “ТрансПроектСервис”, действуя в интересах ООО “Автодормостпроект”, демпинговали в ходе аукциона, то есть резко снижали ценовые предложения с 45 млн руб. до 4 млн руб. В начале аукциона ООО “Тектоника” сделало ценовое предложение в сумме 43 млн руб., однако, ввиду указанного демпинга, торги продолжать не стало, поскольку они потеряли всякий смысл в связи с тем, что ООО “Нива” и ООО “ТрансПроектСервис” делали низкие демпинговые ценовые предложения, вводя тем самым ООО “Тектоника” в заблуждение относительно возможной цены контракта. 23.01.2017 по результатам проведения аукциона выяснилось, что заявки ООО “Нива” и ООО “ТрансПроектСервис” аукционная комиссия отклонила, ввиду их несоответствия требованиям аукционной документации. Как следствие, победителем аукциона стало ООО “Автодормостпроект”, сделавшее лучшее ценовое предложение.

<...> Таким образом, ООО “Нива”, ООО “ТрансПроектСервис” и ООО “Автодормостпроект”, создав в интересах последнего на электронном аукционе демпинговую ситуацию, ввели ООО “Тектоника” в заблуждение, не позволив ему победить в торгах. В результате этого ООО “Тектоника” был причинен материальный ущерб в виде сделанного ценового предложения в размере 43 млн руб., *то есть суммы, которую оно предложило на аукционе*, но которую участники соглашения смогли снизить, введя ООО “Тектоника” в заблуждение и не дав продолжать торг. Тем самым действиями ООО “Автодормостпроект”, ООО “ТрансПроектСервис” и ООО “Нива” ООО “Тектоника” причинен имущественный ущерб в сумме 43 млн руб.». В приведенном примере потерпевший указал именно на упущенную выгоду, которую бы он получил в случае победы на торгах.

В другом уголовном деле суд указал, что «в результате преступных действий обвиняемых двум хозяйственным обществам был причинен материальный ущерб в размере 43 млн руб. каждому. При этом размер ущерба в виде упущенной

¹ Обвинительное заключение от 21.03.2018 по уголовному делу №1170294001600207 // Архив СУ СК России по Удмуртской Республике.

выгоды был определен, исходя из предложений потерпевших о цене контракта, сделанных в ходе электронного аукциона»¹. Верховный Суд Удмуртской Республики в апелляционном постановлении отметил: «Вывод о том, что данное хозяйственное общество могло стать победителем электронного аукциона на конкурентной основе, носит характер предположения, которое не может быть положено в основу обвинительного заключения и которое опровергается материалами дела»². Таким образом, суд посчитал, упущенную выгоду недоказанной. Однако возможность причинения ущерба в виде упущенной выгоды суд не отрицал.

В литературе для определения ущерба предлагают использовать методы сравнения цен во время периода картеля с ценами сопоставимого рынка, на котором картеля нет, или для того же самого рынка, но в течение конкурентоспособного периода³; построения некоторой регрессионной модели, описывающей ценообразование; сравнения фактической цены картеля с гипотетической ценой в условиях конкуренции⁴ и др. В целом все используемые методы исчисления убытков от антимонопольных нарушений берут за основу модель развития рынка, на котором отсутствует нарушение законодательства о конкуренции.

Эти методы нашли отражение и в Разъяснениях Президиума ФАС России по определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства⁵ (далее – Разъяснения). При этом документ не ограничивает перечень допустимых методов определения убытков. В нем отмечено, что ни один из приведенных методов не имеет заведомо приоритетного статуса⁶.

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Ижевска о возвращении уголовного дела прокурору от 06.07.2018 по делу № 1-73/2018.

² Апелляционное постановление ВС Удмуртской Республики от 18.09.2018 по делу № 22-1600. URL: https://vs--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5273973&delo_id=4&new=4&text_number=1.

³ Practical guide Quantifying harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 of the treaty on the functioning of the European union. C(2013)3440; Strasbourg, 11.6.2013; SWD(2013) 205. P. 16. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_guide_en.pdf; *Boshoff W.H.* Illegal cartel overcharges in markets with a legal cartel history: bitumen prices in south africa // *South African Journal of Economics*. June 2015. Vol. 83:2. P. 222.

⁴ *Алешин Д.А., Князева И.В., Сушкевич А.Г.* Экономический анализ в практике зарубежного антимонопольного регулирования: монография. Новосибирск: изд-во НГТУ, 2016. С. 135–137.

⁵ Разъяснение № 6 Президиума ФАС России «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства»: утв. Протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7; Разъяснение Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства»: утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20.

⁶ См.: Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными пра-

В условиях многообразия предложенных методов, способных привести к несовпадающим оценкам размера ущерба, определенным ориентиром можно считать высказывание Европейской комиссии (ЕК) о предпочтительном использовании метода эталонных рынков, когда в качестве основы для формирования гипотетической ценовой динамики при отсутствии картеля берется близкорасположенный рынок рассматриваемого товара, находящийся в состоянии конкуренции, или рассматривается рынок товара-аналога¹.

Итак, как и в европейском конкурентном законодательстве, в российской правоприменительной практике нормативно установленные методики исчисления размера убытков в настоящее время отсутствуют. Существующие методики являются чисто экономическими и имеют рекомендательный характер².

В связи с этим многие авторы высказываются о невозможности достоверного определения ущерба. М. А. Егорова отмечает, что при антимонопольных нарушениях «точное установление размера экономических убытков осложняется спецификой их состава, так как в них превалирует упущенная выгода и убытки зачастую имеют косвенный характер», и, анализируя методы исчисления убытков, указывает, что они «имеют гипотетический характер и не могут претендовать на высокую точность, то есть они приближительны»³.

Несмотря на сложность определения ущерба, указание его в решении антимонопольного органа заставляет хозяйствующих субъектов оспаривать его размер в арбитражных судах для избежания уголовной ответственности.

воохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного Кодекса Российской Федерации): утв. Приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19.

¹ *Алешин Д.А., Князева И.В., Сушкевич А.Г.* Указ. соч. С. 137.

² См.: *Quantifying antitrust damages* // http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_study.pdf; *Communication from the Commission on quantifying harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union (Text with EEA relevance) (2013/C 167/07)* // OJ C 167/19. 13/06/2013 // http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_guide_en.pdf; *Draft guidance paper quantifying harm in actions for damages based on breaches of article 101 or 102 of the Treaty on the functioning of the European Union* // http://ec.europa.eu/competition/consultations/2011_actions_damages/draft_guidance_paper_en.pdf; *Quantifying antitrust damages* // http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_study.pdf.

³ *Егорова М.А.* Европейская и российская модели возмещения убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства: компаративный аспект // *Право и экономика*. 2015. № 4. С. 4–11. См. также: *Денисова А.В.* Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // *Российский следователь*. 2016. № 13. С. 26–32; *Взыскание убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства: практическое руководство* / Отв. ред. С.А. Пузыревский, О.А. Москвитин, И.А. Акимов. М.: Проспект, 2019. С. 61.

Так, антимонопольным органом было установлено, что ООО «СтройДеЛюкс», ООО «Элегант» и ООО «СК-Волга» заключили устное соглашение, целью которого было устранение добросовестных участников аукциона и заключение контракта с одним из лиц, участвующих в сговоре, по максимально возможной цене. ООО «СтройДеЛюкс» и ООО «Элегант» снижали цену контракта до экономически невыгодного уровня с целью введения в заблуждение добросовестного участника аукциона и его отказа от дальнейшего участия в аукционе¹. При этом ООО «СтройДеЛюкс» и ООО «Элегант» заранее знали, что вторые части их заявок будут отклонены, так как они не соответствовали по своему содержанию предъявляемым требованиям.

В результате контракт был заключен с ООО «СК-Волга», которое сделало наиболее экономически целесообразное предложение о цене контракта. Антимонопольный орган в решении указал, что в результате соглашения заказчику причинён *ущерб* в сумме 35 млн руб (цена контракта), и направило материалы дела в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 178 УК.

Не согласившись с решением УФАС в части размера причиненного ущерба, ООО «СК-Волга» обратилось в арбитражный суд. При этом по существу (в части наличия картельного соглашения) решение не оспаривалось. Арбитражный суд в заявлении отказал².

Данная практика примечательна двумя аспектами: во-первых, антимонопольный орган определил в действиях ущерб в сумме, равной цене контракта, а во-вторых, участники картеля обжаловали именно размер ущерба и передачу дела в правоохранительные органы, опасаясь реальной угрозы возбуждения уголовного дела.

В данном случае следует отметить заблуждение антимонопольного органа, касающееся суммы размера ущерба. На наш взгляд, сумма контракта – это незаконно полученный *доход*, ущербом же в данном случае будет разница между мак-

¹ Решение Арбитражного суда Чувашской республики – Чувашии от 30.07.2015 по делу № А79-3330/2015. URL: https://rospravosudie.com/law/Статья_178_УК_РФ.

² Там же.

симальной ценой контракта, по которой был заключен договор, и рентабельной ценой, по которой мог заключить контракт добросовестный участник¹. Поскольку контракт был исполнен, а заказчик не имел претензий к качеству работ, то его ущербом в данном случае будет «переплата», которую он осуществил в связи с картельным соглашением.

Исходя из диспозиции ст. 178 УК, крупный ущерб должен быть причинен гражданам, организациям или государству. Действующее уголовно-процессуальное законодательство в качестве потерпевшего по уголовному делу признает физическое лицо и юридическое лицо². Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования, относящиеся к публично-правовым образованиям, не могут быть признаны потерпевшими по уголовному делу³. Однако это не означает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления как юридические лица лишены права требовать признания их потерпевшими в случае причинения преступлением вреда непосредственно их имуществу или деловой репутации.

Вторым альтернативным криминообразующим признаком преступления, предусмотренного ст. 178 УК, является признак «извлечение дохода в крупном размере».

На практике его определение встречает трудности иногда и в тех случаях, когда реальной трудности нет.

Приведем пример ошибочно определенного дохода. Группа компаний в Удмуртской Республике заключила устное соглашение, которое привело к поддержанию цены на торгах при проведении 280 аукционов в электронной форме.

¹ Показательным является материал, где следствие именно так посчитало ущерб: как разницу между ценой контракта, заключенного в результате сговора на торгах, и той, которую предлагал добросовестный конкурент, однако дело было прекращено по иным основаниям. См.: Постановление о прекращении уголовного дела СУ СК РФ по Нижегородской обл. от 07.08.2011 // Архив ГСУ при ГУВД по Нижегородской области.

² Ст. 42 УПК. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 13.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ О привлечении Минфина РФ в качестве потерпевшего по уголовным делам в связи с причинением ущерба государству: письмо Минфина РФ от 09.08.2006 № 08-04-14/4048 // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (документ опубликован не был); Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 11 Московского района города Рязани о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 812-О-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (документ опубликован не был).

Доход, полученный участниками соглашения, составил 58 млн руб. Следователь отдела СЧ СУ МВД отказал в возбуждении дела по следующим основаниям: «сумма отдельных контрактов, которые по итогам аукционов заключали хозяйствующие субъекты, не превышает сумму, установленную диспозицией ст. 178 УК. В материалах проверки не содержится достаточных сведений о наличии у руководителей хозяйствующих субъектов умысла на совершение продолжаемого в 2014–2015 гг. преступления и получение дохода в крупном размере. Кроме того, суммы доходов, полученных отдельными юридическими лицами по заключенным контрактам, не превышают 50 млн руб.»¹. Как видно, следствие не учло, что при определении крупных дохода или ущерба учитывается не размер дохода/ущерба, полученный/причиненный каждым виновным, а совокупный, полученный или причиненный всеми участниками соглашения².

Однако главным является вопрос, как определить доход, полученный субъектами картельного соглашения. В Уголовном кодексе понятие дохода применительно к ст. 178 не раскрывается, поэтому следует руководствоваться иным специальным законодательством.

Понятие дохода как одного из объектов налогообложения дано в ст. 41 Налогового кодекса РФ³. Доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций»⁴. Минфин России, уточняя данное понятие в п. 2 Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99, указал, что доходами организации признается увеличение экономических выгод в результате поступления активов (де-

¹ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике от 19.03.2018 // Архив СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.

² В другом примере следствие уже указало на совокупный особо крупный доход (более 30 000 000 руб.), полученный в результате сговора на торгах неустановленными лицами из числа сотрудников ООО «РАСКАТ», АО «Кабельный завод «Кавказкабель», ОАО «Народное предприятие «Подольсккабель», ООО «Камский кабель». См.: Постановление о возбуждении уголовного дела СЧ СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве № 1170145009000551 от 27.07.2017. Исх. № 38/6-6852 от 24.04.2018.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824 (далее по тексту – НК РФ).

⁴ Там же.

нежных средств, иного имущества)¹.

При толковании дохода от ограничения конкуренции ряд авторов предлагает руководствоваться разъяснением, указанным в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве»². В нем под доходом понимается выручка от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов.

Эта позиция воспринята и в п. 1 примечаний к ст. 178 УК в проекте Федерального закона № 848246-7: в нем доходом признается выручка от реализации товаров (работ, услуг), извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения, без вычета произведенных расходов³. Однако в официальном отзыве Верховного Суда РФ на этот проект⁴ указано, что содержание п. 1 примечаний необходимо уточнить и привести в соответствие п. 13 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (далее – Обзор). В Обзоре под доходом, подлежащим взысканию в федеральный бюджет с лица, чьи действия (бездействия) признаны монополистической деятельностью и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, понимается доход, полученный от таких противоправных действий (бездействия)⁵. В контексте указанного положения перечислению в федеральный бюджет подлежит доход организации, полученный ею от неправомερных действий (бездействия), а не вся полученная от реализации такой продукции выручка⁶.

¹ Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99: Приказ Минфина России от 06.05.1999 № 32н (ред. от 06.04.2015). Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.1999 № 1791 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6208.

² Максимов С.В., Утаров К.А. Указ. соч. С. 38; Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного Кодекса Российской Федерации): утв. Приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19.

³ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Прим. 1).

⁴ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.06.2019 № 4-ВС-4094/19 // URL: <https://sozd.duma.gov>.

⁵ Утв. Президиумом ВС Российской Федерации 16.03.2016.

⁶ Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере: утв. Президиумом ВС РФ от 16.03.2016.

Содержащиеся в Обзоре положения созвучны и представлению некоторых авторов об исчислении совокупного дохода участников картеля. Так, Э. Солодилова отмечает, при заключении антиконкурентных соглашений их участники осуществляют свою коммерческую деятельность на законных основаниях и получают легальные доходы: участие в сговоре обеспечивает им получение сверхприбыли¹. Эту идею развивают А. Е. Шаститко и К. В. Дозмаров: «Категория сверхприбыли – не эфемерная величина, которая сама собой подразумевается, а конкретная счетная величина, которая ровно так же подлежит доказыванию, как и иные элементы правонарушения»². Продолжая этот тезис, авторы предлагают для исчисления дохода от картельного соглашения ориентироваться на примечание 1 к ст. 185.3 УК («Манипулирование рынком»), в котором излишним доходом признается доход, определяемый как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий³. Считаем предложенный способ единственно верным. Доход от незаконного предпринимательства – это доход от незаконной деятельности, а доход картеля, частично сформирован и законным путем.

Приведем гипотетический пример. Несколько хозяйствующих субъектов осуществляют производство молочной продукции. В результате своей предпринимательской деятельности они извлекают законный доход. После заключения картельного соглашения о разделе товарного рынка по составу продавцов участники картеля, благодаря этому соглашению, неизбежно начинают получать дополнительный доход («сверхприбыль»). Именно эта сверхприбыль и есть результат картельного соглашения.

В связи с изложенным, доход от картельного соглашения следует рассчитывать как разность между доходом, полученным в связи с заключенным картельным соглашением, и доходом, полученным в конкурентных условиях. Однако такой способ определения дохода требует оговорки в отношении заключения самых распространенных картельных соглашений – соглашений на торгах.

¹ Солодилова Э.Д. Извлечение дохода в крупном размере как признак преступного картеля. С. 48.

² Шаститко А. Е., Дозмаров К. В. Указ. соч. С. 147.

³ Там же.

В настоящее время на практике доходом от таких соглашений признают весь доход, полученный по договору, заключенному на торгах¹. С нашей точки зрения, способ определения дохода нужно дифференцировать в зависимости от того, кто участвовал в торгах – только участники картеля либо участники картеля и другие хозяйствующие субъекты.

В случае если в торгах принимают участие исключительно хозяйствующие субъекты – члены одного картеля, способ исчисления незаконно полученного дохода в виде разницы между ценой, которая бы сложилась в конкурентных условиях, и ценой, установленной картелем, применим. Здесь виновные преследуют единственную цель – как можно меньше снизить начальную максимальную цену контракта.

Если в торгах наряду с членами картельного соглашения участвуют иные хозяйствующие субъекты, то первые смогут заключить договор на торгах, исключив конкурентов любым *незаконным* способом («таран», «карусель» или др.²).

Учитывая изложенное в п. 1 примечаний к ст. 178 УК в проекте федерального закона № 848246-7, считаем необходимым изложить так:

«Под доходом в настоящей статье признается разница между доходом от реализации товаров (работ, услуг), извлеченным всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения *в результате заключения и (или) участия в таком соглашении*, и доходом, который сформировался бы в конкурентных условиях.

Доходом, полученным в результате соглашения на торгах, если в них наряду с членами картельного соглашения принимали участие иные хозяйствующие субъекты, признается все полученное от заключения договора на торгах».

В заключение исследования криминообразующих признаков обратим внимание на их количественные пороговые значения, закрепленные в примечании к ст. 178 УК. Как известно, «размер причиненного вреда влияет на степень обще-

¹ Решение Московского УФАС России от 15.04.2021 по делу № 077/01/11-21427/2020 // <https://br.fas.gov.ru>; Решение Московского областного УФАС России от 10.03.2021 по делу № 050/01/11-2003/2020 // <https://br.fas.gov.ru>; Решение Татарстанского УФАС России от 24.11.2020 № АР-05/15496 по делу № 016/01/11-1498/2020 // <https://br.fas.gov.ru>; Решение Московского УФАС России от 03.03.2021 по делу № 077/01/11-16109/20// <https://br.fas.gov.ru>; Решение ФАС России от 25.12.2020 по делу № 22/01/00-51/2020// <https://br.fas.gov.ru> и др.

² Название схем незаконного поведения участников торгов, в которых определенным образом распределены их роли.

ственной опасности деяния и выступает на первый план при признании его преступным, при квалификации преступления, при назначении виновному меры наказания»¹. Совершенно правильно С. В. Векленко и И. А. Тихон отмечают, что «любая правовая норма должна отвечать требованиям социальной обусловленности»². Говоря об имущественном ущербе, авторы утверждают, что «его основные критерии должны быть четко обоснованы, а не случайными»³. Это утверждение нужно распространить и на последствие – извлечение дохода в крупном размере.

Размер ущерба от преступного ограничения конкуренции превышает показатель «типового» крупного ущерба, установленный в примечании к ст. 170² УК, более чем в четыре раза, а «типового» дохода в крупном размере – более чем в 20 раз!⁴

Проект ст. 178 УК предусматривает повышение пороговых значений крупного ущерба/дохода в крупном размере в два раза: «крупным ущербом <...> признается ущерб, сумма которого превышает двадцать миллионов рублей»⁵, «доходом в крупном размере <...> признается доход, сумма которого превышает сто миллионов рублей»⁶. Таким образом, указанные изменения могут существенно сузить пределы применения ст. 178 УК, что, на наш взгляд, неэффективно в борьбе с картелями. В связи с этим некоторые авторы предлагают снизить пороговые значения, причем не только указанные в проекте, но и в действующей редакции.

Так, А. П. Гудков предлагает снизить пороговое значение дохода в десять раз в сравнении с указанными в действующей редакции⁷.

¹ Кубанов Г.С. Вопросы совершенствования законодательной регламентации общественно опасных последствий преступлений // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatelnoy-reglamentatsii-obschestvenno-opasnyh-posledstviy-prestupleniy> (дата обращения: 19.06.2019).

² Векленко С.В., Тихон И.А. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономики: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008. С. 50.

³ Там же.

⁴ Крупный ущерб предусмотрен ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 176, ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 180, ч. 2 ст. 180, ч. 1 ст. 185, ч. 1 ст. 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.4, ч. 1 ст. 185.6, ч. 1 ст. 195, ч. 2 ст. 195, ч. 3 ст. 195, ст. 196, ст. 197 УК; доход в крупном размере – ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 185.4, ч. 1 ст. 185.6 УК.

⁵ Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (прим. 3).

⁶ Там же (прим. 2).

⁷ Гудков А.П. Сговор на торгах как вид криминального ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ): проблемы законодательной регламентации // Юридические исследования. 2018. № 11. С. 27.

Ю. В. Трунцевский и И. В. Осипов, ориентируясь на показатель среднего ежегодного оборота, приходящегося на одного фактически действующего индивидуального предпринимателя, предлагают закрепить в ст. 178 УК «крупный ущерб в размере свыше 5 млн руб., а особо крупный – в размере свыше 15 млн руб.» и «доход в крупном размере» в размере – свыше 50 млн руб., а особо крупном – свыше 150 млн руб»¹. Однако поскольку участникам картеля необходимо вменять всю сумму крупного ущерба/дохода в крупном размере от картельного соглашения за весь период его существования, независимо от размера, причиненного (полученного) конкретным хозяйствующим субъектом, то ориентироваться при установлении порогового значения ущерба и дохода на оборот *одного* индивидуального предпринимателя в год нецелесообразно. Это приведет к криминализации деяний, с которыми вполне можно бороться с использованием административных мер ответственности.

В свете сказанного считаем, что понятие «крупный» применительно к размеру дохода законодателю целесообразно определить так же, как и признак «крупный», применительно к ущербу (именно так, например, толкуется крупный ущерб/доход в крупном размере применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 171, 172 УК).

¹ Трунцевский Ю.В., Осипов И.В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчета // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. 2018. С. 138.

ГЛАВА 3. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

§ 3.1. Субъект ограничения конкуренции

Субъектом преступления в уголовном праве признается «лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность»¹.

Изменения антимонопольного законодательства и редакции ст. 178 УК отразились и на круге лиц (субъектах преступления), которые несут ответственность по этой статье.

В частности, Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 06.12.2011² впервые обозначил такой опасный вид антиконкурентных соглашений, как картель (п. 1 ст. 11 ЗоЗК), а поскольку охранительные нормы детерминированы соответствующими регулятивными нормами, частые изменения претерпевают и нормы статьи 178 УК. Так, уже названный Федеральный закон от 06.12.2011 внес изменения и в редакцию ч. 1 ст. 178 УК³: преступным стало признаваться недопущение, ограничение либо устранение конкуренции путем заключения не любого ограничивающего конкуренцию соглашения, а только заключения *хозяйствующими субъектами-конкурентами* ограничивающего конкуренцию соглашения (*картеля*).

Описание законодателем признаков субъекта заключения ограничивающего конкуренцию соглашения (*хозяйствующего субъекта-конкурента*) исключило

¹ Уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. С. 97; Уголовное право. Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Инфра-М, 2008. С. 201.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7343.

³ Обратим внимание, что в данном случае законодатель внес соответствующие изменения в ст. 178 УК одновременно с внесением изменений в антиконкурентное законодательство, в то время как чаще всего соответствующие изменения в уголовно-правовые нормы запаздывают.

возможность признания преступным недопущения, ограничения либо устранения конкуренции путем заключения ограничивающих конкуренцию соглашений хозяйствующего субъекта и должностного лица федерального органа исполнительной власти, органа государственной власти субъекта РФ либо органа местного самоуправления, хотя такие соглашения весьма распространены на практике¹, и их количество увеличивается².

Эти соглашения перестали бы быть преступными и при невключении признаков субъекта в диспозицию ч. 1 ст. 178 УК, поскольку «сужение» всех ограничивающих конкуренцию соглашений лишь до картеля требовало уяснения этого термина и, следовательно, обращения к ЗоЗК, а в соответствии с ч. 1 ст. 11 ЗоЗК картелем признаются соглашения только между хозяйствующими субъектами-конкурентами.

Забегая вперед, отметим, что *признаки стороны картельного соглашения поставили под сомнение возможность признания субъектом заключения ограничивающего конкуренцию соглашения должностного лица*, определение которого дано в п. 1 примечаний к ст. 285 УК.

Итак, гл. 22 УК не содержит определения хозяйствующего субъекта, и в силу детерминированности ч. 1 ст. 178 УК антимонопольным законодательством необходимо обратиться к определению такого субъекта в ЗоЗК. Он признает хозяйствующими субъектами: коммерческую организацию; некоммерческую организацию, осуществляющую деятельность, приносящую ей доход; индивидуального предпринимателя; лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.³

Рассмотрим все категории, отнесенные названным Законом к хозяйствующим субъектам.

¹ См.: *Кинев А.Ю., Тенишев А.П.* Об уголовной ответственности за картели // Юрист. 2017. № 1. С. 9.

² См.: Интернет-интервью с А. П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации: «Практика ФАС России по делам о картелях и иных антиконкурентных соглашениях: события 2016 года и планы на 2017 год». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/tenishev3>.

³ П. 5 ст. 4 ЗоЗК.

Коммерческими признаются организации (юридические лица), преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (п. 1 ст. 50 ГК). Они могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий (п. 2 ст. 50 ГК).

Некоммерческими признаются организации, не имеющие в качестве основной цели извлечение прибыли и не распределяющие полученную прибыль между участниками (п. 1 ст. 50 ГК).

Однако в соответствии с п. 5 ст. 4 ЗоЗК некоммерческие организации относятся к хозяйствующим субъектам только при условии осуществления деятельности, приносящей им доход. Указанную деятельность некоммерческие организации могут осуществлять, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Кроме того, согласно п. 5 ст. 50 ГК некоммерческая организация, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должна иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью, то есть 10 000 руб. (п. 1 ст. 14 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ или п. 1 ст. 66.2 ГК). К некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность, приносящую им доход, относятся, например, адвокатские и нотариальные палаты, товарищества собственников жилья². К хозяйствующим субъектам согласно ЗоЗК относятся и

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

² В Письме Федеральной антимонопольной службы РФ разъясняется, что «согласно ст. 152 Жилищного кодекса РФ для достижения целей, предусмотренных уставом, товарищество собственников жилья вправе заниматься хозяйственной деятельностью. На основании решения общего собрания членов товарищества собственников жилья доход от хозяйственной деятельности товарищества используется для оплаты общих расходов или направляется в специальные фонды, расходующиеся на цели, предусмотренные уставом товарищества. Дополнительный доход может быть направлен на иные цели деятельности товарищества собственников жилья, предусмотренные ЖК РФ и уставом товарищества». См.: О разъяснении законодательства: письмо Федеральной антимонопольной службы от 10.06.2016 № АГ/39684/16. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/89453625/102661950/> (дата обращения: 10.04.2017).

саморегулируемые организации¹: они являются некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность, приносящую им доход².

Вместе с тем законодательством Российской Федерации могут устанавливаться ограничения на предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность некоммерческих организаций отдельных видов. Кроме того, включение в устав некоммерческих организаций положения, предусматривающего право на занятие предпринимательской деятельностью, в судебной практике иногда признается неправомерным. Так, арбитражный суд признал неправомерным включение такого положения в устав негосударственного пенсионного фонда³. По мнению суда, осуществление негосударственным пенсионным фондом предпринимательской деятельности на свой страх и риск может повлечь неблагоприятные последствия в виде банкротства, ликвидации, что, в свою очередь, негативно скажется на участниках и застрахованных лицах фонда⁴.

Далее остановимся на следующем субъекте преступления – индивидуальных предпринимателях. Это физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность и зарегистрированные в этом качестве в установленном законом порядке (п. 1 ст. 2 ГК). Порядок регистрации установлен Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁵. Без соответствующей регистрации нет и фигуры индивидуального предпринимателя⁶. Вместе с тем в п. 4 ст. 23 ГК обозначена и категория *лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации*. Такие лица, как установлено в этой норме, не вправе ссылаться в отношении заключенных ими сделок на то, что они не являются предпринимателями, а Налоговый кодекс РФ рассматривает их в качестве налогоплательщиков. Речь идет о незаконной предпринимательской деятельности.

¹ См.: Франскевич О.П. Применение отдельных запретов антимонопольного регулирования к деятельности саморегулируемых организаций. URL: <http://отрасли-права.рф/article/21840>.

² О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076 (Ст. 3 и ст. 12).

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6.03.2012 №17АП-1254/2012-АК по делу № А50-19013/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>.

⁴ URL: <http://www.pravosudie.biz/3148060>.

⁵ Собрание законодательства. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

⁶ См.: Белых В.С. Предпринимательское право России: учебник. М.: Проспект, 2009. С. 83.

Как видно, в некоторых случаях законодатель по существу приравнивает физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность незаконно, к индивидуальным предпринимателям. Какую цель преследует в этих случаях законодатель? «Логика законодателя, – пишет В. С. Белых, – здесь понятна: защитить, с одной стороны, частные интересы стороны гражданско-правовой сделки, с другой – публичные интересы государства посредством взыскания налога (сбора)»¹.

Можно ли, учитывая изложенное, включать тех, кто осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации, в понятие «хозяйствующий субъект»? На первый взгляд, нет.

Однако окончательный ответ на этот вопрос может быть дан по завершении исследования четвертой категории хозяйствующих субъектов, перечисленных в п. 5 ст. 4 ЗоЗК.

Итак, субъектом заключения ограничивающего конкуренцию соглашения может быть иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но:

- осуществляющее *профессиональную деятельность*, приносящую доход;
- осуществляющее ее в соответствии с *федеральными законами* на одном из трех оснований: на основании государственной регистрации и (или) на основании лицензии, в силу членства в саморегулируемой организации.

Представляется, что важнейший из всех перечисленных признаков четвертой категории хозяйствующих субъектов – это осуществление профессиональной деятельности, приносящей доход. И здесь приходится констатировать, что российское законодательство, нередко используя понятие «профессиональная деятельность», не раскрывает его. Так, профессиональная деятельность упоминается в п. 1 ст. 64 ГК, п. 5 ст. 743, п. 1 ст. 1465 ГК, ст. 188.1 АПК РФ², п. 2 ст. 151 УПК РФ³, п. 5 ст. 56 Воздушного кодекса РФ⁴, п. 2 ст. 17 Жилищного кодекса РФ¹, п. 2

¹ Белых В.С. Указ. соч. С. 82.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

ст. 131 КВВТ РФ², ст. 36 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»³ и др. При этом в некоторых нормативных правовых актах понятие «профессиональная деятельность» используется как синоним служебной деятельности (например, в п. 5 ст. 36 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»), в некоторых – как аналогичное предпринимательской деятельности (например, в ст. 3 и 4 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»⁴), иногда – как общее понятие, охватывающее предпринимательскую и трудовую деятельность (например, в ст. 45 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁵). Не случайно в юридической литературе уже отмечали отсутствие четких разграничений понятий «частная практика», «профессиональная деятельность» и «предпринимательская деятельность»⁶.

В соответствии со ст. 2 Методических рекомендаций по разработке профессионального стандарта, утвержденных приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.04.2013 № 170н⁷, вид профессиональной деятельности — это «совокупность обобщенных трудовых функций, имеющих близкий характер, результаты и условия труда». Обращение даже к утвержденным профессиональным стандартам позволяет увидеть, что существует множество видов профессиональной деятельности.

Однако согласно ст. 195.3 ТК РФ в случаях установления нормативными правовыми актами Российской Федерации требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения **работодателями**. Таким образом, профессиональные стандарты применяются в трудовых отношениях, то есть в отношениях, основанных на соглашении между

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11. Ст. 1001.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

⁶ См.: Ускова Т.В. Проблемы применения термина «частная практика» в российском законодательстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9(47). Ч. II. С. 179–181. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/46.html>.

⁷ Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2013. № 8.

работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права¹.

Вместе с тем в п. 5 ст. 4 ЗоЗК упоминаются основания (государственная регистрация и (или) лицензия, а также членство в СРО), свидетельствующие об осуществлении деятельности не в интересах, под управлением и контролем работодателя, а *самостоятельно*. Признак самостоятельности профессиональной деятельности, как и признак «инициативности», непосредственно указаны законодателем в ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ²: «1. Под саморегулированием понимается *самостоятельная* и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности...».

В юридической литературе встречаются попытки выделить признаки собственно профессиональной деятельности.

Так, Л. А. Аксенчук, противопоставляя предпринимательскую деятельность профессиональной, отмечает, что законодатель не предъявляет никаких профессиональных требований к предпринимателю лично, требования предъявляются, как правило, к материально-технической базе, к наличию специалистов, технологии, сертификации и так далее, в то время как к лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, законодатель предъявляет особые требования: наличие высшего образования, стаж работы, наличие определенной квалификации³.

В качестве иных признаков профессиональной деятельности в литературе называют: наличие контролирующих государственных органов, ведущих реестр

¹ См.: ст. 15 ТК РФ.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2007. № 49. Ст. 6076.

³ Цит. по: Владыка Е.Е. Арбитражный управляющий – субъект профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение к журналу. 2011. Вып. 3.

частнопрактикующих лиц, издающих инструкции и методические рекомендации по вопросам деятельности, оказывающих помощь в проведении мероприятий по повышению профессионального уровня; наличие профессиональных организаций, создаваемых для защиты профессиональных интересов и устанавливающих правила поведения частнопрактикующих лиц, разрабатывающих профессиональную этику; наличие у лица, занимающегося профессиональной деятельностью, обязанности заключить договор страхования своей ответственности¹.

Вместе с тем признаки самой профессиональной деятельности в ЗоЗК не указаны, а в п. 5 ст. 4 этого Закона хозяйствующий субъект определен как лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами *на основании* государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации. Если для осуществления какой-либо профессиональной деятельности, приносящей доход, федеральные законы ни одно из перечисленных оснований не устанавливают, осуществляющее ее лицо хозяйствующим субъектом признаваться не может.

Как соотносится профессиональная и предпринимательская деятельность? В юридической науке на этот счет есть несколько мнений. В. С. Мартемьянов и О. М. Олейник считают, что профессиональная экономическая деятельность является определяющей для предпринимательской деятельности², из чего можно сделать вывод, что предпринимательская деятельность – разновидность профессиональной. О том, что предпринимательская деятельность охватывается понятием профессиональной, пишут А. Я. Курбатов и А. В. Турбанов³.

Напротив, В. С. Белых называет спорным утверждение о том, что профессионализм – сущностный признак предпринимательской деятельности⁴. Ссылаясь на то, что ГК разрешает некоммерческим организациям осуществлять предпринимательскую деятельность постольку, поскольку это соответствует целям созда-

¹ Владыка Е.Е. Указ. соч.

² См.: Мартемьянов В.С. Хозяйственное право. Общие положения: курс лекций. Т. 1. М.: БЕК, 1994. С. 3; Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник: в 2 т. / Отв. ред. О.М. Олейник. Т. 1. М.: Юрист, 1999. С. 19–21.

³ См.: Курбатов А.Я., Турбанов А.В. Правовые проблемы саморегулирования аудиторской деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 66–75.

⁴ См.: Белых В.С. Указ. соч. С. 8.

ния данных организаций, автор заключает: «Едва ли можно говорить о предпринимательском профессионализме некоммерческих организаций»¹.

Обратимся к нормативным правовым актам. В соответствии с п. 1 ст. 64 ГК «при ликвидации банков, привлекающих средства граждан, в первую очередь удовлетворяются также требования граждан, являющихся кредиторами банков по заключенным с ними или в их пользу договорам банковского вклада или банковского счета, за исключением договоров, связанных с осуществлением гражданским *предпринимательской или иной профессиональной деятельности...*».

Согласно п. 3 ст. 430 НК РФ «... плательщики начинают осуществлять *предпринимательскую либо иную профессиональную деятельность* в течение расчетного периода...»).

Как видно, обращение к важнейшим российским федеральным законам позволяет утверждать, что законодатель считает предпринимательскую деятельность частью профессиональной деятельности. Этот подход находит отражение и в судебной практике².

Что касается понятий деятельности, приносящей доход, и предпринимательской деятельности, то нормативные правовые акты нередко необъяснимо используют их, характеризуя одну и ту же деятельность разных юридических лиц³.

После опубликования проекта изменений Гражданского кодекса в цивилистической науке появилось несколько точек зрения о соотношении этих видов деятельности: иная приносящая доход деятельность относится к некоммерческой⁴, деятельность, приносящая доход, – предпринимательская деятельность некоммерческой организации⁵, а понятие «приносящая доход деятельность» возможно трактовать шире понятия «предпринимательская деятельность»⁶.

¹ *Белых В.С.* Указ. соч. С. 8.

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда (город Санкт-Петербург) № 33-14485/2016 от 12.07.2016 по делу № 33-14485/2016; Апелляционное определение Ярославского областного суда (Ярославская область) № 33-3542/2016 от 16.05.2016 по делу № 33-3542/2016 и др.

³ См., например: *Гросул Ю.В.* О праве на занятие предпринимательской деятельностью некоммерческих организаций (на примере высших учебных заведений) // Юрист. 2013. № 12. С. 27–29.

⁴ Российское предпринимательское право: учебник / Л.В. Андреева, Т.А. Андреева, Н.Г. Апрессова и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М.: Проспект, 2012. С. 73, 223.

⁵ *Гросул Ю.В.* Указ. соч.

⁶ *Тарасенко О.А.* О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // URL: <http://отрасли-права.рф/article/781>.

Таким образом, едва ли не преобладает мнение, что понятие приносящей доход деятельности тождественно понятию предпринимательской деятельности либо охватывает его.

В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ также разъясняется, что в случае осуществления некоммерческими организациями приносящей доход деятельности на них в части осуществления такой деятельности распространяются положения законодательства, применяемые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 6 ГК).

Обратимся к законодательству. Согласно п. 2 ст. 24 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²: «Некоммерческая организация может осуществлять *предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность* лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Такой деятельностью признаются приносящее *прибыль* производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика». Указание на то, что предпринимательская деятельность – часть приносящей доход деятельности, законодатель повторил и в следующем абзаце этого пункта.

Как отмечает Ю. Л. Городилова, в этой статье «явно понятие «приносящая доход деятельность» использовано в обобщающем смысле и фактически является родовым по отношению к предпринимательской деятельности»³.

В действующей редакции п. 5 ст. 4 ЗоЗК сформулирован таким образом, что не исключает толкования профессиональной деятельности, приносящей до-

¹ Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145; 2010. № 19. Ст. 2291.

³ См.: *Городилова Ю.Л.* Правовое регулирование деятельности государственных и муниципальных учреждений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 97.

ход, как деятельности, осуществляемой *в полном соответствии с законодательными требованиями* («... иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, *в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации*»). Однако сопоставление словосочетаний «не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя» и «на основании государственной регистрации» позволяет заключить, что хозяйствующим субъектом может признаваться и лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход *с нарушением указанных требований*. И поскольку предпринимательская деятельность – разновидность указанной деятельности, то **понятием хозяйствующих субъектов охватываются и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без регистрации¹**.

Признание хозяйствующим субъектом лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную профессиональную, приносящую доход деятельность без регистрации и (или) лицензии либо с нарушением требований к членству в саморегулируемых организациях полностью коррелирует с природой картеля. Картельное соглашение – это *правонарушение*, а не договор, требующий обязательного соблюдения требований ГК², включая требования к сторонам договора.

Кроме того, если законодатель *с целью защиты частных интересов* стороны по сделке по существу приравнивает лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без регистрации, к индивидуальным предпринимателям (п. 4 ст. 23 ГК), а НК РФ *с целью защиты публичных интересов государства* признает их плательщиками налогов, то логично и законодательное признание их хозяйствующими субъектами *с целью защиты конкуренции*.

Обратим внимание, что арбитражные суды апелляционной инстанции уже признают организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность без

¹ Антимонопольное регулирование: проблемы законодательства, теории и практики: монография / Отв. ред. А. П. Тенишев, И. В. Шишко, Е. Л. Лужбин. М. : Проспект, 2018. С. 238.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4; Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере.

лицензии, нарушающими именно законодательство о конкуренции. Так, по одному из дел суд указал, что антимонопольный орган правильно установил доминирующее положение общества, «при таких обстоятельствах общество, фактически осуществляя лицензируемую деятельность и являясь доминантом на указанном товарном рынке, злоупотребляло своим положением, оказывая негативное влияние на конкуренцию и нарушая права иных лиц (потребителей услуг), что явилось основанием для квалификации его действий по п. 3 ч. 1 ст. 10 ЗоЗК»¹. Таким образом, по мнению судов, негативное влияние на конкуренцию оказывает и незаконная предпринимательская деятельность юридического лица.

Судебная практика признает хозяйствующими субъектами и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность незаконно (без регистрации и (или) лицензии).

Так, было установлено, что не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя физическое лицо (Борисов) заключило соглашение с индивидуальным предпринимателем, направленное на поддержание цен на открытом аукционе. Победителем аукциона был признан предприниматель, предложивший цену, превышавшую начальную более чем в 4 раза, а предпоследнее предложение о цене имущества, близкой к его начальной цене, сделал Борисов. Данные предложения последовательно поступили в первые секунды аукциона с одного IP-адреса, закрепленного за ООО «Пивная кружка», двумя участниками которого с равными долями уставного капитала были Борисов и индивидуальный предприниматель.

В дальнейшем индивидуальный предприниматель отказался от заключения договора купли-продажи по результатам аукциона и договор был заключен с Борисовым. Последний вскоре продал имущество (нежилое здание (магазин) общей площадью 574,7 кв. м) обществу «Эталон загара», участниками которого являлись отец Борисова (41 %) и юридическое лицо (59 %). Антимонопольный орган вынес решение о нарушении участниками аукциона п. 2 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, то есть признал

¹ См.: п. 7 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере.

соглашение индивидуального предпринимателя и физического лица картелем.

Борисов обратился в Арбитражный суд с заявлением о признании этого решения незаконным, указав, что он не является хозяйствующим субъектом в соответствии со ст. 4 ЗоЗК, так как не зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность без образования юридического лица.

Отказ суда в удовлетворении его заявления и постановление арбитражного апелляционного суда, оставившее решение арбитражного суда без изменения, Борисов последовательно обжаловал.

Постановление кассационной инстанции оставило постановление арбитражного апелляционного суда без изменения, а кассационную жалобу Борисова – без удовлетворения. В нем указано: «Конкретизация в пункте 5 статьи 4 Закона о защите конкуренции хозяйствующих субъектов направлена на регулирование правоотношений, возникающих между субъектами предпринимательской деятельности и иными лицами, чья деятельность *в той или иной степени имеет определенные признаки*. При этом приоритетным для законодателя становится не формальный, а содержательный критерий предпринимательской деятельности (экономическая природа, суть таковой, а не ее форма – наличие либо отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя).

Суды правомерно исходили из того, что ведение предпринимательской деятельности связано с хозяйственными рисками; ввиду этого для отнесения деятельности к предпринимательской существенное значение имеет не факт получения прибыли, а направленность действий лица на ее получение. При наличии достаточных оснований считать, что вышеуказанные признаки имеются в наличии, осуществляемую гражданином деятельность следует признать предпринимательской. Отсутствие же регистрации гражданина в качестве предпринимателя при осуществлении деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от того или иного вида деятельности, свидетельствует о признаках незаконного предпринимательства. Несмотря на то, что Борисов Д. А. не зарегистрирован в качестве предпринимателя, его намерение участвовать в электронном аукционе

было обусловлено приобретением нежилого объекта недвижимости, которое предполагалось сдавать в аренду, т. е. систематически получать доход от указанной деятельности; следовательно, в данном конкретном случае он является субъектом правоотношений, регулируемых антимонопольным законодательством»¹.

Как видно, суды признают хозяйствующими субъектами и тех физических лиц, которые осуществляют предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Вместе с тем мы так подробно изложили часть постановления кассационной инстанции для того, чтобы показать его слабую сторону.

Дело в том, что, правильно опираясь на определение хозяйствующего субъекта в п. 5 ст. 4 ЗоЗК, суд признал Борисова лицом, фактически осуществляющим предпринимательскую деятельность, без достаточных оснований. Буквальное толкование названной нормы требует, чтобы суд устанавливал не «в той или иной степени <...> определенные признаки предпринимательства», а все существенные признаки предпринимательской деятельности (кроме регистрации), указанные в п. 1 ст. 2 ГК. Повторим, только такая деятельность требует регистрации, и, следовательно, осуществляющее только такую деятельность лицо должно признаваться хозяйствующим субъектом.

В данном же случае Борисов на аукционе приобрел объект недвижимости (магазин) не для последующей сдачи его в аренду и систематического получения прибыли (как указано в постановлении), а оперативно продал объект недвижимости обществу «Эталон загара», одним из соучредителей которого был его отец. Таким образом, сдавать магазин в аренду намеревался не сам Борисов, а юридическое лицо. Что касается двух сделок, совершенных Борисовым с одним объектом недвижимости, то вопрос о том, намеревался ли он таким образом получать прибыль систематически, суд не исследовал.

Указанное постановление заслуживает внимания и потому, что кассационная инстанция обратилась к ч. 1 ст. 3 («Сфера применения настоящего Федераль-

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.03.2016 по делу № А52-706/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/tjeEiECI2OY1>.

ного закона») ЗоЗК, очерчивающей круг отношений, на которые данный Закон распространяется. В числе сторон отношений, связанных с защитой конкуренции, законодатель указал: «физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели», то есть закон распространяется на отношения с участием и лиц, не осуществляющих профессиональную, приносящую доход деятельность.

В то же время сторонами картеля могут быть только хозяйствующие субъекты, а их определение в п. 5 ст. 4 ЗоЗК не позволяет признавать такими субъектами всех физических лиц, то есть независимо от осуществления ими профессиональной, приносящей доход деятельности. Однако, как показывает судебная практика, действия лиц, продиктованные непотребительскими интересами (а сделки с торговыми площадями относятся к ним), могут «полноценно» ограничивать или не допускать конкуренции и в тех случаях, когда такие лица не подпадают под четвертую категорию хозяйствующих субъектов. Следовательно, необходима соответствующая законодательная коррекция редакции п. 5 ст. 4 ЗоЗК.

Вернемся к четвертой категории хозяйствующих субъектов, чтобы понять, какие лица, кроме осуществляющих предпринимательскую деятельность, осуществляют профессиональную деятельность, приносящую доход, и в соответствии с федеральными законами должны иметь государственную регистрацию и (или) лицензию либо быть членами саморегулируемой организации.

В литературе отмечалось, что включение данной категории субъектов в определение хозяйствующего субъекта было призвано распространить антимонопольное законодательство на нотариусов, оценщиков и иных физических лиц, отвечающих признакам, приведенным в п. 5 ст. 4 ЗоЗК¹.

В юридической литературе к лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, приносящую доход, относят нотариусов, адвокатов, патентных поверенных, арбитражных управляющих, медиаторов и оценщиков².

Исследуем деятельность нотариусов.

В соответствии со ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / Отв. ред. И. Ю. Артемьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 32.

² См.: Дианов В., Егорушкин А., Хохлов Е. Указ. соч.

нотариате (далее – Основы)¹ нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли, а в ст. 16 Основ деятельность нотариусов определена как профессиональная.

Кроме того, в числе прав нотариусов (ст. 8 Основ), занимающихся частной практикой, названо право распоряжаться поступившим доходом, то есть профессиональная деятельность таких нотариусов приносит доход.

До 1 июля 2015 г. в Основах закреплялось и положение о том, что нотариальной деятельностью вправе заниматься гражданин Российской Федерации, получивший лицензию на право этой деятельности (ст. 3). Таким образом, до указанной даты деятельность нотариусов, занимающихся частной практикой, позволяла причислить их к хозяйствующим субъектам.

Однако Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² установил, что «отношения, связанные с оплатой нотариальных действий и других услуг, оказываемых при осуществлении нотариальной деятельности, не являются предметом регулирования антимонопольного законодательства». Позднее Федеральным законом от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ из Основ была исключена ст. 3, требовавшая от нотариуса получить лицензию, а вновь включенная в них ст. 3.1 установила, что нотариальной деятельностью вправе заниматься гражданин Российской Федерации, сдавший квалификационный экзамен.

Таким образом, в настоящее время профессиональная, приносящая доход деятельность нотариусов в соответствии с федеральными законами осуществляется не на основании лицензии, а путем сдачи квалификационного экзамена, и, следовательно, нотариус, занимающийся частной практикой, к хозяйствующим субъектам не относится.

В соответствии с первыми пунктами ст. 1–3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

¹ Российская газета. № 49. 13.03.1993.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6699.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть I), ст. 10.

Федерации»¹ адвокатская деятельность также признается профессиональной (непосредственно профессиональной она названа в ст. 15, 24 и 27). Согласно п. 13 ст. 22 этого же Закона адвокаты в связи с осуществлением адвокатской деятельности получают доход. Однако статус адвоката приобретает лицом, допущенным в установленном порядке к сдаче квалификационного экзамена, успешно сдавшим его и принесшим присягу адвоката (ст. 9–13 названного Федерального закона). Именно со дня принятия присяги претендент приобретает статус адвоката (п. 2 ст. 13). Получение лицензии адвокатом этим Законом не предусмотрено, и адвокатура (как и нотариат) не имеет статуса саморегулируемой организации². Следовательно, адвокат к хозяйствующим субъектам тоже не относится^{3,4}.

В последнее время получила известное распространение деятельность медиаторов. **Медиатором** признается независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора (ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»)⁵. Деятельность медиатора может осуществляться как *на профессиональной*, так и на непрофессиональной основе (в последнем случае лицо не может относиться к хозяйствующим субъектам). Осуществлять деятельность медиаторов *на профессиональной основе* могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации (п. 1 ст. 16 Федерального закона №193-ФЗ).

Деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором как на бесплатной основе, так и на платной. Однако в любом случае деятель-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

² См.: О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования: распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 2 (ч. II). Ст. 458.

³ См.: *Шшико И.В., Деревягина О.Е.* Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). С. 173–180.

⁴ Вместе с тем адвокатская палата и адвокатские образования, являющиеся юридическими лицами, признаются некоммерческими организациями, и при условиях осуществления деятельности, приносящей доход (например, издательской), и наличия достаточного для осуществления указанной деятельности имущества рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью, относятся к хозяйствующим субъектам.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 3. Ст. 4162.

ность медиатора – не предпринимательская деятельность (п. 3 ст. 15).

В соответствии со ст. 18 указанного Закона создание саморегулируемых организаций медиаторов *возможно*, то есть членство в СРО не является обязательным условием деятельности медиаторов, а получение лицензии ими не предусмотрено.

Таким образом, даже медиаторы, осуществляющие деятельность на платной основе, к хозяйствующим субъектам не относятся.

Патентными поверенными признаются граждане, получившие в установленном Федеральным законом от 30.12.2008 № 316-ФЗ «О патентных поверенных»¹ порядке статус патентного поверенного и осуществляющие деятельность, связанную с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, защитой интеллектуальных прав, приобретением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, распоряжением такими правами. В качестве патентного поверенного может быть аттестован и зарегистрирован гражданин Российской Федерации, соответствующий установленным этим Законом требованиям к возрасту, месту постоянного проживания, образованию и опыту работы.

Патентный поверенный тоже осуществляет *профессиональную* деятельность. Согласно ст. 3 указанного Федерального закона он вправе осуществлять свою профессиональную деятельность самостоятельно, *занимаясь частной практикой*, а также на основании трудового договора между патентным поверенным и работодателем (юридическим лицом). Очевидно, что осуществление профессиональной деятельности во второй форме исключает возможность рассматривать патентного поверенного в качестве хозяйствующего субъекта.

В самом Законе о патентных поверенных норм о доходах этих лиц нет. Однако частная практика (первая форма профессиональной деятельности патентного поверенного) всегда предполагает получение доходов. Так, ст. 2 Федерального закона «О бухгалтерском учете»² устанавливает, что этот Закон распространяется

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 24; 2013. № 27. Ст. 3477.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344.

не только на индивидуальных предпринимателей, но и на лиц, занимающихся частной практикой, а доходы – один из объектов бухгалтерского учета (ст. 5). Кроме того, п. 2 ст. 6 этого же нормативного правового акта предусматривает случаи, когда лица, занимающиеся частной практикой, могут не вести бухгалтерский учет: если они ведут учет *доходов* или доходов и расходов и (или) иных объектов налогообложения в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

В свою очередь, ст. 227 НК РФ устанавливает, что лица, занимающиеся в установленном действующим законодательством порядке частной практикой, исчисление и уплату налога производят по суммам *доходов*, полученных от такой деятельности. Перечисленные нормы двух федеральных законов подтверждают получение доходов всеми лицами, занимающимися частной практикой, если федеральным законодательством не предусмотрено иное.

Кандидат в патентные поверенные проходит предусмотренную Законом о патентных поверенных аттестацию, а затем на основании решения квалификационной комиссии об аттестации и заявления патентного поверенного федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности регистрирует его в Реестре. Только со дня регистрации гражданина, аттестованного в качестве патентного поверенного, в Реестре он приобретает статус патентного поверенного (п. 3 ст. 7).

Однако в п. 5 ст. 4 ЗоЗК предусмотрена не регистрация, а *государственная* регистрация, поэтому патентный поверенный не может признаваться хозяйствующим субъектом, а следовательно, и субъектом преступного ограничения конкуренции.

Следующая категория лиц, претендующих на статус хозяйствующего субъекта, – **арбитражные управляющие**. Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (в ред. от 03.07.2016) арбитражный управляющий является субъектом *профессиональной* деятельности и осуществляет регулируемую указанным законом профессиональную деятель-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

ность, занимаясь частной практикой.

В ст. 20.6 названного Федерального закона регулируются вопросы, связанные с вознаграждением арбитражного управляющего, хотя Федеральный закон «О бухгалтерском учете» и НК РФ, как отмечено выше, позволяют считать арбитражного управляющего получающим доход.

Присутствует и последний обязательный признак иных хозяйствующих субъектов – арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций (СРО) арбитражных управляющих (это положение также закреплено в п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), то есть федеральным законом для них установлено обязательное членство в СРО.

Необходимо отметить, что, если исполнять обязанности руководителя юридического лица и, следовательно, заключать соглашения от имени юридического лица могут не все арбитражные управляющие, то заключать ограничивающие конкуренцию соглашения могут все, поскольку действуют как хозяйствующие субъекты. На первый взгляд, такое соглашение невозможно, поскольку арбитражные управляющие не могут договариваться об установлении или поддержании цен: размер их вознаграждения четко урегулирован в Законе о несостоятельности. Однако содержанием их соглашения может быть, например, раздел товарного рынка по территориальному принципу.

Деятельность **оценщиков** регламентируется Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»¹. Под оценочной деятельностью понимается *профессиональная* деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости (ст. 3 указанного выше Федерального закона).

Субъектами оценочной деятельности в соответствии со ст. 4 Закона № 135-ФЗ признаются физические лица, являющиеся членами одной из саморегулируемых орга-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

низаций оценщиков и застраховавшие свою ответственность в соответствии с требованиями названного выше Федерального закона (далее – оценщики).

Таким образом, деятельность оценщиков признается профессиональной, и для ее осуществления в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» необходимо *членство в СРО оценщиков*.

Оценщик может осуществлять оценочную деятельность самостоятельно, занимаясь частной практикой, а также на основании трудового договора между оценщиком и юридическим лицом, соответствующим условиям, установленным ст. 15.1 указанного Федерального закона № 135-ФЗ.

Оценщики, занимающиеся *частной* практикой, получают доход от своей профессиональной деятельности, и, значит, все обязательные признаки хозяйствующего субъекта *такому оценщику* присущи.

Согласно разъяснению Федеральной антимонопольной службы субъектами оценочной деятельности наряду с физическими лицами – членами одной из СРО оценщиков могут быть и оценщики, осуществляющие оценочную деятельность на основании трудового договора между оценщиком и юридическим лицом, которое соответствует условиям, установленным ст. 15.1 Закона об оценочной деятельности. Учитывая изложенное, в письме ФАС¹ резюмируется, что требования к хозяйствующим субъектам, установленные ЗоЗК, применяются в том числе к деятельности оценщиков.

С нашей точки зрения, такой вывод требует уточнения. Оценщик, работающий по трудовому договору с юридическим лицом, хозяйствующим субъектом признаваться не может²: он осуществляет профессиональную деятельность, получая не доход, а *заработную плату*. Хозяйствующим субъектом в этом случае должно признаваться юридическое лицо (оценочная компания), с которым оценщик состоит в трудовых отношениях.

Хозяйствующими субъектами, подпадающими под п. 5. ст. 4 ЗоЗК, являют-

¹ О разъяснении антимонопольного законодательства: письмо ФАС России от 2.12.2013 г. № ИА/48325/13. // Документ опубликован не был. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

² См.: *Шшко И.В., Деревягина О.Е.* Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). С. 179.

ся **индивидуальные аудиторы**: согласно п. 6 ст. 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»¹ (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) они являются индивидуальными предпринимателями.

К лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, приносящую доход (четвертой категории хозяйствующих субъектов), есть «соблазн» отнести коммерческих представителей и самозанятых граждан.

Известно, что гражданское законодательство не содержит такого понятия, как посредническая деятельность. Однако в нем приводится определение коммерческого посредника – лица, действующего в чужих интересах, но от своего имени (п. 2 ст. 182 ГК). Данный вид представительства является разновидностью предпринимательской деятельности², которая базируется на предпринимательском договоре (например, поручения, комиссии, агентский договор)³. Следовательно, коммерческий представитель относится к хозяйствующим субъектам в силу того, что он может быть либо индивидуальным предпринимателем, либо юридическим лицом.

Легальными участниками предпринимательских правоотношений с вступлением в силу Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»⁴ стали самозанятые граждане. Этот Закон определяет условия применения специального налогового *режима* и понятие профессионального дохода. Последним признается доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества (п. 7. ст. 2). Однако для отнесения лица, осуществляющего профессиональную деятельность, приносящую доход, к хозяйствующим субъектам эта деятельность в соответствии с федеральными законами должна осуществляться на основании государственной

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.

² Папченкова Е.А. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1022.

³ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Н.А. Агешкина [и др.] // СПС КонсультантПлюс, 2016.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

Постановка на налоговый режим не является актом государственной регистрации¹. И несмотря на то, что самозанятые осуществляют профессиональную деятельность, приносящую доход, из буквального толкования действующего законодательства следует, что к хозяйствующим субъектам их отнести нельзя.

Поскольку картельным может быть признано соглашение только между хозяйствующими субъектами, то в случае двустороннего соглашения, когда одна из сторон хозяйствующим субъектом не является, само соглашение не соответствует признакам антиконкурентного соглашения в связи с ненадлежащим субъектным составом².

Число хозяйствующих субъектов, заключивших картельное соглашение, может быть различным. Беспрецедентным по своему размаху стал картель, участниками которого были признаны 90 юридических лиц³.

Однако картельное соглашение могут заключить не любые хозяйствующие субъекты, а только, как мы уже указывали в параграфе 2.2, хозяйствующие субъекты-конкуренты, то есть хозяйствующие субъекты, осуществляющие продажу товаров на одном товарном рынке, или хозяйствующие субъекты, осуществляющие приобретение товаров на одном товарном рынке.

Таким образом, еще раз напомним, что для решения вопроса, являются ли конкретные хозяйствующие субъекты конкурентами, необходимо установить, осуществляют ли они деятельность (продажа или приобретение товаров) на одном товарном рынке. Товарным рынком признается сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров (далее – определенный товар), в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, техниче-

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

² Определение ВС РФ от 25.03.2016 № 305-КГ16-1090 по делу № А40-146786/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>.

³ См.: Интернет-интервью с А.П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации: «Практика ФАС России по делам о картелях и иных антиконкурентных соглашениях: события 2016 года и планы на 2017 год».

ской или иной возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами (п. 4 ст. 4 ЗоЗК).

При этом следует учитывать особенность картельного соглашения, которое приводит или может привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах (признак-последствие картельного соглашения, предусмотренный п. 2 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК). *В этом случае под товарным рынком понимается не сфера обращения товара, а определённый аукцион (конкурс) на право заключения контракта.* Соответственно, конкурентами, действующими на данном товарном рынке, будут хозяйствующие субъекты – участники аукциона. Эта специфика картельного сговора на торгах отражена в п. 10.9 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке¹.

В случае преступного заключения картельного соглашения хозяйствующими субъектами-физическими лицами вопрос о том, кто должен нести уголовную ответственность, не возникает.

Примером может служить дело о нарушении антимонопольного законодательства индивидуальными предпринимателями, заключившими ограничивающее конкуренцию соглашение, направленное на установление и поддержание цен на услуги такси в поселке Кез и Кезском районе. Индивидуальные предприниматели организовали встречу, на которой обсудили ситуацию на рынке оказания услуг такси и приняли решение о повышении и установлении единых цен. Это решение в виде объявления о повышении цен в п. Кез на 10 руб., а по району на 50 руб. они опубликовали в местной газете, и таким образом оно стало быстро известно Удмуртскому УФАС. Антимонопольный орган признал индивидуальных предпринимателей нарушившими п. 1 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, то есть заключившими картельное соглашение². Конечно, быстрая реакция антимонопольного органа исключила возможность членов картеля получить доход в крупном размере либо причинить в крупном размере ущерб.

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

² Решение о нарушении антимонопольного законодательства № СЮ06-06/2012-11 от 20.07.2012 // ФАС России. Правовые акты ФАС России. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/to/udmurtskoe-ufas-rossii/06-06-3>.

Помимо приведенного примера «классического картеля» индивидуальных предпринимателей, отметим, что такие лица часто привлекаются к антимонопольной ответственности за совершение сговора на торгах с юридическими лицами¹.

Однако чаще картельные соглашения заключают коммерческие и некоммерческие организации, то есть юридические лица.

Какие физические лица должны нести ответственность за заключение соглашения (картеля) с юридическими лицами?

В ч. 1 ст. 37 ЗоЗК указано, что за нарушение антимонопольного законодательства ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации, несут «должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления <...> а также <...> должностные лица государственных внебюджетных фондов, коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица». Добавим, что в антимонопольном законодательстве понятие должностного лица специального толкования не получило.

Тот факт, что *административную* ответственность за *непреступное* заключение юридическим лицом ограничивающего конкуренцию соглашения, наряду с юридическим лицом², несут его должностные лица, подтверждает и *санкция* ч. 1 ст. 14.32 КоАП («Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности»). В ней установлен административный штраф на должностных лиц в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификация на срок от одного года до трех лет.

Согласно примечанию к ст. 2.4 КоАП под должностным лицом в этом Кодексе «следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти <...>, а

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.06.2017 № Ф02-906/2017, Ф02-2064/2017 по делу № А69-2132/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru>; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.10.2015 № Ф06-1354/2015 по делу № А12-39427/2014 [Электронный ресурс] // Там же; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.10.2015 № Ф10-3399/2015 по делу № А36-105/2015 [Электронный ресурс] // Там же.

² Согласно ч. 3 ст. 2.1 КоАП должностные лица юридических лиц несут административную ответственность наряду с юридическими лицами.

равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации». Совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций *руководители и другие работники иных организаций* несут административную ответственность *как должностные лица*¹.

Таким образом, несущие согласно ч. 1 ст. 37 ЗоЗК ответственность за нарушение антимонопольного законодательства *должностные лица коммерческих и некоммерческих организаций* согласно примечанию к ст. 2.4 КоАП:

- во-первых, «распадаются» на собственно должностных лиц и лиц, *приравненных к должностным* при привлечении к административной ответственности;
- во-вторых, приравниваются к должностным лицам не только руководители организаций, не относящихся к государственным или муниципальным, но и *другие работники* этих организаций, совершившие административные правонарушения в связи с выполнением ими организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций².

Таким образом, системное толкование ст. 2.4 и 14.32 КоАП позволяет утверждать, что субъектом заключения ограничивающего конкуренцию соглашения законодатель считает только лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных организациях (должностных лиц), а также *выполняющих*

¹ В соответствии с указанным примечанием к ст. 2.4 КоАП лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившие административные правонарушения, несут административную ответственность тоже как должностные лица, если КоАП не установлено иное.

² В постановлении Пленума ВС РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 14) разъясняется: «Должностными лицами, которые могут быть привлечены к административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности, исходя из положений, закрепленных в примечании к статье 2.4 КоАП РФ, являются совершившие такие правонарушения руководители и иные работники организаций в связи с выполнением ими организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, а также приравненные к ним индивидуальные предприниматели постольку, поскольку главой 14 КоАП РФ не предусмотрено иное (часть 4 статьи 14.1, часть 2 статьи 14.4, часть 1 статьи 14.25 КоАП РФ). К должностным лицам относятся и лица, находящиеся в трудовых отношениях с индивидуальными предпринимателями, осуществляющие указанные выше функции» (Бюллетень ВС РФ. 2006. № 12).

эти же функции работников (в том числе руководителей) иных организаций, признаваемых хозяйствующими субъектами (они несут ответственность как должностные лица). Лица, не наделенные организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, работающие в организации или у индивидуального предпринимателя (например, продавцы, кассиры), субъектами заключения не признаются¹.

Действительно, заключить ограничивающее конкуренцию соглашение с другими хозяйствующими субъектами-конкурентами лицо, не наделенное организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями в организации, не сможет. Следовательно, в случае заключения картельного соглашения хозяйствующим субъектом – юридическим лицом, субъектом *преступного* ограничения конкуренции (ст. 178 УК) также должно признаваться лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этом юридическом лице.

Поскольку хозяйствующими субъектами-юридическими лицами могут быть коммерческие и некоммерческие организации, предусмотренные в примечаниях к ст. 285 либо к ст. 201 УК, то выполняющие в них организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции лица, заключившие картельное соглашение, могут быть:

- *должностными лицами (при условии выполнения указанных функций в государственных или муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных или муниципальных унитарных предприятиях, государственных внебюджетных фондах, публично-правовых компаниях, хозяйственных обществах² и акционерных обществах¹);*

¹ В соответствии с разъяснением, данным в абз. 3 п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 24.10.2006 № 18, «лица, не наделенные организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, работающие в организации или у индивидуального предпринимателя (например, продавцы, кассиры), также могут быть привлечены к административной ответственности как граждане в связи с совершением ими правонарушений, предусмотренных статьями 14.2, 14.4, 14.7, 14.15 КоАП РФ».

² Хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления // Прим. 1 к ст. 285 УК.

- лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой (за исключением перечисленных в п. 1 примечаний к ст. 285 УК) или иной организации (за исключением государственных органов, органов местного самоуправления, некоммерческих организаций, перечисленных в п. 1 примечаний к ст. 285 УК)².

Таким образом, несмотря на установление уголовной ответственности исключительно за картельные соглашения, то есть за соглашения хозяйствующих субъектов-конкурентов, *должностные лица субъектом преступления*, предусмотренного ст. 178 УК, *по-прежнему могут быть*³, а изменения в п. 1 примечаний к ст. 285 УК (в него из примечания к ст. 201 УК «перекочевали» государственные и муниципальные унитарные предприятия; государственные внебюджетные фонды; государственные корпорации; государственные компании; публично-правовые компании; хозяйственные общества, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления; акционерные общества, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция») способствовали расширению круга таких лиц.

Следующий важный «срез» вопроса о субъекте заключения ограничивающих конкуренцию соглашений – какое именно лицо, выполняющее управленческие функции в хозяйствующем субъекте, или какое именно должностное лицо

¹ Акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция») // Прим. 1 к ст. 285 УК.

² О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 9. Ст. 1463.

³ К этому же выводу приходят и другие авторы. См.: *Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Межсистемный подход к ограничению конкуренции. С. 256–267.

хозяйствующего субъекта является субъектом ограничения конкуренции. Этот вопрос является частью актуальной проблемы уголовного права – установления лица, ответственного за преступления, совершенные в процессе деятельности юридического лица¹, и практически не разработан ни в административно-правовой науке², ни в науке конкурентного права³, ни в науке уголовного права.

Ряд авторов отстаивает узкое толкование субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК, называя им руководителя юридического лица⁴ либо хозяина компании⁵.

Существует и широкое представление о субъекте преступления. К примеру, по мнению Д. Б. Лаптева, им могут быть лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях⁶. При этом автор никак не уточняет круг этих лиц. В И. Тюнин также считает субъектом ограничения конкуренции лицо, наделенное управленческими функциями, но, в первую очередь, называет руководителя организации⁷. Однако преобладающим применительно к заключению соглашения юридическими лицами следует признать представление о субъекте как о лице, действующем от имени юридического лица⁸. Ко-

¹ См.: *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 106–107; *Яни П.С.* Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции // *Российская юстиция*. 2010. № 11. С. 22–26; *Шишко И.В.* Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. С. 294–299; *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. С. 81–85; *Уголовно-правовое воздействие: монография / Г. А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А. И. Рарог и др.; и др.*

² См.: *Мартельянов В.* Должностные нарушения антимонопольного законодательства // *Конкуренция и право*. 2012. № 6. С. 45.

³ См.: *Егорушкин А.В., Полякова Е.А., Хохлов Е.С.* Антимонопольное законодательство: очередной этап реформы / Под ред. Е. С. Хохлова. М.: Волтерс Клувер, 2010.

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (пост.) / Отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб., и доп. М.: Юрайт, 2013; *Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 255; Тюнин В.И.* Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 194.

⁵ См.: *Кинев А.Ю.* Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Юридический мир*. 2013. № 3. С. 9–18.

⁶ См.: *Лаптев Д.Б.* Указ. соч. С. 121–122.

⁷ См.: *Тюнин В.И.* Ограничение конкуренции – трансформация уголовного закона (ст. 178 УК) // *Сб. науч. статей СПбГЭУ. СПб., 2015. С. 224.*

⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (пост.) / Отв. ред. В. М. Лебедев; *Устинова Т.Д.* Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 7 (68). С. 112; *Денисова А.Н.* К вопросу о понятии субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 Уголовного кодекса РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» // *Вестник ХГАЭП*. 2014. № 6 (74). С. 103; *Векленко С.В., Варданян Т.М.* Отягчающие обстоятельства недопущения, ограничения или устранения конкуренции // *Вестник Воронежского ин-та МВД России*. 2010. № 2. С. 17; и др.

нечно, определения субъекта даже сторонниками этого представления совпадают не полностью.

Так, по мнению Н. А. Лопашенко, субъектом могут выступать любые лица, действующие от имени хозяйствующего субъекта (руководители, учредители, рядовые члены, уполномоченные на это руководителями или учредителями)¹.

К этому мнению присоединился и Б. В. Волженкин².

Как видно, признаком «действующие от имени хозяйствующего субъекта» сторонники этой позиции наделяют и тех, кто действует от имени хозяйствующего субъекта в соответствии с законом, и тех, кто уполномочен представлять интересы хозяйствующего субъекта, и тех, кто, как правило, правом представлять хозяйствующего субъекта не наделен.

Т. Д. Устинова называет субъектом преступления соответствующих лиц хозяйствующих субъектов, *обладающих правами* действовать от имени юридического лица³. Особенностью этого определения стало указание именно *на право* действовать от имени юридического лица.

П. С. Яни называет субъектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК, только лицо, представляющее организацию в силу закона либо специального полномочия в отношениях с иными лицами⁴. Это лицо, отмечает автор, «наделено в организации <...> организационно-распорядительными функциями, в том числе полномочиями по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия»⁵. Таким образом, П. С. Яни уточняет правовое основание субъекта представлять юридическое лицо – «в силу закона либо специального полномочия».

А. Н. Денисова и К. А. Иващенко относят к кругу субъектов преступления, наряду с непосредственным руководителем, иных представителей юридического

¹ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (разд. VIII УК РФ). С. 420.

² См.: Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 431.

³ См.: Устинова Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона. С. 112.

⁴ См.: Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции. С. 25.

⁵ Там же.

лица, действующих от его имени и в его интересах¹. В отличие от трех предыдущих групп авторов, А. Н. Денисова и К. А. Иващенко не указывают, *вправе ли иные представители юридического лица действовать от его имени.*

Ранее мы также утверждали, что «решение вопроса о конкретном лице, выполняющем управленческие функции, или конкретном должностном лице предполагает установление его правомочий на заключение соглашений (договоров) от имени юридического лица. Мы указывали, что это правомочие есть у руководителя юридического лица либо у лица, *исполняющего обязанности руководителя* (например, внешние и конкурсные управляющие), у руководителя управляющей компании (если функции единоличного органа юридического лица переданы ей), у руководителя временной администрации финансовой организации (если временная администрация осуществляет полномочия исполнительных органов этой организации). Отмечали, что руководитель организации – хозяйствующего субъекта может уполномочить на заключение такого соглашения и *других работников организации* (в этом случае они выполняют организационно-распорядительные функции *по специальному полномочию*) либо может поручить заключить соглашение и лицам, *не работающим в организации*².

В любом случае при заключении соглашений юридическими лицами, резюмировали мы ранее, субъектом может быть только лицо, которое в соответствии с законом, учредительными документами или на ином основании *уполномочено совершить юридически значимые действия* (заключить соглашение)³.

Однако дальнейшее исследование объективной стороны ограничения конкуренции потребовало существенной корректировки представления о субъекте. Соглашение в ЗоЗК (п. 18 ст. 4) определено как договоренность в письменной форме⁴, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме. Разновидностью письменной формы, как мы уже ука-

¹ См.: Денисова А.Н. Указ. соч. С. 103; Иващенко К.А. Ограничение конкуренции. Уголовно-правовая характеристика преступления.

² См.: Шишко И.В., Деревягина О.Е. Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля). С. 175.

³ Там же.

⁴ Соглашением в письменной форме может признаваться внутренняя переписка хозяйствующих субъектов, факсовое сообщение, сообщение по электронной почте, СМС-сообщение.

зывали в параграфе 2.2, являются договоры.

Противоправный характер картельного соглашения диссонирует с таким признаком субъекта ограничения конкуренции (предложенным рядом авторов, включая автора этой главы), как наделение его специальным полномочием совершать юридически значимые действия: если соглашение не должно отвечать признакам гражданско-правового договора, то и правовые полномочия на заключение такого «договора» бессмысленны.

Вместе с тем хозяйствующие субъекты-конкуренты должны быть уверены, что заключают картель с таким представителем хозяйствующего субъекта – юридического лица, который *принимает решения* за это юридическое лицо. Кто может быть таким представителем?

Многообразие видов и организационно-правовых форм хозяйствующих субъектов обуславливает и многообразие конкретных «управленческих конструкций». В соответствии с действующим Гражданским кодексом РФ в категорию лиц, способных принимать решение и определять действия юридического лица, входят:

- участники юридического лица, уполномоченные выступать от его имени в случаях, прямо предусмотренных ГК (п. 2 ст. 53 ГК)¹;
- физические лица, составляющие или входящие в исполнительные органы юридического лица, то есть органы, которые действуют от имени юридического лица (п. 1 ст. 53 ГК);
- физические лица, входящие в коллегиальный орган управления корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК);
- управляющий или руководитель управляющей организации при передаче им полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества (пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК);
- ликвидатор (члены ликвидационной комиссии), внешний или конкур-

¹ Через своих участников приобретают гражданские права и принимают на себя гражданские обязанности полное товарищество (ст. 72 ГК), товарищество на вере (ст. 84 ГК), крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 16–17 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

ный управляющий¹, арбитражный управляющий (п. 2 ст. 57, п. 5 ст. 62 ГК)².

Кроме того, согласно п. 3 ст. 53.1 ГК, являющейся новеллой³, в категорию лиц, способных принимать решение и определять действия юридического лица, включены и лица, имеющие *фактическую возможность* определять действия юридического лица. Названные лица не входят в состав органов юридического лица и формально действовать от его имени не могут⁴. Подчеркнем, что участники/учредители хозяйствующего субъекта могут выступать от его имени только в случаях, прямо предусмотренных ГК (п. 2 ст. 53 ГК): по общему правилу *правом выступать от его имени они не наделены*.

Понятие лиц, имеющих *фактическую возможность* определять действия юридического лица, действующее законодательство не раскрывает. О. В. Гутников предложил в качестве ориентира использовать понятие контролирующего лица, содержащееся в ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»^{5, 6}.

В ней понятие «контролирующее должника лицо» определяется как «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательное для исполнения должником указание или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий». В частности, контролирующим должника лицом могут быть признаны управляющая организация должника, член исполнительного органа должника, ликвидатор должника, члены ликвидационной

¹ П. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014.

³ Указанная статья введена Федеральным законом «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4.

⁵ См.: Гутников О.В. Кодификация норм корпоративного законодательства об ответственности управляющих за убытки, причиненные юридическим лицам // Журнал российского права. 2014. № 1.

⁶ Эта же категория лиц введена проектом Федерального закона о новой редакции ст. 195 и 196 УК в качестве субъекта квалифицированного состава преступления. См.: О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации: проект Федерального закона № 1099900-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7/>.

комиссии и др. И, как разъясняет постановление Пленума ВС РФ, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия, при этом «осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т. п.)»¹.

Фактическая возможность определять действия юридического лица, как отмечается в литературе, может проистекать из заключенного договора, по условиям которого предоставляется возможность контроля и выдачи обязательных указаний (например, коммерческой концессии, кредитного договора, залога) и др.² Наличие или отсутствие у лица фактической возможности определять действия юридического лица устанавливает суд, анализируя все обстоятельства дела³.

Непосредственно в п. 3 ст. 53.1 ГК предусмотрена, в частности, такая форма фактической возможности определения действий юридических лиц, как «возможность давать указания лицам, названным в п. 1 и 2 этой статьи (то есть уполномоченным выступать от имени юридического лица, членам коллегиальных органов юридических лиц)». Такое содержание п. 3 позволило ряду цивилистов утверждать, что «под фактической возможностью определять действия юридического лица понимают косвенное воздействие на принятие решения формальными органами юридического лица»⁴. Предложенная интерпретация фактической возможности определять действия юридических лиц не вызывает возражений, поскольку само такое физическое лицо заключать сделки, безусловно, не может. Однако картельное соглашение, как мы уже отмечали, не *правовой акт*, и, следовательно, правовые полномочия на заключение этого соглашения не требуются.

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. № 297 (п. 3).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / Под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

³ Там же.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: постатейный комментарий к главе 4.

Если другие участники картеля осведомлены о фактической возможности лица определять действия конкретного хозяйствующего субъекта и в силу этого заключают соглашение непосредственно с ним, то оснований не признавать его исполнителем ограничения конкуренции нет.

Способность лица определять деятельность хозяйствующего субъекта, давая в том числе *обязательные указания его органам управления*, казалось бы, позволяет считать его выполняющим организационно-распорядительные функции. Однако *надлежащих оснований*¹ выполнения таких функций у него нет, значит, и относить такое лицо к категории выполняющих управленческие функции или к должностным лицам нельзя.

Вместе с тем положения п. 3 ст. 53.1 ГК стали *законодательным признанием фактической возможности таких лиц определять деятельность хозяйствующего субъекта и* (важное последствие такого признания!) *основанием возложения на них ответственности за убытки, причиненные по их вине юридическому лицу*. И если такие лица, де-факто могущие определять деятельность данного хозяйствующего субъекта, «включили» его в картельное соглашение, причинившее крупный ущерб либо повлекшее извлечение доход в крупном размере, то, с нашей точки зрения, основания относить их к числу субъектов преступного ограничения конкуренции есть! .

Используя терминологию Пленума Верховного Суда РФ, сложившуюся задолго до появления п. 3 ст. 53.1 ГК, лиц, имеющих фактическую возможность определять деятельность хозяйствующего субъекта, можно по-прежнему именовать лицами, фактически выполняющими функции руководителя организации².

¹ По смыслу п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции возлагаются легитимно (законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом). См.: О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12.

² См., например: О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 // Бюллетень ВС РФ. 2005. № 1 (п. 10); О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума ВС РФ от 06.12.2019 № 276 // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 1 (п. 6).

В уголовно-правовой литературе вопрос о квалификации действий «теневоего руководителя», то есть «лица, фактически осуществляющего стратегическое и оперативное руководство данным юридическим лицом вследствие доминирующего участия в уставном (складочном) капитале, представления интересов собственника в государственных или муниципальных унитарных предприятиях, учреждениях или вследствие иных обстоятельств», уже рассматривался. По мнению Г. А. Есакова, виновный действующий «теневой руководитель» подлежит уголовной ответственности как посредственный исполнитель в силу ч. 2 ст. 33 УК¹. С нашей точки зрения, заключивший картельное соглашение «теневой руководитель» подлежит уголовной ответственности как лицо, *непосредственно* участвовавшее в ограничении конкуренции совместно с представителями других хозяйствующих субъектов-юридических лиц или с другими хозяйствующими субъектами-физическими лицами².

В этой же плоскости на практике возникает сложность в определении субъекта правонарушения (а следовательно, в дальнейшем и преступления), когда хозяйствующие субъекты действуют не самостоятельно, а через посредников – организации, представляющие их интересы по доверенности. Самый распространенный вариант – это участие таких посредников в торгах. Они выступают от представляемого лица: ведут переговоры с конкурентами, договариваются о встречах, подают заявки, участвуют в торгах. Формально фирма – представляемое лицо, не осуществляет действия, образующее картель.

Тем не менее, как утверждают некоторые авторы, в данном случае представляемый несет все риски, связанные как с принятием решения о необходимости привлечения представителя, о выборе представителя, так и с законностью действий представителя, надлежащим (то есть соответствующим законодательству) исполнением поручения представителем³.

¹ См.: Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.

² В том случае, когда такое лицо само картельное соглашение не заключает, а дает указание заключить его, например, физическому лицу, составляющему или входящему в исполнительные органы юридического лица, то есть тем органам, которые действуют от имени юридического лица, оно должно признаваться подстрекателем или организатором ограничения конкуренции.

³ См.: *Кинев А.Ю.* Картели и иные антиконкурентные соглашения; Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики. С. 85.

Данный вывод полностью нами поддерживается, более того, считаем, что в случае неформализованного представительства также имеет место соглашение. Безусловно, в данном случае вероятность доказывания связи между представляемым и представителем достаточно мала. Однако иначе у хозяйствующих субъектов возникает возможность избежать ответственности за картельный сговор, лишь убрав формальную связь с лицами, непосредственно организующими соглашение.

Таким образом, мы разделяем представление о субъекте преступного ограничения конкуренции как о специальном (П. С. Яни, Т. Д. Устинова, С. В. Изосимов, В. И. Тюнин, Ю. И. Степанов, А. В. Денисова, Д. Б. Лаптев и др.), но считаем необходимым уточнить, что *субъектом преступного ограничения конкуренции, совершенного хозяйствующим субъектом-юридическим лицом, должны признаваться лица:*

- *могущие определять действия юридического лица де-юре* (подчеркнем, не выполняющие любые организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, а именно *определяющие его действия*);

- *могущие определять действия юридического лица де-факто*¹ (то есть фактически выполняющие функции руководителя организации).

Из диспозиции ч. 1 ст. 178 УК, как мы уже отмечали в параграфе 2.2, следует, что объективная сторона преступного ограничения конкуренции заключением соглашения не исчерпывается. Такие последствия преступления, как ограничение конкуренции и крупный ущерб либо извлечение крупного дохода из самого факта заключения картельного соглашения не появятся².

Реально преступные последствия влечет (позволяет извлечь доход в крупном размере) *реализация* картельного соглашения, не отраженная в описании объективной стороны, то есть действия по установлению или поддержанию цены на

¹ Установление этой «способности» на практике, безусловно, вызовет дополнительные трудности (например, когда физическое лицо определяет деятельность юридического в силу родства с руководителем юридического лица).

² И если действия виновных были пресечены сразу после заключения преступного соглашения, то привлечение к ответственности за ограничение конкуренции возможно только по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 178 УК, то есть за покушение (при доказанности желания виновных извлечь доход в крупном размере).

оговоренном уровне, по соблюдению оговоренных границ товарного рынка, по прекращению производства товара и др. Как верно указывает А. Ю. Ушаков, «время и место заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) и место и время, вызывающее последствия заключения соглашения (картеля), т. е. причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо повлекшее извлечение дохода в крупном размере, не совпадают»¹.

Охват объективной стороной ограничения конкуренции двух деяний (заключения картельного соглашения и его реализации) влечет дополнительные выводы. Первый состоит в том, что круг исполнителей может быть увеличен и в рамках одного хозяйствующего субъекта. Так, оба деяния может выполнить как одно лицо (например, руководитель заключил картельное соглашение и поднял цену на выпускаемую продукцию до установленного соглашением уровня), так и разные лица. Пример полисубъектного ограничения конкуренции в одном хозяйствующем субъекте: картельное соглашение заключил учредитель, доля которого в уставном капитале преобладает, а реализует соглашение лицо, составляющее исполнительный орган юридического лица. Разумеется, что в случае неосведомленности второго лица о том, что он поднимает цену либо совершает иные действия *во исполнение не совета компетентного учредителя, а противоправного соглашения*, заключивший соглашение учредитель должен признаваться исполнителем и второго деяния.

Второй вывод заключается в том, что второе деяние – реализация – совершается не одномоментно, как первое, а может быть значительно растянуто во времени. Как отмечается в зарубежной литературе, средняя продолжительность известных в истории картелей составляет от пяти до шести лет². В России срок «жизни» картеля увеличился в среднем до 2–3 лет³. Таким образом, преступное

¹ Ушаков А.Ю. Указ. соч. С. 163.

² Kallioinen M. Cartel success and institutions. The Finnish Cotton Cartel, 1903–1939 // Business History. 2015. Vol. 57. № 4. P. 512.

³ См.: Интернет-интервью с А. П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации: «Практика ФАС России по делам о картелях и иных антиконкурентных соглашениях: события 2016 года и планы на 2017 год».

взаимодействие участников картеля, как правило, носит *устойчивый* характер и, следовательно, *чаще всего* картель – это организованная группа лиц. «По сути картель – это организованная преступная группа со всеми признаками структурированности, конспирации, длительности, устойчивости противоправного поведения»¹.

Конечно, в некоторых случаях взаимоотношения представителей хозяйствующих субъектов – сторон картельного соглашения могут быть непродолжительными (например, при снижении цен на одном аукционе). В этих случаях преступное взаимодействие устойчивого характера не приобретет, и названные представители составят только группу лиц по предварительному сговору.

§ 3.2. Субъективная сторона ограничения конкуренции

Полный анализ признаков состава ограничения конкуренции (ст. 178 УК) требует исследования субъективной стороны преступления. Под субъективной стороной в науке уголовного права понимают психологическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления². Известно, что она по своему содержанию включает в себя такие признаки, как вина, мотив и цель совершения преступления. При этом вина признается обязательным признаком, а мотив и цель – факультативными признаками.

Итак, «вина – это отрицательное психическое отношение к правоохраняемым благам и интересам, проявившееся в совершении умышленного или неосторожного преступного деяния»³.

Авторы, исследовавшие экономические преступления, сходятся в том, что

¹ *Тенишев А.П.* Готовность номер один // Конкуренция и право. 2017. № 1. С. 10. См. также: *Сухаренко А.* Указ. соч. С. 2; *Иващенко К.А.* Ограничение конкуренции. Уголовно-правовая характеристика преступления.

² *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. С. 41.

³ *Питецкий В.В.* Об интеллектуальном и волевом моменте преступной небрежности. Избранные труды / Предисл. А.С. Горелика. Красноярск: Юрид. ин-т КрасГУ, РУМЦ по юрид. образованию, 2006. С.79.

преступление, предусмотренное ст. 178 УК, совершается умышленно¹. Это обосновывается тем, что «в случаях, когда диспозиция статьи Особенной части не конкретизирует форму вины, соответствующее преступление может быть только умышленным»².

Так, Д. Б. Лаптев подчеркивает, что «признание возможности совершения ограничения конкуренции по неосторожности означало бы признание одинаковой общественной опасности деяний с умышленной и неосторожной формами вины, что <...> недопустимо»³.

При этом многие авторы (А. Н. Бойцов⁴, В. Т. Батычко⁵, В. К. Дуюнов⁶ и др.) вид умысла не уточняют. Полагаем, это не случайно. В юридической науке не существует единого мнения о виде умысла на ограничение конкуренции. Ключевым является вопрос о возможности совершения преступных антиконкурентных действий с косвенным умыслом.

Вне зависимости от редакции статьи⁷, на протяжении всего времени ее существования в теории уголовного права ведется дискуссия.

Например, К. Ю. Тотьев⁸, Н. И. Пискунов и С. И. Никулин⁹, П. С. Яни¹⁰, А. И. Рарог¹¹, И. А. Клепицкий¹², Ю. Г. Бабаева¹, Г. А. Есаков² и другие авторы

¹ См.: *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 430; *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). С. 223; *Устинова Т.Д.* Квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 172 и 178 УК РФ): науч.-практ. пособие. М., 2005. С. 10; *Хутов К.М.* Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование. С. 62; *Тюнин В.И.* Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 194; *Чельшев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Межсистемный подход к ограничению конкуренции. С. 262.

² *Наумов А.В.* Комментарий к главе 5 УК РФ // Комментарий к УК РФ / Под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. М., 2000. С. 41.

³ *Лаптев Д.Б.* Указ. соч. С. 137.

⁴ *Бойцов А.Н.* Указ. соч. С. 133.

⁵ *Батычко В.Т.* Уголовное право. Особенная часть. С. 280.

⁶ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. пособие / Под ред. В.К. Дуюнова. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2017. С. 236.

⁷ Материальным состав рассматриваемого преступления стал после введения в действие новой редакции ст. 178 УК Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

⁸ *Тотьев К.Ю.* Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. 1998. № 6. С. 61.

⁹ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / Под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М.: Норма, 2008. С. 488.

¹⁰ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. И.Э. Звечаровского. С. 237.

¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М.: Издательская группа «ИНФРА-М-НОРМА», 2000. С. 265.

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2005. С. 317.

считают, что преступление, предусмотренное ст. 178 УК, совершается только с прямым умыслом. Сторонники этой позиции полагают, что «виновное лицо, сознавая общественную опасность своего деяния, стремится не допустить, ограничить или устранить конкуренцию на соответствующем рынке товаров»³, «преступления, состоящие в ограничении конкуренции, совершаются с прямым умыслом и целью незаконного воздействия на конкурентов»⁴, «субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом с целью ограничения конкурентоспособности других хозяйствующих субъектов, лицо осознает, что осуществляет монополистические действия и желает достичь их последствий»⁵, конструирование косвенного умысла при заключении преступного антиконкурентного соглашения считают излишним теоретизированием⁶.

По мнению Г. А. Есакова, «в материальных составах главы 22 УК РФ, где последствия в виде крупного ущерба, тяжких последствий отграничивают деяние от административного правонарушения или создают квалифицированный состав преступления, умысел может быть только прямым, сводясь к осознанию общественной опасности совершаемого действия (бездействия) и желанию его совершения; возможность же наступления предусмотренного законом последствия должна всего лишь осознаваться (предвидеться) виновным как неисключенная вне аспекта желания (нежелания) его наступления». Следуя этой логике, применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 178 УК, участники соглашения понимают (осознают), что заключают антиконкурентное соглашение, и желают его заключения, а к последствиям в виде ограничения конкуренции, крупного ущерба и дохода в крупном размере относятся как к «неисключенным» возможностям из акта совершения соглашения.

¹ Бабаева Ю.Г. Специальный субъект экономических преступлений (на примере субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»). М.: Прима-пресс, 2005.

² Есаков Г.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы // Закон. 2019. № 8. С. 144.

³ Тотьев К.Ю. Указ. соч. С. 270.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. С. 317.

⁵ Бабаева Ю.Г. Указ. соч. С. 60.

⁶ Есаков Г.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы. С. 144.

Однако законодательная формулировка умысла, безусловно, распространяется на преступления с материальным составом, и, в отличие от преступлений с формальным составом, оснований для переноса «желания наступления общественно опасных последствий» с последствий на деяния, по нашему мнению, нет¹.

По мнению Б. В. Волженкина², Н. А. Лопашенко³, Т. Д. Устиновой⁴, А. В. Денисовой⁵, К. М. Хутова⁶, М. В. Талан, М. Ю. Челышева, А. В. Михайлова⁷, В. И. Тюнина⁸ и С. Г. Максимова,⁹ преступное ограничение конкуренции может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Так, профессор С. В. Максимов, помощник руководителя ФАС России, указывает, что «субъективная сторона преступного ограничения конкуренции включает вину, характеризуемую прямым умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия в виде причинения крупного ущерба и (или) извлечения дохода в крупном размере и желало его наступления, или косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасного последствия в виде причинения крупного ущерба и (или) извлечения дохода в крупном размере, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично»¹⁰.

Таким образом, сторонники этой позиции признают, что ограничение кон-

¹ *Рарог А.И.* полагает, что последствия лежат за пределами объективной стороны составов преступлений и не могут быть предметом ни интеллектуального, ни волевого отношения. См.: *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. С. 70; Злобин и Никифоров указывали на невозможность разграничения прямого и косвенного умысла в преступлениях с формальным составом. См.: *Злобин Г.А., Никифоров Б.С.* Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 75.

² *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 430.

³ *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 417.

⁴ *Устинова Т.Д.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 29.

⁵ *Денисова А.В.* Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток: ДГУ, 2006. С. 16.

⁶ *Хутов К.М.* Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование. С. 66.

⁷ *Челышев М.Ю., Талан М.В., Михайлов А.В.* Межсистемный подход к ограничению конкуренции // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки» 2015. Т. 157. Кн. 6. С. 262.

⁸ *Тюнин В.И.* Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ). С. 194.

⁹ Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики. С. 219; *Максимов С.В., Утаров К.А.* Указ. соч. С. 55.

¹⁰ Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики. С. 219.

куренции может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. При этом виновный желает наступления одного из общественно опасных последствий (дохода в крупном размере или крупного ущерба) либо не желает, но сознательно допускает или безразлично относится к причинению одного из этих общественно опасных последствий.

Однако неизбежно возникает вопрос: возможно ли безразлично относиться к доходу?

Например, А. В. Денисова считает, что «умысел здесь направлен на причинение ущерба конкретным хозяйствующим субъектам, действующим на этом же рынке. Это то, к чему стремится правонарушитель, в первую очередь, и чего он желает достигнуть ради основной цели. Лицо также осознает, что подобным противоправным поведением причиняется или может быть причинен ущерб и гражданам-потребителям, сознательно это допускает или безразлично к этому относится. К самой конкуренции как необходимому факту экономической деятельности, которого он стремится избежать или существенно снизить его влияние, у виновного может быть такое же отношение, но скорее всего безразличное»¹.

С утверждением А. В. Денисовой, что преступник желает вреда только непосредственному конкуренту, а не конкуренции в целом, трудно согласиться. Смысл действий хозяйствующих субъектов, заключающих картельное соглашение, состоит в нарушении интересов других конкурентов априори. Заключая картель, виновные могут даже не знать всех конкурентов, но их действия, как действия *per se*, влияют на конкуренцию. Соответственно, преступный умысел направлен на ограничение конкуренции в целом. Кроме того, нет основания утверждать, что причинить ущерб конкуренту лицо *всегда* желает, а к причинению ущерба гражданам (потребителям) *всегда* относится безразлично.

Наша позиция в отношении субъективной стороны рассматриваемого преступления заключается в следующем.

¹ Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 178.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК, материальный, так как уголовная ответственность лица может наступить при наличии определенных последствий, выразившихся, во-первых, в ограничении конкуренции, а во-вторых, в причинении крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо в извлечении дохода в крупном размере.

На первый взгляд, в пунктах «а» и «б» ч. 2 ст. 178 УК описаны формальные составы: «... Те же деяния: а) совершенные лицом с использованием своего служебного положения; б) сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства; ...». Слова «те же деяния» возвращают нас к формулировке ч. 1, то есть к деянию, выраженному в ограничении конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, до слова «если» (последствий). Однако применительно к аналогичной формулировке квалифицированных составов в ст. 167 УК Конституционный Суд указал, что причинение значительного ущерба, то есть последствия, указанного в ч. 1 этой статьи, является обязательным признаком объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 167 УК, отграничивающим их от административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП Российской Федерации¹.

Таким образом, для вменения квалифицированного ограничения конкуренции (кроме п. «в» ч. 2 ст. 178 УК) необходимо также установить все обязательные признаки объективной стороны, указанные в ч. 1 ст. 178 УК, включая крупный ущерб либо крупный доход.

Как известно, умысел при совершении преступлений с материальным составом может быть как прямым, так и косвенным². Таким образом, считаем, что

¹ Определение Конституционного Суда «По жалобе гражданина Газаряна Сурена Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 05.03.2013 № 323-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 456.

действия виновных, квалифицируемые по ч. 1, ч. 2 или ч. 3 ст. 178 УК, совершаются с прямым или косвенным умыслом.

Для дальнейшего описания интеллектуального и волевого моментов прямого и косвенного умысла рассматриваемого преступления уместно напомнить структуру объективной стороны деяния.

Она состоит из деяния – заключения ограничивающего соглашения (картеля), ядром которого выступает сама договоренность, объективирующаяся в признаках-последствиях картеля, и последствий «первого плана» (ограничение конкуренции) и альтернативных последствий «второго плана» (крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере)¹.

Согласно ч. 2 ст. 25 УК преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Остановимся на интеллектуальном и волевом моментах прямого умысла ограничения конкуренции подробнее.

Итак, первым признаком интеллектуального момента прямого умысла является осознание общественно опасного характера совершаемого деяния, то есть понимание фактического содержания деяний. «При этом осознание лицом объекта преступления не означает знание его юридической определенности. Субъект умышленного преступления может не знать точно, на какой непосредственный объект посягает его деяние, но должен осознавать, что причиняет вред определенным охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства»².

Так, Б. С. Волков считал, что «... преступление как волевое поведение характеризуется не только сознанием фактических свойств деяния, но и сознанием его юридического значения как социального акта...»³. Фактически автор обосно-

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под ред. И.В. Шишко. М.: Проспект, 2016. С. 279.

² Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 457.

³ Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность / Под ред. А.И. Левшина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. С. 25–26.

выводит точку зрения, что осознание общественной опасности включает и осознание противоправности деяния.

Как известно, осознание противоправности законодатель в описание интеллектуального момента не включает. Между тем многие авторы признают необходимость осознания противоправности в преступлениях в сфере экономической деятельности¹. И. В. Шишко даже предлагает осознание противоправности включить в определение умысла как элемент дизъюнкции: «Преступление признается совершенным с прямым (косвенным) умыслом, если лицо осознавало общественную опасность или противоправность своих действий (бездействия)»².

В нашем случае с данным утверждением трудно не согласиться, поскольку лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность на рынке, безусловно, понимают, что такое конкуренция, а значит, заключая соглашение, нивелирующее соперничество между ними, осознают противоправность своих действий, и только через нее – общественную опасность. В подтверждение этого тезиса приведем выдержки из двух обвинительных заключений.

«Д. в силу занимаемого служебного положения, длительного опыта руководящей работы в ООО “Г...”, неоднократного участия в электронных аукционах, а также гражданин А., занимающийся продолжительное время выполнением различных видов строительных и других видов работ на объектах строительства от имени различных коммерческих организаций, неоднократно участвуя в электронных аукционах на право заключения государственных и муниципальных контрактов, *достоверно знали требования антимонопольного законодательства* и должны были соблюдать их в своей профессиональной деятельности»³.

«... В силу занимаемого служебного положения и длительного опыта руководящей работы в ОАО (ООО) “А...” – гражданин М. и гражданин С., в ООО

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 24; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: Из-во БЕК, 1996. С. 210; Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Велби; Проспект, 2004. С. 24; Moore M.S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law. Oxford University Press, 1997. P. 18; Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 75.

² Шишко И.В. Вина и преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 3. С. 55.

³ Обвинительное заключение СЧ ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области по уголовному делу № 11701630023000181 от 20.08.2020 // Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области.

“Т...” – гражданин В. *знали требования законодательства о торгах* и должны были соблюдать их в своей профессиональной деятельности»¹.

Однако, как правильно отмечает Э. С. Мурадов, «осознание лицом противоправности его действий, без которого нельзя сделать вывод об осознании общественной опасности им содеянного, *не может презюмироваться*, а подлежит доказыванию наряду с иными признаками состава преступления в сфере экономики»².

При квалификации экономических преступлений с материальным составом вид умысла следует устанавливать, руководствуясь ст. 25 УК, то есть исходя из осознания лицом общественной опасности своих действий, предвидения неизбежности или возможности наступления общественно опасных последствий, желания либо допущения или безразличного отношения к общественно опасным последствиям, а не только исходя из отношения лица к факту совершаемых им нарушений³. Итак, лицо осознает, что заключение картельного соглашения ведет к ограничению конкуренции и способно причинить крупный ущерб или повлечь извлечение дохода в крупном размере (точную величину которых при этом он может не осознавать), то есть осознает общественную опасность своего действия и действий других создателей картеля.

Вторым признаком интеллектуального момента прямого умысла является предвидение общественно опасных последствий. «Под предвидением общественно опасных последствий следует понимать мысленное представление виновного о вреде, который он своим деянием причинит (или может причинить) общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона»⁴.

В определении прямого умысла указывается на предвидение возможности или неизбежности общественно опасных последствий. Как указывает В. В. Питецкий, «предвидение неизбежности наступления последствий означает, что эти последствия в сознании субъекта представляются как единственно возможный резуль-

¹ Обвинительное заключение от 21.03.2018 по уголовному делу № 1170294001600207 // Архив СУ СК России по Удмуртской Республике.

² *Мурадов Э.С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 74.*

³ Там же. С. 132.

⁴ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 458.

тат (исход) его деяния. При предвидении возможности наступления последствий эти последствия в сознании субъекта представляются лишь как вероятные, т. е. они могут либо наступить, либо не наступить»¹.

Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий предполагает представление об изменениях в сфере конкуренции, при этом виновный понимает, что именно своими действиями заключает антиконкурентное соглашение, то есть влекущее ограничение конкуренции. Кроме того, он предвидит наступление последствий своих действий и действий соучастников в виде крупного ущерба или крупного дохода.

Безусловно, наивно полагать, что преступники предвидят «ограничение конкуренции» в полном смысле этого словосочетания. Однако, как мы уже писали, признаки ограничения конкуренции, указанные в п. 17 ст. 4 ЗоЗК, являются *результатом* действий участников картеля. Эти признаки согласно действующей редакции ч. 1 ст. 178 УК необходимо установить, и картельное соглашение *неизбежно* влечет один или несколько этих признаков.

Что предвидят виновные, заключая картельный сговор, – *неизбежность* или *возможность* этих «результатов»?

Для ответа зададим более частные вопросы. Могут ли виновные в соглашении о повышении цены товара не предвидеть неизбежности установления этих общих условий? Могут ли участники сговора на торгах не предвидеть сокращения числа участников на торгах? Могут ли виновные, определяя общие условия обращения товара на товарном рынке, не предвидеть неизбежности их определения? Безусловно, ответ и в первом, и во втором, и в третьем случае будет отрицательным. Виновные в картельном соглашении предвидят именно *неизбежность* ограничения конкуренции. Предвидение исключительно неизбежности ограничения конкуренции вытекает и из самой природы картельного соглашения (напомним, картельные соглашения относятся к соглашениям «*per se*», то есть к соглашениям, которые неизбежно приводят к ограничению конкуренции). Не зря в проекте но-

¹ Питецкий В.В. Субъективная сторона преступления. Глава IX // Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / Отв. ред. А. Н. Тарбагаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. С. 162.

вой редакции ст. 178 УК признак, указывающий на «ограничивающий» характер картельного соглашения, из диспозиции статьи исключен¹.

Вместе с тем, учитывая, что заключение картельных соглашений, не повлекшее причинение крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере, является административным правонарушением, считаем необходимым определять форму вины в преступлении, исходя из отношения виновного к криминообразующим последствиям (крупный ущерб / доход в крупном размере).

Однако ограничение конкуренции не является самоцелью виновных, посредством ограничения конкуренции извлекается доход в крупном размере. Здесь мы солидарны с А. В. Денисовой в том, что получение дохода – основная цель преступления, предусмотренного ст. 178 УК². О том, что виновные стремятся к получению крупного дохода, пишут и А. Ю. Кинев³, и К. М. Хутов⁴. Желание наступления общественно опасных последствий характеризует волевой элемент прямого умысла.

Именно в стремлении к определенным последствиям, в восприятии их как нужных для удовлетворения ощущаемой потребности посредством совершения преступления и заключается желание как элемент умысла⁵. И поскольку виновный в ограничении конкуренции стремится именно к получению дохода, то *умысел к получению дохода в крупном размере может быть только прямым*.

О желании наступления общественно опасных последствий всегда свидетельствуют действия субъектов. Так, Самарское УФАС России признало ООО «СМТ» и ООО «ЦЭХ – Здоровье» нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК. Установлено, что целью антиконкурентных соглашений было обеспечение победы в электронном аукционе ООО «СМТ» с минимальным снижением цены на торгах. Представители хозяйствующих субъектов заключили соглашение, по которому

¹ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

² Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 178.

³ Кинев А.Ю. Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью. С. 6.

⁴ Хутов К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование. С. 62.

⁵ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 460.

ООО «ЦЭХ – Здоровье» должно было отказаться от участия в электронном аукционе по обслуживанию и ремонту медоборудования в больницах области в обмен на то, что с обществом будет заключен договор субподряда на выполнение этих работ. Для создания видимости конкурентной борьбы в качестве формального участника было привлечено ООО «Джии Хэлскеа», действиями которого была минимально снижена начальная максимальная цена контракта, и победителем торгов стало ООО «СМТ».

На основании решения антимонопольного органа было возбуждено уголовное дело по обвинению директора ООО «СМТ» и некоторых его подчиненных и топ-менеджера компании «Джии Хэлскеа» в России и странах СНГ по ст. 30, ч. 2 ст. 178 УК. *Действия по снижению цены* на торгах свидетельствовали о желании получить доход в крупном размере, то есть о прямом умысле субъектов¹.

Из обвинительного заключения по другому делу о сговоре на торгах можно установить, что лица желали наступления последствий, по следующим действиям. Представитель компании ОАО «Р..» заключил антиконкурентное соглашение с представителем компании ЗАО «Т..» о реализации плана поведения участников соглашения на торгах. По плану участники должны были «.... совместными действиями установить выгодную для ОАО «Р..» и ЗАО «Т..» цену договора на создание аппаратно-программного комплекса автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения с использованием средств фото-, видеофиксации (далее – АПК ФВФ ПДД) в Новгородской области путем предоставления согласованных цен, указываемых в коммерческих предложениях, включить в конкурсную документацию положения, ограничивающие конкуренцию путем создания иным хозяйствующим субъектам-конкурентам дискриминационных условий доступа к участию в торгах на право заключения договора с ГОАУ «А..». В результате этого плана ОАО «Р..» получило бы преимущество при заключении договора на создание АПК ФВФ ПДД в Новгородской области и в последующем извлекло бы доход в особо крупном

¹ Арбитражный суд Самарской области поддержал позицию Самарского УФАС России в отношении ООО «СМТ», ООО «Джии Хэлскеа» и Минздрава Самарской области [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/news/24879>.

размере, а ООО «Т.» либо входившее с ним в одну группу ЗАО «Т.», получили бы возможность в последующем с ОАО «Р.» заключить договор субподряда при реализации работ по созданию АПК ФВФ ПДД в Новгородской области и тем самым также получить доход в особо крупном размере»¹.

Из приведенных примеров видно, что действия участников соглашений были направлены на победу одного из них и тем самым подтверждают *желание* ограничить конкуренцию и заключить договор по наиболее выгодной цене (то есть извлечь доход).

Несмотря на то что хозяйствующий субъект, заключая картельное соглашение, стремится, в первую очередь, именно к получению дохода, возможность прямого умысла к крупному ущербу мы не исключаем.

Нацеленность на причинение ущерба *конкретному* конкуренту монополистическим действиям несвойственна. Однако при сопротивлении хозяйствующего субъекта действиям картеля у его участников может возникнуть умысел на устранение данного хозяйствующего субъекта с рынка, например, причиняя ему ущерб путем снижения цены на аналогичные товары. В этом случае умысел на причинение ущерба именно прямой: виновные осознают общественную опасность снижения цены на эти товары, предвидят неизбежность причинения крупного ущерба конкретному конкуренту и желают причинения ему такого ущерба. Однако период существования прямого умысла на причинение ущерба непродолжителен. Он исчезнет, как только конкурент уйдет с рынка.

В части рассмотрения волевого момента прямого умысла следует обратить внимание на следующее.

Распространены случаи, когда хозяйствующий субъект, намеревающийся участвовать в торгах для получения заказа, с целью создания видимости конкуренции договаривается с другими хозяйствующими субъектами о том, что те формально примут участие в торгах. Мотивы у подставных участников торгов могут быть разными, в том числе желание позднее получить аналогичную «по-

¹ Обвинительное заключение СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области по уголовному делу № 11701490040000115 от 19.06.2019 // Архив СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области.

мощь» на «своих» торгах¹. Нередко адвокаты и представители правовых служб организаций – участников картеля утверждают, что подставное лицо (руководитель подставного лица) не может быть привлечено к уголовной ответственности, поскольку у него нет умысла (волевой момент отсутствует) на извлечение дохода в крупном размере либо причинение крупного ущерба. Однако картельное соглашение – это соучастие. И для вменения ст. 178 УК всем участникам картеля достаточно установить, что «подставные, участники знали о намерении первого хозяйствующего субъекта получить доход в крупном размере либо причинить крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Рассмотрим косвенный умысел применительно к преступному ограничению конкуренции.

В соответствии с законодательным определением косвенным умыслом признается осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, нежелание, но сознательное допущение наступления этих последствий либо безразличное отношение к ним.

Осознание общественно опасного характера деяния как элемент интеллектуального момента косвенного умысла по существу не отличается от соответствующего признака прямого умысла. Главным признаком косвенного умысла, указывал В. В. Питецкий, «считается то, что при нем наступившие общественно опасные последствия являются побочным результатом деятельности лица, стремящегося к достижению иных целей (преступных или непроступных)»². По своему характеру предвидение при косвенном умысле совместимо только с предвидением возможности наступления последствий, но не неизбежности. Следовательно, по сути различие прямого и косвенного умысла заключается в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный – сознательным допущением общественно опасных последствий либо безразличным к ним отношением.

¹ См.: Обвинительное заключение СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области по уголовному делу № 11701490040000115 от 19.06.2019 // Архив СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области.

² Питецкий В.В. Субъективная сторона преступления. Глава IX. С. 164.

Сознательное допущение как элемент волевого момента косвенного умысла – это специфическая форма положительного волевого отношения к общественно опасным последствиям¹.

Сознательное допущение или безразличное отношение к такому общественно опасному последствию, как доход, невозможно: картельное соглашение заключается в целях извлечения дохода в крупном размере. *Сознательное допущение или безразличное отношение возможны только к такому общественно опасному последствию, как причинение ущерба в крупном размере.*

Установление мотива и цели не является обязательным для квалификации преступного ограничения конкуренции. Однако, как известно, «мотивы и цели преступлений имеют важное значение для определения общественной опасности деяний, характеристики личности виновного, определения формы вины, а также для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания»².

Мотив преступления – обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления³. «Мотивы преступного поведения представлены в статьях главы 22 УК РФ в виде указания законодателя на корыстную и (или) личную заинтересованность (личный интерес)»⁴.

Как указывает Э. С. Мурадов, мотивы и цели преступлений в сфере экономической деятельности имеют корыстную природу, то есть лица стремятся получить материальную выгоду для себя или других лиц или избавиться от материальных затрат⁵.

Применительно к мотивам участников картельного соглашения это утверждение вполне применимо. Сговариваясь, хозяйствующие субъекты или их представители руководствуются потребностью в получении материальных выгод,

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 463.

² Кузнецов А.П., Маслова Е.В. Проблемы конструирования мотивов и целей преступлений в сфере экономической деятельности // Российский следователь. 2007. № 14. С. 11.

³ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание. С. 457; Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России: курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 3.

⁴ Мурадов Э.С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности. С. 158.

⁵ Мурадов Э.С. Мотивы и цели в преступлениях в сфере экономической деятельности // Соискатель. 2004. № 1. С. 33.

например: получить контракт на торгах по максимально высокой цене, иметь сферу влияния на определенном рынке и благодаря этому получать большую прибыль, поддерживать максимальную цену на товар и т. п.

Важным признаком субъективной стороны преступлений в сфере экономической деятельности является цель деяния.

На цель как признак ограничения конкуренции указывает К. М. Хутов, в качестве которой он рассматривает получение монопольной прибыли¹. П. Н. Репин в качестве цели называет получение дополнительной прибыли². В антимонопольном праве указывают на корыстную цель картеля и на получение сверхприбыли³. Даже неценовые картели преследуют цель реализации материального интереса. Например, в результате создания дефицита возникает повышенный спрос, который в итоге приводит к увеличению прибыли участников картеля.

Цель экономического преступления, пишет Э. С. Мурадов, как правило, не совпадает с преступным последствием в виде крупного ущерба или иных тяжких последствий⁴. Другими словами, квалификация преступления определяется не реализацией цели, а ее постановкой, входящей в диспозицию нормы.

Однако в диспозиции ч. 1 ст. 178 УК цель в качестве обязательного признака ограничения конкуренции не указана, хотя на самом деле данная цель есть априори.

По мнению М. П. Егоровой, «как любое действие картельный сговор не может не быть целесообразным, то есть всегда имеется направленность данной договоренности на достижение определенных целей, которая для каждого участника соглашения может варьироваться и отличаться от иных участников, но в целом должна удовлетворять экономические интересы каждого из участников картеля. Целевая направленность картеля имеет принципиальное значение для его квалификации в качестве нарушения антимонопольного законодательства и позволяет

¹ Хутов К.М. Указ. соч. С. 62.

² Репин П.Н. Указ. соч. С. 113.

³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканиса. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. С. 139.

⁴ Мурадов Э.С. Мотивы и цели в преступлениях в сфере экономической деятельности. С. 33–36.

отграничить его от иных (законных, правомерных) форм рыночного сотрудничества конкурентов»¹. Таким образом, преступный картель, безусловно, имеет цель, но признаком преступления, предусмотренного ст 178 УК, она не является.

Практика рассмотрения уголовных дел показывает, что установление субъективной стороны преступления вызывает сложности в работе правоохранительных органов. «По делам о преступлениях в сфере экономической деятельности – это ключевая задача расследования, предопределяющая его эффективность»².

Обратимся к правоприменительной практике.

Следователь СЧ СУ УМВД России по Новгородской области вынес постановление о прекращении уголовного дела, в том числе в связи с тем, что не был доказан преступный умысел. «Состав преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, характеризуется исключительно прямым умыслом, – указано в постановлении. – Умысел должен быть направлен на заключение в конкретное время в конкретном месте при конкретных обстоятельствах ограничивающего конкуренцию соглашения»³.

Сразу отметим, что следователь определил умысел как прямой, указывая на его направленность на совершение деяния, как будто состав ограничения конкуренции сформулирован как формальный.

Далее следователь пояснил, что «в ходе расследования уголовного дела не представилось возможным установить умысел руководства ООО «Экосити» и ООО «Спецтранссити» на ограничение конкуренции на товарном рынке г. В. Новгород путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), материалами уголовного дела не установлено, заключались ли вообще между руководством ООО «Экосити» и ООО «Спецтранссити» либо между иными лицами какие-либо соглашения,

¹ *Егорова М.А.* Картель как разновидность сделки [Электронный ресурс] // Сборник научных статей IV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / Под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2017. С. 328. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/05-05-2017-egorova-doklad.pdf>.

² *Неустроева А.В.* Правовые и криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 150.

³ Постановление о прекращении уголовного дела от 21.08.2016. Великий Новгород // Архив УМВД по Новгородской области.

ограничивающие конкуренцию». Из данного документа, во-первых, следует, что квалифицировать сговор возможно только тогда, когда следствие «застанет» сговаривающихся лиц на месте, а во-вторых, следователь пишет об умысле только на ограничение конкуренции.

Как видим, установление субъективной стороны – достаточно сложная задача, вызывающая затруднения у правоприменителя.

Исследование субъективной стороны ограничения конкуренции позволяет сделать следующие выводы:

1) виновные в картельном соглашении предвидят именно *неизбежность* ограничения конкуренции. Предвидение исключительно неизбежности ограничения конкуренции вытекает из самой природы картельного соглашения, поскольку картельные соглашения относятся к соглашениям «per se»;

2) субъективная сторона ограничения конкуренции характеризуется прямым умыслом к доходу в крупном размере. Умысел к причинению ущерба в крупном размере, как правило, косвенный, хотя прямой умысел не исключается.

ГЛАВА 4. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ

§ 4.1. Особенности толкования квалифицирующих признаков ограничения конкуренции

Квалифицирующие признаки составов преступлений являются важнейшим средством дифференциации уголовной ответственности за совершение преступления¹.

Юридическая природа отягчающих обстоятельств в уголовном праве, как известно, различна. Отягчающие обстоятельства, предусмотренные Общей частью УК РФ, влияют на определение конкретной степени общественной опасности преступления и личности преступника и, следовательно, на вид и размер наказания в рамках санкции, предусмотренной за то или иное преступление. Второй вид обстоятельств предусмотрен нормами Особенной части УК РФ. Эти обстоятельства включены в число обязательных признаков преступления, то есть наряду с другими они составляют качественную характеристику преступления, описанного в статьях Особенной части УК РФ².

Однако, несмотря на различную природу отягчающих обстоятельств, они имеют одинаковую направленность: призваны увеличить объем наказания.

В одном случае, когда указанные обстоятельства являются признаками какого-либо преступления, их наличие влияет на характер и размер ответственности опосредованно, через квалификацию содеянного. Отягчающие обстоятельства, предусмотренные в Общей части УК РФ, оказывают непосредственное влияние

¹ *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 230.

² *Кабурнеев Э.В.* Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 4. С. 70.

на увеличение объема ответственности, так как их обязаны учесть органы правосудия при решении вопроса об индивидуализации уголовного наказания¹.

Таким образом, «квалифицирующими являются признаки состава преступления, которые свидетельствуют о резко повышенной – по сравнению с отраженной при помощи признаков основного состава – общественной опасности деяния (и лица, совершившего это деяние)»².

Квалифицированные и особо квалифицированные составы преступного ограничения конкуренции законодатель в действующей редакции ст. 178 УК описал следующим образом:

ч. 2: «Те же деяния:

а) совершенные лицом с использованием своего служебного положения;

б) сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства;

в) причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере...».

ч. 3: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения...».

Такой «набор» квалифицирующих признаков в нормах статьи был не всегда. Во всех предыдущих редакциях присутствовал квалифицирующий признак «деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору», а в первоначальной редакции присутствовали квалифицирующие признаки «неоднократно» и «совершенное организованной группой».

Квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору» с изменением редакции ч. 1 ст. 178 УК в 2009 г. обоснованно «ушел» из квалифицированного состава ограничения конкуренции³. Специфика

¹ Кабурнеев Э.В. Указ. соч.

² Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 4. С. 58.

³ Из диспозиции были исключены способы совершения недопущения, ограничения или устранения конкуренции: установление или поддержание монопольно высоких или монопольно низких цен, раздел рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности, установление или поддержания единых цен. См.: О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской

картельных соглашений в том, что они заключаются как минимум двумя участниками, поэтому «группа лиц» по предварительному сговору – это обязательный признак картеля.

В действующей редакции ст. 178 УК нет и такого квалифицирующего признака, как совершение преступлений, предусмотренных этой статьей, организованной группой. Однако этот признак картельного соглашения предполагается в новой редакции статьи¹. Действительно, участники соглашения достаточно часто обладают признаками организованной группы²: картель действует годами, участники составляют устойчивую группу лиц под единым руководством, с распределением между ними ролей, которые заранее объединяются для совершения преступления – заключения картеля и участия в нем. Количество эпизодов такого преступления исчисляется сотнями³. На это обращают внимание А. Ю. Кинев, О. П. Франкевич⁴, Д. В. Артюшенко⁵ и др.

Как отмечают Margaret C. Levenstein и Valerie Y. Suslow, в то время как продолжительность «жизни» некоторых картелей менее года, средняя продолжительность известных в истории картелей значительно более длительна (от пяти до шести лет)⁶. Из материалов проанализированных нами уголовных и антимоно-

Федерации: Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 31. Ст. 3922).

¹ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

² О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8; О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 9.

³ Так, уголовное дело о заключённом картельном соглашении в Республике Саха (Якутия) в сфере здравоохранения насчитывает более 1800 аукционов, в которых был реализован сговор участников. См.: Постановление о возбуждении уголовного дела № 11901980001000239 от 13.03.2019 // Архив СЧ по РОСП СУ МВД по Республике Саха (Якутия).

⁴ Кинев А.Ю., Франкевич О.П. Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов // Картели и иные антиконкурентные соглашения. Проблемы предупреждения, пресечения и ответственности: сб. науч. ст. и тезисов / Под общ. ред. И.Ю. Артемьева, А.Г. Лисицына-Светлова; Научный Совет РАН по проблемам защиты конкуренции, Федеральная антимонопольная служба. М.: Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2017. С. 100.

⁵ Количество эпизодов по делам о сговорах на торгах стало исчисляться десятками и сотнями. Например, в одном из дел о сговоре на торгах по поставке медицинских изделий в предмет рассмотрения входило 718 аукционов. См.: Артюшенко Д.В. Роль конкурентного ведомства в борьбе с коррупцией и хищениями на торгах // Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: материалы научно-практ. конференции. Казань, 2016. С. 28.

⁶ Kallioinen M. Cartel success and institutions. The Finnish Cotton Cartel, 1903–1939 // Business History. 2015. Vol. 57 (4). P. 512.

польных дел видно, что средняя продолжительность картелей составляет 3 года¹.

Об устойчивости картельных соглашений свидетельствуют следующие примеры. В апреле 2006 г. ряд хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на рынке добычи и оптовой реализации минтая и продуктов его переработки в границах Российской Федерации, образовали Минтаевый картель. В рамках данного картеля принимались решения об установлении и поддержании цен на минтай и продукцию из него, а также о сокращении производства данной продукции и объемов ее реализации. *Для координации деятельности Минтаевого картеля его участниками была создана Ассоциация – структура с жесткой исполнительской дисциплиной, призванная координировать предпринимательскую деятельность своих членов, и это было официально закреплено в ее Уставе².*

В другом случае в период с 24 октября 2012 г. до 13 апреля 2014 г. «гражданка Р. вступила в преступный сговор с гражданкой П. и гражданкой Б. на совершение преступных действий, направленных на ограничение конкуренции в сфере поставок товаров для нужд медицинских учреждений на территории Республики Карелия, путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) <...> в целях обеспечения победы в аукционах в электронной форме на право заключения государственных контрактов и осуществления закупки у вышеуказанных обществ как у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), а также подкупа работников медицинских учреждений Республики Карелия.

<...> В соответствии с разработанным совместным планом совершения преступления и реализации картельного соглашения, гражданка Р. должна была лично и при помощи специально привлеченной ею для такой цели ФИО1, <...>, кон-

¹ См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 11902860002000046 от 10.10.2019 // Архив СО по г. Петрозаводску СУ СК России по Республике Карелия (период действия картельного соглашения с 13.04.2014 по 25.01.2017); Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801070004020860 от 19.11.2019 // Архив СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю (период действия картельного соглашения с 02.02.2015 по 31.01.2018); Постановление о возбуждении уголовного дела № 11901400038001619 от 26.04.2019 // Архив СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (период действия картельного соглашения с 01.01.2016 по 10.10.2018); Решение ФАС № 111/98-12 от 18.09.2012 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru (период действия картельного соглашения с 2006 по 2010 г.).

² Решение ФАС № 111/98-12 от 18.09.2012 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru (картель действовал на протяжении четырех лет – с 2006 по 2010 г.).

тактировать с представителями государственных заказчиков - работниками медицинских учреждений, <...>, выяснять их потребности и планы закупок фармацевтических и медицинских товаров, формировать цены на товары, составлять коммерческие предложения, в которые в целях ограничения конкуренции и недопущения участия в торгах иных организаций, осуществляющих коммерческую деятельность на данном товарном рынке, по согласованию с заказчиками вносить «блокирующие позиции», передавать сформированные ей коммерческие предложения работникам медицинских учреждений, а также передавать денежные средства работникам медицинских учреждений Республики Карелия в виде подкупа за возможность обеспечения победы в аукционах на право заключения государственных контрактов»¹, то есть план содержал действия, которые должны были совершаться в течение *как минимум нескольких месяцев*².

Несмотря на изложенное, репрезентативных данных о количестве картелей, заключенных организованной группой, нет. В связи с этим сделать вывод, что картель – это *чаще всего* организованная группа, не представляется возможным.

Итак, включение квалифицирующего признака «организованной группой» без достаточной базы решений антимонопольных органов или приговоров о делах об ограничении конкуренции необоснованно. Иначе может сложиться ситуация, при которой квалифицированных преступлений будет больше, чем преступлений, содержащих признаки только основного состава.

¹ Приговор по делу 1-1041/19 от 23.12.2019 // Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга.

² Также в приговоре подробно расписаны «роли» и других участников соглашения, которые также не могли быть выполнены в течение короткого времени: «Согласно отведённой роли в совершении преступления, гражданка Б. должна была осуществлять *поиск и анализ* информации о проводимых электронных аукционах, *подготовку и подачу* документации для участия коммерческих обществ в электронных аукционах на поставку фармацевтических и медицинских товаров, согласовав с гражданкой Р. и гражданкой Б. тактику поведения и установления цены до проведения электронных аукционов, обеспечить внесение денежных средств в счет обеспечения заявок на участие в аукционах, а также непосредственно участвовать от имени ООО «МедЛОН-ДВ» и ООО «НикаМед» в проведении электронных аукционов, используя переданную ей для этого электронную цифровую подпись директоров <...>. Выполняя отведённую роль в совершении преступления, гражданка П. должна была *подыскивать поставщиков* фармацевтических и медицинских товаров, *проводить мониторинг* рынка фармацевтических и медицинских товаров, *устанавливая наличие* у поставщиков необходимых товаров и выясняя цену товаров для формирования коммерческих предложений и возможности установления блокирующих позиций при проведении аукционов, сообщать гражданке Р. результаты такого мониторинга, по согласованию с гражданкой Р. и гражданкой Б. *заключать контракты* с заказчиком по итогам электронных аукционов, при исполнении государственных контрактов организовывать поставки медицинской продукции, в периоды отсутствия гражданки Б. выполнять её, роль в совершении преступления, для чего получать электронные цифровые подписи ООО «НикаМед» и ООО «МедЛОН-ДВ». См.: Приговор по делу 1-1041/19 от 23.12.2019 // Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга.

Самый дискуссионный квалифицирующий признак ст. 178 УК предусмотрен п. «а» ч. 2 – «совершенные лицом с использованием своего служебного положения». «Благодаря» ему преступление относят к коррупционным¹.

Подробно субъектов, которые относятся к «лицам, использующим свое служебное положение», мы описывали в параграфе 3.2.

Сфокусируемся на самом признаке «с использованием своего служебного положения». Это понятие как в юридической литературе, так и в судебной практике трактуется неодинаково². По мнению А. В. Рясова, *служебное положение* – это место лица в служебной системе³. Об узком и широком толковании данного понятия пишут Л. Иногамова-Хегай и С. Черобедов: «Узкое понимание использования служебного положения состоит во включении в его содержание действия или бездействия, совершаемого только в рамках служебной компетенции, в пределах прав и обязанностей лица. Согласно широкой трактовке <...> использование служебного положения включает совершение деяний: 1) в пределах служебных полномочий лица; 2) непосредственно не связанных с обязанностями лица по службе, а основанных на его авторитете, связях; 3) выходящих за пределы его служебных полномочий. Третий вид использования служебного положения представляет собой превышение служебных полномочий»⁴.

Широкого толкования использования лицом своего служебного положения придерживаются и другие авторы, отмечающие, что под таким использованием

¹ Бугаевская Н.В. Коррупционные преступления в сфере экономики: перспективы совершенствования уголовного законодательства // Уголовное право и современность: сб. науч. ст. / Отв. ред. Г.А. Есаков. Вып. 6. М.: «Проспект», 2016. С. 6–10.

² См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2007. С. 367; Бычков В.В., Бражников Д.А. О концепцииотягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием своего служебного положения» // Российский следователь. 2019. № 3. С. 41; ст. 19 Конвенции Организации Объединенных наций против коррупции // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26. 2006. Ст. 2780; О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень ВС РФ. 1997. № 3 (п. 11); О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушениях авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума ВС РФ от 26.04.2007 № 14 // Бюллетень ВС РФ. 2007. № 6 (п. 27); О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановления Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8 (п. 23); и др.

³ Рясов А.В. Понятие и сущность признака «использование служебного положения» в российском уголовном праве» // Юристы-правоведы. 2007. № 6(25). С. 22.

⁴ Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25.

понимается «не только осуществление служебных полномочий (реализация юридических возможностей виновного лица), но и использование авторитета власти, должности, служебных связей, влияние аппарата управления, совершение заведомо незаконных действий (бездействия) по службе и пр. (реализация фактических возможностей субъекта преступления)»¹.

Судебной практике также известна широкая трактовка этого квалифицирующего признака: в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» разъяснено, что «под использованием своего служебного положения в целях совершения деяний, указанных в ч. 1 или ч. 2 ст. 210 УК РФ, следует понимать не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий, но и *оказание влияния исходя из значимости и авторитета* занимаемой им должности на других лиц ...»².

Широко толкуется этот квалифицирующий признак и в ряде других Постановлений Пленума Верховного Суда РФ³. Что касается действий (бездействия), которые лицо имеет право и (или) обязанность совершать в пределах его служебной компетенции, то эти действия Пленум Верховного Суда РФ считает входящими в служебное положение⁴.

Итак, использование служебного положения – это использование полномочий, а также оказание влияния, исходя из значимости и авторитетности занимае-

¹ Тюленева Е.А., Кузнецов А.А. Характеристика субъекта преступления, совершаемого с использованием служебного положения, в сфере экономики // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1(26). С. 53. См. также: Коростелев В.С. «Использование служебного положения» как способ совершения преступлений: вопрос судебного толкования // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2(22). С. 213.

² О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8.

³ См.: О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень ВС РФ. 1997. № 3; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 8; О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21 // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 12; О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума ВС РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. 03.11.2016) // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 4.

⁴ Постановление ВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 9 (п. 3).

мой должности.

Служебные «полномочия», согласно примечаниям к ст. 285 и 201 УК, могут вытекать из административно-хозяйственных и организационно-распорядительных функций. В административно-хозяйственные функции входят полномочия по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием)¹.

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия, связанные с руководством трудовым коллективом, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, применением мер поощрения или награждения, наложением дисциплинарных взысканий и т. п. К организационно-распорядительным функциям относятся и полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия².

Пример организационно-распорядительных функций лица, виновного в ограничении конкуренции с использованием своего служебного положения, подробно описан в приговоре Новгородского районного суда: «руководство выполнением работ по содержанию и ремонту дорожных сооружений на автомобильных дорогах общего пользования регионального или межмуниципального значения; осуществление надзора за качеством ведения работ и приемки работ по ремонту и содержанию дорожных сооружений <...>; участие в работе приемочных комиссий по приемке в эксплуатацию построенных и отремонтированных дорожных сооружений...»³.

Применительно к преступному ограничению конкуренции использование

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12 (п. 5).

² Там же (п. 4).

³ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014.

своего служебного положения может заключаться в следующих действиях: подписание соответствующих договоров, соглашений, приказов, участие в общих собраниях общества, а также собраниях некоммерческих организаций (например, лицо представляет компанию на собрании ассоциации, где принимаются совместные решения о поддержании определенной цены); дача распоряжений по соответствующему противоправному поведению на торгах; подписание распоряжений о сокращении производства продукции и т. п.

Следует обратить внимание на то, что необходимо устанавливать взаимосвязь использования служебного положения и заключения картельного соглашения. Верховный Суд РФ указал, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении должны содержаться ссылки на правовые акты, в силу которых должностное лицо наделено теми или иными полномочиями, а также конкретные обязанности и права, злоупотребление которыми вопреки интересам службы ставится ему в вину¹.

Если физическое лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем и одновременно генеральным директором юридического лица, заключает картельное соглашение с иными представителями юридических лиц на торгах, то он, с одной стороны, выступает, как физическое лицо – индивидуальный предприниматель, а с другой – как единоличный исполнительный орган выполняет управленческие функции.

Так, из обвинительного заключения следователя СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю следует, что гражданин Н., являющийся индивидуальным предпринимателем и одновременно руководителем ООО «Э...» и ООО «М...», заключил картельное соглашение с индивидуальными предпринимателями Б. и А. Этот гражданин Н., «...действуя умышленно, из корыстных побуждений, согласованно с гражданкой Б. и гражданкой А., с целью реализации заключенного между ними в устной форме ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) <...>, дал указание юристу ООО «Э...» гражданке М., нахо-

¹ Постановление Президиума ВС РФ от 09.04.2003 № 46п03 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/5584527>.

дящейся от него в служебной зависимости и не осведомленной о совершаемом преступлении, с использованием находящихся в офисе ООО «Э...» <...> компьютера и ноутбука <...> своевременно совершать последовательные действия от имени индивидуального предпринимателя Н. <...>, ООО «М...», ООО «Э...», индивидуальных предпринимателей Б. и А., путем внесения одним участником картеля предложения о снижении цены контракта на 0,5 % с дальнейшим отказом от конкурентной борьбы в пользу другого участника картеля, последующей подачей другим участником картеля предложения о снижении цены контракта на 1 %, то есть с текущим снижением начальной цены контракта на минимальную сумму»¹.

В указанном примере наглядно видно, как гражданин Н., будучи индивидуальным предпринимателем и руководителем ООО «Э...» и ООО «М...», заключая картельное соглашение, выполняет организационно-распорядительные функции (дает указания подчиненным лицам от имени юридического лица). Между тем следователь ошибочно квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 178 УК.

Исследуемый квалифицирующий признак вызывает следующую дискуссию: нередко содеянное будет охватываться не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного положения.

По мнению П. С. Яни, хозяйствующие субъекты в виде именно коммерческих и иных организаций потенциально способны совершить действия, оказывающие масштабное негативное влияние на товарный рынок, и поэтому субъектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК, автор признает лицо, представляющее организацию в силу закона либо специального полномочия. Этот вывод, как отмечает П. С. Яни, вскрывает проблему, состоящую в том, что под лицами, использующими свое служебное положение при совершении преступления, следует понимать должностных лиц, а также лиц, выполняющих управленческие функции в указанных организациях, следовательно, содеянное всегда будет охватываться не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801070004020860 от 19.11.2019 // Архив СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Ставропольскому краю.

положения¹. Согласно с данным заключением С. В. Изосимов, В. И. Тюнин и Ю. И. Степанов².

Эту позицию поддерживает и Т. Д. Устинова, полагая, что именно должностные лица и лица, осуществляющие управленческие функции, являются субъектами заключения соглашений, ограничивающих конкуренцию, и законодатель оставил без внимания конкуренцию между ч. 1 и 2 ст. 178 УК в отношении хозяйствующих субъектов³.

В приказе ФАС России № 1073/19 от 08.08.2019 также отмечается, что «практика расследования уголовных дел по ст. 178 УК РФ свидетельствует о невозможности заключения и реализации криминального картеля без использования служебного положения»⁴.

Мы не можем согласиться с таким разъяснением. Хозяйствующие субъекты-физические лица (индивидуальные предприниматели и лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход) тоже признаются субъектами этого преступления и реально заключают картельные соглашения. Следовательно, их действия квалифицируются по ч. 1 ст. 178 УК.

Конечно, картельные соглашения указанной категории лиц в изученных материалах уголовных и антимонопольных дел встречаются достаточно редко. Приведем несколько примеров.

Так, уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 178 УК в отношении индивидуальных предпринимателей, осуществлявших пассажирские перевозки по маршруту Кронштадт – Санкт-Петербург, которые систематически ограничивали доступ индивидуальному предпринимателю Л. к перевозкам путем угрозы применения насилия и уничтожения автомобиля⁵.

¹ Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции. С. 26.

² Преступления, совершаемые в сфере экономики: учеб. пособие / С.В. Изосимов, В.И. Тюнин, Ю.И. Степанов. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 186.

³ Устинова Т.Д. Квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 172 и 178 УК РФ). С. 115.

⁴ Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного Кодекса Российской Федерации): утв. Приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19.

⁵ Дело № 313664 // Архив ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В отношении монополистических действий индивидуальных предпринимателей М., И. и Ф., являвшихся перевозчиками маршрутных такси, также было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 178 УК по факту вступления в предварительный сговор с целью ограничения конкуренции на субрынке пассажирских перевозок путем установления и поддержания единых цен¹.

УФАС по Алтайскому краю квалифицировало сговор нескольких индивидуальных предпринимателей, осуществляющих перевозку пассажиров и багажа легковым такси, по повышению цен, как картельное соглашение².

По данным Федеральной налоговой службы РФ, на 1 июня 2020 г. в России насчитывалось 3 648 715 юридических лиц, в том числе коммерческих 3 029 364³, и 4 010 122 индивидуальных предпринимателей, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств 136 165⁴. Цифры приблизительно равны, поскольку некоммерческие организации тоже могут признаваться хозяйствующими субъектами, если они осуществляют деятельность, приносящую им доход.

Как видим, количество зарегистрированных индивидуальных предпринимателей не уступает количеству зарегистрированных юридических лиц, что говорит о равной вероятности заключения картельных соглашений как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями. Реальной представляется также квалификация картельного сговора между физическими лицами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, но осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход.

Однако необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Картельные соглашения могут заключаться не только между юридическими лицами

¹ Определение Центрального районного суда г. Красноярска от 4.10.2000 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.

² Решение УФАС по Алтайскому краю № 13-ФАС22-АМ/04-13 от 29.07.2013 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru; практика заключений согласованных действий индивидуальными предпринимателями представлена в: решении УФАС по Ростовской области № 1700/05 от 19.04.2012 // Там же; решении УФАС по Республике Тыва по делу № 04-06-08/15-11-11 от 15.09.2011 // Там же; решении УФАС по Чувашской Республике – Чувашии по делу № 17-АМЗ-2010 от 16.12.2010 // Там же (до изменений ст. 11 Федеральным законом от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» действия по заключению соглашений квалифицировались как согласованные действия).

³ Отчет по форме № 1-ЮР (2020 год) // Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn24/related_activities/statistics_and_analytics/forms/9558958.

⁴ Отчет по форме № 1-ИП (2020 год) // Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn24/related_activities/statistics_and_analytics/forms/9558958.

либо только между индивидуальными предпринимателями (либо лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), но могут быть и смешанными. Иными словами, сторонами одного картеля могут быть индивидуальные предприниматели (либо лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход) и юридические лица.

Вместе с тем ограничение конкуренции, совершенное «смешанным» картелем, будет всегда охватываться не первой, а второй частью ст. 178 УК по признаку использования служебного положения, и в этом случае использование служебного положения необходимо вменять всем виновным¹.

Кроме того, минимальный размер криминообразующих признаков (доход в крупном размере и крупный ущерб) столь высок (соответственно, свыше 50 млн и свыше 10 млн), что картели, заключенные только индивидуальными предпринимателями (лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), редко могут достигнуть этого размера.

Разработчики новой редакции ст. 178 УК, как и П. С. Яни, и Т. Д. Устинова, считают излишним наличие квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения», полагая, что картельное соглашение не может быть заключено лицом, не обладающим служебным положением². Мы же считаем, что квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения» не является обязательным для любого картельного соглашения, и, следовательно, в настоящее время уголовная ответственность по ч. 1 ст. 178 УК не исключается.

Однако в связи с тем, что на практике преобладает ограничение конкуренции, подпадающее под ч. 2 ст. 178 УК, а деяния, содержащие квалифицирующие признаки, не должны встречаться чаще деяний, содержащих признаки основного

¹ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. С. 347.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/848246-7>. С. 5.

состава¹, полагаем, что признак «с использованием служебного положения» следует исключить.

Разработчики новой редакции ст. 178 УК в качестве квалифицирующего признака предлагают ввести следующий: «совершение данного преступления лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа в коммерческой или иной организации, а также лицом, распоряжающимся более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства).

Однако исходя из положения, описанного в предыдущем абзаце, и этот квалифицирующий признак включать в ст. 178 УК не следует: ограничений конкуренции, совершенных индивидуальным предпринимателем и иными лицами, будет намного меньше ограничений конкуренции, совершенных лицами, предложенными разработчиками.

Второй квалифицирующий признак предусмотрен п. «б» ст. 178 УК – «с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства». В нем предусмотрена ответственность за преступление, объединяющее в себе несколько деяний: ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения и умышленное уничтожение (или угроза) или повреждение (или угроза) чужого имущества (при отсутствии признаков вымогательства).

Относительная ясность в науке и практике терминов «уничтожение» и «повреждение» в основном не вызывает трудностей при определении механизма воздействия на предметы материального мира.

Уничтожение имущества предполагает полную утрату полезных свойств предмета, невозможность его ремонта и дальнейшего использования, то есть разрушение². Повреждением считается такое качественное изменение имущества,

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 186.

² Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М., 2012. С. 387.

в результате которого ухудшаются его отдельные свойства и характеристики, и оно либо полностью, либо частично становится непригодным для использования. Но, в отличие от уничтоженной, поврежденная вещь может быть восстановлена¹.

Угроза уничтожения или повреждения имущества предполагает «намерение виновного в будущем истребить (уничтожить) имущество, что приведет к полной его утрате либо в такое состояние, при котором оно утрачивает свою ценность или исключается возможность использовать его по прямому назначению в хозяйственных целях»².

Так, в г. Иваново был вынесен обвинительный приговор пяти индивидуальным предпринимателям о совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 178 УК (ограничение или устранение конкуренции путем ограничения доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности, повлекшее причинение крупного ущерба, совершенные с уничтожением и повреждением чужого имущества организованной группой)³. Участники картельного соглашения, устраняя конкурентов на рынке междугородних пассажирских перевозок на маршруте «Иваново – Москва – Иваново», сожгли их автобусы стоимостью 13 954 000 руб.⁴

«Для устранения конкурентов преступники вскрывали на стоянках окна их автобусов, разливали по салону бензин и бросали туда зажженные спички. Кроме того, они разбивали стекла чужих транспортных средств камнями»⁵.

Преступники добились полного устранения трех индивидуальных предпринимателей с рынка пассажирских перевозок, ограничили осуществление деятельности на данном участке трех других индивидуальных предпринимателей.

Требуется ли в случае реального уничтожения или повреждения чужого имущества дополнительная квалификация содеянного по совокупности со ст. 167 УК?

¹ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. С. 387.

² Устинова Т.Д. Квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 172 и 178 УК РФ). С. 59.

³ В редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

⁴ Приговор по делу № 1-143/2008 от 05.02.2009 // Архив Фрунзенского районного суда г. Иваново.

⁵ Там же.

Преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 178 УК (по признаку «сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества»), – составное¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК совершение двух или более преступлений образует совокупность преступлений за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Поэтому обратимся к санкциям данных норм. Максимальный размер наказания за преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 167 УК, составляет два года лишения свободы, а за те же деяния, совершенные путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК), – пять лет лишения свободы. Что касается максимального размера наказания за ограничение конкуренции, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 178 УК, то он превышает максимум санкции в ч. 2 ст. 167 УК и составляет 6 лет лишения свободы. Из этого следует, что умышленные уничтожение или повреждение имущества полностью охватываются п. «б» ч. 2 ст. 178 УК и дополнительной квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 167 УК не требует².

Отметим, что для квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 178 УК по признакам уничтожения или повреждения чужого имущества либо угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества нужно установить отсутствие признаков вымогательства. Следовательно, преступное ограничение конкуренции, сопряженное с угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, не должно быть связано с требованием передать чужое имущество (права на него) или совершить какие-либо действия имущественного характера³.

Пункт «в» ч. 2 ст. 178 УК предусматривает ответственность за картельное соглашение с причинением особо крупного ущерба либо повлекшее извлечение дохода в особо крупном размере. Особо крупный – формализованный признак:

¹ *Derevjagina O.E., Mironchik A.S.* Destruction or property damage as a qualifying sign of non-admission, restriction or elimination of competition // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. № 2. С. 261–266.

² См.: *Векленко С.В., Вардамян Т.М.* Указ. соч. С. 20; *Derevjagina O.E., Mironchik A.S.* Destruction or property damage as a qualifying sign of non-admission, restriction or elimination of competition.

³ *Векленко С.В., Вардамян Т.М.* Указ. соч. С. 19.

согласно примечанию к ст. 178 УК доходом в особо крупном размере является доход, сумма которого превышает 250 млн руб., а особо крупным ущербом – ущерб свыше 30 млн руб. Таким образом, никем не обоснованный «разрыв» между крупным ущербом и доходом в крупном размере в квалифицированном составе в разы возрастает: размер *особо* крупного дохода отличается от размера крупного дохода в пять раз, а размер *особо* крупного ущерба отличается от размера крупного ущерба – в три раза.

В отсутствие обоснования установления столь разных значений крупного ущерба/дохода, а также «кратности» особо крупного ущерба/дохода с ними сложно согласиться, поэтому целесообразно определить значение крупного и особо крупного размера ущерба /дохода единообразно: как это, например, предусмотрено для крупных и особо крупных ущерба и дохода в примечании к ст. 170² УК.

Между тем, несмотря на то что особо крупный размер незаконно извлеченного дохода в 10 раз превышает крупный размер, возбуждение дел по п. «в» ч. 2 ст. 178 УК встречается нередко.

Так, СУ Управления МВД России по г. Самаре возбудило дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 178, по факту заключения ООО «ФАРМ СКД» и ОАО «НОВОФАРМ» соглашения на торгах. В результате победы на торгах и заключения государственных контрактов на поставку лекарственных препаратов, медицинских изделий, средств дезинфекции и лечебного питания для нужд медицинских учреждений системы здравоохранения Российской Федерации руководители этих фирм извлекли доход в особо крупном размере на общую сумму свыше 400 млн рублей»¹.

СЧ СУ УМВД России по Тюменской области также возбудило дело по ст. 178 УК по факту заключения соглашения на торгах. Руководители ООО «Конар» и ООО «Научно-производственное объединение “Фундаментстройаркос”» в результате участия в закрытых запросах предложений на поставку термостабилизаторов грунтов для нужд предприятий группы компаний «Транснефть» получили

¹ Постановление о возбуждении уголовного дела № 118013600470068 от 15.02.2018 // Письмо ГУ МВД России по Самарской области от 10.10.2018 № 1212467. Архив ГУ МВД России по Самарской области.

доход в особо крупном размере – свыше 250 млн руб.¹

Ряд авторов подвергает сомнению обоснованность включения в ч. 3 ст. 178 УК особо квалифицирующего признака «совершенные с применением насилия или с угрозой его применения».

Так, П. С. Яни отмечает, «что раз в первой части статьи речь идет о действиях (бездействии) сугубо экономического характера, то такие действия (бездействие), исходя из содержания данных понятий, не могут совершаться «с применением насилия, поскольку насилие формально-логически не может стать способом действий, решений сугубо экономического характера»². На этой же позиции стоит и Т. Д. Устинова. По ее мнению, «достаточно сложно представить ситуацию, при которой представители хозяйствующих субъектов непосредственно <...> применяют к конкуренту насилие. Такие деяния, считает она, «вовсе не свойственны и не нужны для ограничения конкуренции, которая достигается рядом действий экономического характера (повышение или понижение цен, отказ от продукции какого-то поставщика и т. п.)»³. Если даже хозяйствующие субъекты привлекают для применения насилия к конкуренту других лиц, уточняет Т. Д. Устинова, то все равно этот квалифицирующий признак «логически не вписывается в канву» ограничения конкуренции. Общий субъект, продолжает автор, используемый для совершения этого противоправного действия, не может принимать участие в заключении соглашения, ограничивающего конкуренцию, чтобы быть привлеченным «за те же деяния», и поэтому обозначенный квалифицирующий признак должен быть исключен из ст. 178 УК⁴.

Маловероятным считают применение насилия (угрозу его применения) специальным субъектом Н. А. Егорова⁵, А. Ю. Кинев и А. П. Тенишев⁶.

¹ Постановление о возбуждении уголовного дела № 11801710053000184 от 30.05.2018 // Архив СЧ СУ УМВД России по Тюменской области. См. также: Постановление о возбуждении уголовного дела СЧ СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве № 1170145009000551 от 27.07.2017. Исх. № 38/6-6852 от 24.04.2018 (крупный ущерб более 30 000 000 руб.).

² Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции. С. 26.

³ Устинова Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления): монография. Волгоград: Перемена, 2006. С. 425–426.

⁶ Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за картели // Юрист. 2017. С. 12.

В то же время Б. В. Волженкин считал насилие вполне возможным при разделе товарного или финансового рынка, установлении или поддержании единых цен¹.

Мы полагаем, что насилие не чуждо ограничению конкуренции. Напомним, что реально крупный ущерб либо доход в крупном размере влечет не картельное соглашение, а его реализация. Она заключается не только в выполнении и корректировке условий соглашения, но, кроме того, «предполагает взаимный контроль его участников, применение «санкций» к участникам-оппортунистам»² и т. д.

Взаимный контроль участников картеля позволяет утверждать, что лицом, к которому применяется насилие либо угроза его применения (ч. 3 ст. 178 УК), может быть участник картеля (руководитель участника картеля), нарушивший условия соглашения³. Другими способами обеспечить исполнение противоправного соглашения бывает непросто, поскольку отступление от условий соглашения может быть экономически выгодно участникам картеля. Например, снижение цены на товар в сравнении с установленной картелем позволит значительно увеличить объем реализации этого товара конкретным хозяйствующим субъектом.

Насилие (угроза его применения) может применяться и к конкурентам, не являющимся участниками картеля, действия которых мешают реализации картельного соглашения.

Что касается сомнений в реалистичности ситуаций, когда «представители хозяйствующих субъектов непосредственно принимают участие в уничтожении имущества или применяют к конкуренту насилие», то полагаем, что нужно исследовать разные «варианты».

Если картельное соглашение заключили только физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, то возможность «физического вразумления» одним или несколькими участниками картеля другого (других участников) вряд ли вызывает сомнение.

Если участниками картеля являются и юридические лица либо только юри-

¹ Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 428.

² См.: Шаститко А.Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия. С. 39; Гришина А. С. Факторы, определяющие цены картеля. С. 128.

³ Насилие (угрозы его применения) может применяться и к конкурентам, не являющимся участниками картеля, экономические интересы которых нарушаются действиями картеля.

дические лица, то «физическое вразумление» участников картеля, отступающих от условий соглашения, чаще всего осуществляется не лицом, определяющим действия юридического лица – участника картеля, а иными лицами, которые, как правильно отмечает Т. Д. Устинова, не принимают участия в заключении соглашения, ограничивающего конкуренцию¹.

Однако картель, как мы уже писали, достаточно часто является организованной группой, и действия соучастников, регулярно осуществляющих «взаимный контроль» и обеспечивающих выполнение условий картельного соглашения путем применения насилия или угрозы его применения (в этом, в частности, тоже проявляется распределение ролей в организованной группе), подлежат квалификации как действия соисполнителей без ссылки на ст. 33 УК².

В том случае, когда насилие (угрозы его применения) применяют лица, не являющиеся ни специальными субъектами, ни участниками картеля-организованной группы, но цель насилия (угроз его применения) им известна, они должны нести ответственность по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 178 УК, а участники картельного соглашения, направившие их применять насилие (угрожать его применением), должны отвечать, как посредственные исполнители, по ч. 3 ст. 178 УК.

Если лица, применяющие насилие либо угрозу его применения, не осведомлены о цели их применения, то они должны нести ответственность за соответствующее умышленное преступление против личности, а члены картельного соглашения, направившие их применять насилие (угрожать его применением), должны отвечать по ч. 3 ст. 178 УК.

Резюмируя изложенное, считаем, что наличие особо квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения» преступного ограничения конкуренции вполне обоснованно.

¹ Устинова Т.Д. Уголовно-правовая охрана свободы конкуренции в аспекте изменений и дополнений уголовного закона. С. 116.

² Заметим, что, исследуя признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК (в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ, то есть в период, когда объективная сторона еще не включала заключение картельных соглашений), Б. В. Волженкин писал, что среди участников организованной группы, совершающей деяния, предусмотренные ст. 178, могут быть и лица, не отвечающие признакам специального субъекта. Они, в частности, могут совершать действия, предусмотренные ч. 3 этой статьи (насилие, угрозы). См.: Волженкин Б.В. Указ соч. С. 433.

§ 4.2. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности

С точки зрения теории уголовного права, «освобождение от уголовной ответственности – институт, <...> позволяющий реализовывать основные уголовно-правовые принципы: рационального применения, экономии и целевого устремления мер уголовной репрессии¹. Выступая в качестве «гибкого» технико-юридического инструмента, освобождение от уголовной ответственности способствует достижению сбалансированного компромисса между преступлением и последующей реализацией уголовной ответственности².

В целях единообразного толкования и применения определение освобождения от уголовной ответственности сформулировано в постановлении Пленума Верховного суда – это отказ государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, в частности, от осуждения и наказания такого лица³.

Освобождение от уголовной ответственности имеет принципиальную общность с освобождением от наказания. В обоих случаях государство отказывается подвергать виновного мерам принуждения, которые предусмотрены уголовным законом. Однако законодатель предполагает четкое различие между основаниями освобождения от уголовной ответственности и основаниями освобождения от наказания, закрепляя их изолировано друг от друга.

К общим нормам относится освобождение от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК); по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК); в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2); в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК); в связи с актом амнистии (ст. 84 УК); в связи с

¹ Кругликов Л.Л. Проблемы теории назначения наказания: законодательство и практика. Ярославль, 2010. С. 296.

² Князьков А.А. Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 92.

³ О применении судами законодательства, регулирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 79 // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК).

Отдельную группу норм образуют специальные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. В их числе и примечание к ст. 178 УК. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 75 УК, это – специальный случай деятельного раскаяния.

Применительно к ограничению конкуренции законодатель предусмотрел еще одну норму (ч. 2 ст. 76.1), на основании которой субъект, совершивший ограничение конкуренции, освобождается от уголовной ответственности.

В этом параграфе необходимо рассмотреть вопрос освобождения от ответственности комплексно, включая основание освобождения от административной ответственности, предусмотренное примечанием 1 к ст. 14.32 КоАП. Дело в том, что институт освобождения от уголовной ответственности является частью всей системы освобождения от ответственности за заключение картеля (ее называют также «программой освобождения от ответственности», «программой ослабления наказания», «программой освобождения от наказания», «программой смягчения ответственности», «программой лояльности»). В России подобная программа впервые была введена Федеральным законом № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в 2007 г. и затем кардинально пересмотрена в 2009 г. с введением «второго антимонопольного пакета» поправок^{1,2}.

Программа освобождения от ответственности за картельные сговоры впервые была внедрена в практику в США – в 1978 г. (реформирована в 1993 г.)³. В

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17.07.2009 № 160-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3597.

² Несмотря на относительно небольшой срок, прошедший с момента внесения в законодательство положений об освобождении от ответственности, уже есть комплексные исследования на эту тему. Например, см.: Павлова Н.С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 190 с.; Бульба М.С., Андрианова Е.В. Программа освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (leniency) в российском праве и праве ЕС. Сравнительный анализ отдельных аспектов правового регулирования и применения // Российское конкурентное право и экономика. 2014. № 3(12). С. 28–33.

³ Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Программа ослабления наказания за участие в картеле: проблемное поле, структурные альтернативы и эффекты [Электронный ресурс]. М., 2015. С. 28. URL: <http://ssrn.com/abstract=2608418>.

настоящее время она существует в Австралии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Евросоюзе, Канаде, Кипре, Латвии, Японии¹ и других странах. Многие ведомства в разных странах ввели программы смягчения наказаний как способ стимулирования участников картеля сообщать о картельном поведении в обмен на частичное или полное освобождение от ответственности или существенное уменьшение размеров штрафов или сроков лишения свободы (последнее относится к программе смягчения наказания).

Смягчение наказания или полное освобождение от ответственности в целом являются ответной стратегией: ведомство ожидает, пока компания сама подаст заявление. Однако смягчение наказания может использоваться и в качестве упреждающего механизма. Примером является особая программа амнистии, используемая Департаментом юстиции США². Если существует подозрение о картеле и имеется возможность смягчения наказания, но заявление о смягчении наказания в обмен на информацию о картеле не поступило, Департамент юстиции иногда выходит на подозреваемые компании и четко проговаривает преимущества участия в данной программе. Иногда это способствует подаче компаниями соответствующего заявления. Однако компания может не согласиться и, будучи предупрежденной о возможных обысках, рейдах, инспекциях и прочих действиях по расследованию ее деятельности, уничтожит все инкриминирующие доказательства³. В некоторых юрисдикциях подобные действия могут потенциально преследоваться в судебном порядке как препятствование отправлению правосудия.

При этом в США развита практика «смягчения» ответственности для участника картеля, сообщившего вторым о картеле (*second-in company*). Эта компания может получить существенную скидку при назначении штрафа. Ключевыми факторами, влияющими на размер скидки, являются: 1) сроки сотрудничества; 2) ценность и значимость предоставленной информации; 3) доказательства другой

¹ Сулов Е. Программы смягчения ответственности за картельные соглашения: Практика России, Великобритании и Европейского Союза // Конкуренция и право. 2011. № 3. С. 26–32.

² Руководство по применению антикартельного законодательства. Международная конкурентная сеть. М., 2007. С. 14.

³ Там же.

обусловленной сговором деятельности¹.

Практика применения положений об освобождении от административной ответственности в РФ свидетельствует о возрастающей их роли при расследовании картелей и иных антиконкурентных соглашений. Так, в 2014 г. было подано в антимонопольные органы 28 таких заявлений, в 2015 – 46, в 2016 – 91², в 2017 – 118³, в 2018 – 89, в 2019 – 67, в 2020 – 146⁴.

У. В. Карагезьян отмечает, что «экономический смысл введенной программы ослабления наказания⁵ за нарушение антимонопольного законодательства состоит в том, чтобы уменьшить стимулы субъектов к участию в новых соглашениях и создать стимулы для разрушения действующих посредством повышения вероятности их раскрытия»⁶.

На правовое значение программы указывают А. П. Тенишев и А. А. Филимонов: «Институт освобождения от ответственности позволяет антимонопольным органам своевременно раскрывать и доказывать правонарушения данной категории, характеризующиеся высокой латентностью, а во-вторых, создает возможность для правонарушителя самостоятельно, по собственной инициативе прекратить противоправную деятельность (как свою, так и других участников картеля) без наступления негативных последствий»⁷.

¹ *Scott d. Hammond*. Measuring the Value of Second-In Cooperation in Corporate Plea Negotiations. Washington, D.C. March 29, 2006. URL: <https://www.justice.gov/atr/speech/measuring-value-second-cooperation-corporate-plea-negotiations>.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подготовлена ФАС России в рамках реализации поручений Президента Российской Федерации от 05.08.2017 № Пр-1525 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru.

³ Мы сторонники мирного интеллектуального расследования и методов экономического принуждения. Интервью с начальником управления по борьбе с картелями ФАС России А. П. Тенишевым // Конкуренция и право. 2018. № 1. С. 9.

⁴ О рассмотрении обращения: письмо ФАС России от 15.04.2021 №АЦ/30387/21.

⁵ Автор имеет в виду именно освобождение от административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

⁶ *Карагезьян У.В.* Институциональные факторы неконкурентного поведения фирм в России: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2016. С. 118. См. также: *Юсупова Г.Ф., Нестеренко Е.Е.* Должно ли тайное становиться явным? Оптимальный дизайн расследования картелей в условиях программы ослабления наказания // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 120; *Войцехович А.А.* Развитие норм права, предусматривающих освобождение от административной ответственности за заключение ограничивающих конкуренцию соглашений или ее смягчен // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36 (174). Право. Вып. 22. С. 114.

⁷ *Кинев А.Ю.* Картели и другие антиконкурентные соглашения: право и практика. М., Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 189.

После экономического анализа влияния на поведение внедрения программы освобождения от ответственности Г.Ф. Юсупова делает вывод, что «даже в несовершенных юрисдикциях внедрение программы освобождения от наказания¹ как разновидности программы поддержки деятельного раскаяния может иметь самостоятельное значение и быть достаточно эффективным инструментом против картельного благополучия»².

С указанными точками зрения следует согласиться – возможность освободиться от ответственности (или смягчить ее), безусловно, положительно влияет на практику раскрытия картелей.

Необходимо подчеркнуть факторы, определяющие «успех» программы освобождения от ответственности в антимонопольной практике (включая и уголовную ответственность). Некоторые конкурентные ведомства определяют, что он зиждется на трех столпах: «1. Заговорщики должны бояться обнаружения. 2. Раскрытие может вести к высоким штрафам. 3. Конкурентное ведомство должно выстроить прозрачную процедуру, разъясняющую желающим, как стать участником программы, и о том, какие требования должны быть выполнены для получения полного иммунитета или сокращения штрафов»³. Добавим к этому еще один фактор – реализуемый механизм освобождения от ответственности, адекватно сформулированный законодателем.

Сравним нормы КоАП и УК, предусматривающие освобождение от ответственности.

Примечание 1 к ст. 14.32 КоАП⁴ предусматривает освобождение от ответственности только для первого лица, обратившегося в антимонопольный орган с

¹ Как мы указывали ранее, исследователи антимонопольного права строго не придерживаются градации понятий «освобождение от ответственности» и «освобождение от наказания», как это предусматривает уголовное законодательство. Автор употребляет «наказание» в значении «ответственность».

² Юсупова Г.Ф. Программа освобождения от наказания против картельного благополучия на российских товарных рынках // Современная конкуренция. 2015. № 6(54). С. 37.

³ Руководство по антикартельному регулированию в сфере государственных закупок на основе пособия Международной конкурентной сети по антикартельному регулированию с научно-практическим комментарием / Под общ. ред. И.Ю. Артемьева, А.Г. Лисицына-Светлова; Научный совет РАН по проблемам защиты конкуренции, Федеральная антимонопольная служба. М.: Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2018. С. 51.

⁴ Например, материалы с официального сайта ФАС России по вопросу расследования соглашения между «РОСБАНКОМ» и страховыми компаниями. См.: URL: http://www.fas.gov.ru/fas-in-press/fas-in-press_14688.html; http://www.fas.gov.ru/news/n_19631.shtml.

заявлением при выполнении следующих условий: 1) на момент обращения ФАС России не располагала соответствующими сведениями и документами о совершенном административном правонарушении; 2) заявитель отказался от участия или дальнейшего участия в картельном соглашении; 3) представленные сведения и документы являются достаточными для установления факта административного правонарушения.

При этом постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 расширяет толкование первого условия, делая возможным его выполнение при обращении до момента оглашения решения комиссии ФАС России, которой установлен факт нарушения конкуренции (то есть обращение учитывается и после того, как ФАС располагает соответствующими сведениями и документами)¹.

Примечание 3 к ст. 178 УК предусматривает освобождение от уголовной ответственности лица, если оно: 1) первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении; 2) активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию; 3) возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред; 4) если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Как видим, условия освобождения от административной ответственности за картели не коррелируют с условиями освобождения от уголовной ответственности², то есть, выполнив условия освобождения от административной ответственности, лицо не будет освобождено от уголовной.

В обоих порядках освобождения от ответственности совпадают необходимость быть первым и добровольность сообщения о факте сговора. Полагаем, что условие о *представлении* сведений и документов, *достаточных* для установления события административного правонарушения (ст. 14.32), в значительной мере соответствует условию «*активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления*» (ст. 178 УК). Вполне понятно отсутствие условия в ст. 178 УК

¹ См. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 8 (п. 10.3).

² Об этой проблеме также пишут К. Н. Алешин и С. В. Максимов. См.: Алешин К.Н., Максимов С.В. Добровольное сообщение о заключении картеля: назревшие реформы // Российское конкурентное право и экономика. 2018. С. 32.

о том, что на момент обращения лица с заявлением антимонопольный орган не располагал соответствующими сведениями и документами, так как уголовные дела по ст. 178 УК возбуждаются преимущественно на основании решения антимонопольного органа. И наоборот, условие о «возмещении ущерба и заглаживании иным образом вреда» (примечание 3 к ст. 178 УК) отсутствует в административном порядке, так как причинение крупного ущерба – криминообразующий признак преступного ограничения конкуренции. «Благодаря» последнему условию заявлять о преступном картеле участнику не выгодно: ущерб, причиненный им, может составлять незначительную долю крупного ущерба, причиненного всем картелем, а для освобождения от ответственности он должен «возместить причиненный *этим* преступлением ущерб или иным образом загладить причиненный вред».

Отметим, что на этапе антимонопольного расследования трудно предположить, какой будет квалификация соглашения, но, в связи с риском уголовной ответственности, участник картеля должен «подстраховаться» и выполнить условия, указанные как в примечании 1 к ст. 14.32 КоАП, так и в примечании 3 к ст. 178 УК.

Итак, на основании сведений, полученных от хозяйствующего субъекта, может быть возбуждено антимонопольное дело в связи с обнаружением признаков нарушения (ч. 1 ст. 11 ЗоЗК), или информация от хозяйствующего субъекта может быть получена уже в ходе рассмотрения дела. В решении по делу о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган указывает на заявление участника в порядке примечания 1 к ст. 14.32 КоАП и производство в отношении этого лица по делу прекращается.

В соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 24.5 КоАП (в связи с тем, что условия примечания должны быть исполнены до вынесения решения о нарушении антимонопольного законодательства) дело об административном правонарушении антимонопольным органом в отношении представителя хозяйствующего субъекта не возбуждается¹. Оно возбуждается только в отношении других участников картеля.

¹ О внесении изменений в статью 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и примечания к ней: письмо ФАС России от 17.04.2017 № 2017-45802(3) [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru.

Для реализации примечания 3 к ст. 178 УК необходимо, чтобы лицо заявило о картеле еще на этапе рассмотрения антимонопольного дела, поскольку, как уже отмечалось, в органы следствия передаются материалы дела об уже установленном нарушении антимонопольного законодательства и вынесенное по нему решение антимонопольного органа. В связи с этим возникает вопрос, нужно ли учитывать для освобождения от уголовной ответственности заявление виновного, поданное после передачи этого решения и материалов антимонопольного дела? Казалось бы, информация о преступлении в следственных органах в этом случае уже есть. Однако, учитывать такое соглашение нужно, поскольку для правильной квалификации важно установить и точные размеры ущерба/дохода, и наличие/отсутствие устойчивости, и др. И помощь заявителя для их установления необходима. Этот вопрос не возникает при возбуждении уголовного дела следственными органами самостоятельно (не по инициативе антимонопольных органов): в этом случае информации о нарушении у них еще нет.

Проанализируем условия применения освобождения от уголовной ответственности за ограничение конкуренции.

Первое условие связано с очередностью подачи сообщения о картеле: лицо должно быть первым из числа соучастников преступления, добровольно сообщивших об этом преступлении. При этом речь идет именно об объективном критерии: если лицо будет уверено, что подает заявление первым, а фактически оказывается «вторым», «третьим» и т. д., оно не выполнит первое условие освобождения от ответственности. Отметим, что освобождение от уголовной ответственности в зависимости от очередности сообщения лицом о совершенном им преступлении не предусмотрено ни в одной другой статье Уголовного кодекса.

Установление факта первенства неминуемо связано с разрешением целого комплекса вопросов: время (часовой пояс) обращения, подследственность органа, принявшего заявление и др. А между тем фактически о картеле может быть уже «известно» антимонопольному органу, рассматривающему дело о нарушении антимонопольного законодательства.

Как указывает А. П. Тенишев, компания, первой заявившая о картеле,

должна рассчитывать на то, что ей дадут разумное время, чтобы подробно описать его деятельность и собрать необходимые улики. В то время, когда идет оформление доказательств, может прийти второй участник, имея все необходимые документы. Поэтому в законе должны быть закреплены определенные гарантии. В западных странах это называют системой маркеров¹. Данная система предполагает, что на начальном этапе компании достаточно сообщить минимальную информацию о картеле (название, адрес участников картеля, продуктовые и географические границы его действия, длительность и природа деятельности). При этом, пока решение по первому заявлению не вынесено, антимонопольный орган не принимает других заявлений об освобождении от ответственности². Только после отказа первой компании антимонопольный орган может рассмотреть заявку другого участника. Поэтому заявителю не обязательно сразу предоставлять все документы – у него остается время на сбор и тщательную подготовку доказательств.

Вторым условием освобождения от ответственности является *активное* способствование раскрытию и (или) расследованию преступления. В разъяснениях ФАС указано, что лицо должно не просто сообщить о нарушении, а подтвердить это сообщение необходимыми документами, которыми не располагает ФАС³.

Поскольку «активное способствование» – субъективный признак, правоохранительным органам следует оценить сведения участника картельного соглашения, насколько они способствовали раскрытию преступного ограничения конкуренции.

Возмещение причиненного преступлением ущерба или заглаживание иным образом причиненного вреда – следующее условие освобождения от уголовной ответственности, состоящее из двух альтернативных активных позитивных посткриминальных действий.

¹ *Тенишев А.П.* Готовность номер один. С. 33.

² *Павлова Н.С.* Программы ослабления наказания: выбор между альтернативами // Бюллетень конкурентной политики. 2012. № 2. С. 15.

³ См.: О внесении изменений в статью 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и примечания к ней: письмо ФАС России от 17.04.2017 № 2017-45802(3); О представлении информации: письмо ФАС России от 24.07.2018 № СЭК/57192/18 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. URL: www.fas.gov.ru

В каком объеме должен быть возмещен ущерб: причиненный только этим лицом или картелем в целом? Отметим, что законодатель не указал на необходимость возмещения дохода от картеля. Можно только предположить, что понятие «любым образом загладить вред» в примечании 3 к ст. 178 УК поглощает понятие «возместить незаконно полученный доход».

Данные вопросы снимает проект новой редакции ст. 178 УК: в примечании 5 к этой статье предусмотрено освобождение от уголовной ответственности «лица <...>, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщило об этом преступлении, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию, возместило причиненный *им* ущерб, возместило полученный *им* доход или иным образом загладило причиненный *им* вред и если в его действиях не содержится иного состава преступления»¹. До момента внесения указанных изменений лицо должно возместить ущерб, причиненный всем картелем.

Соответственно, логичен следующий вопрос: как лицу определить размер ущерба/дохода и кому перечислить средства для его возмещения.

При действующей формулировке этого условия и невозможности самостоятельного расчета ущерба/дохода, причиненного картелем в целом, полагаем, что целесообразно в ведомственном регламенте МВД закрепить положение, согласно которому до определения их точного размера условие о возмещении ущерба/заглаживании иным образом причиненного вреда можно признавать выполненным при перечислении заявителем минимального криминообразующего размера ущерба/дохода (то есть 10 000 001 руб. или 50 000 001 руб.). Перечислить сумму нужно в федеральный бюджет: надлежащим получателем является Федеральное казначейство и его территориальные органы.

Под заглаживанием иным образом причиненного вреда Г. А. Есаков понимает возмещение вреда тем хозяйствующим субъектам, за счет которых был извлечен доход в крупном размере, а если их невозможно установить либо они многочисленны, то целесообразной рекомендацией по заглаживанию вреда стало бы

¹ Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

перечисление суммы извлеченного дохода в федеральный бюджет¹. На наш взгляд, это логичное и справедливое предложение. Вместе с тем, это посткриминальное действие нужно толковать шире – как «принятие» иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов»² граждан, организаций или государства. Правильность этого суждения подтверждает и текст примечания в проекте статьи 178 УК: «возместило причиненный им ущерб, возвратило незаконно полученный им доход *или* иным образом загладило причиненный им вред». Из приведенного текста видно, что возврат незаконно полученного дохода «вычленяется» из заглаживания иным образом причиненного вреда в самостоятельное позитивное посткриминальное действие.

С учетом того, что в настоящее время толкование «заглаживания иным образом вреда» в литературе сводится исключительно к перечислению суммы извлеченного дохода, считаем необходимым определить, в чем могут состоять иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

Допустим, что вследствие деятельности картеля хозяйствующий субъект вынужден уйти с рынка. Для снижения общественной опасности этого последствия заявитель может способствовать его «возвращению», а именно: предоставить помещения и оборудование в безвозмездное пользование; в случае банкротства субъекта участвовать в его финансовом оздоровлении; рекомендовать контрагентам заключать с устраненным с рынка субъектом договоры; «поделиться» клиентской базой данных; организовать совместное производство; передать свои объекты интеллектуальной собственности, позволяющие реанимировать производство и т. п. Безусловным показателем достаточности заглаживания вреда, с нашей точки зрения, следует считать восстановление доли рынка потерпевшего, выраженной в объеме производства и реализации продукции по отношению к объему производства и реализации на рынке в целом.

¹ Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. С. 348.

² Каримов А.М. Добровольное возмещение ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением (юридическая природа и уголовно-правовые последствия): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 15.

Если доля потерпевшего будет восстановлена, стоимостное выражение вреда не важно и, следовательно, в этом случае заявитель может не уплачивать причиненный картелем крупный ущерб/извлеченный крупный доход.

Очевидно, что законодатель понимает проблемы в реализации механизма освобождения от ответственности. Об этом свидетельствует п. 2.1.10 «Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг.»¹. В ней определена необходимость разработки и внедрения действенного правового механизма освобождения от административной и уголовной ответственности лиц, способствующих раскрытию картелей. Поэтому есть надежда, что этот механизм в Российской Федерации появится.

Итак, анализ российского института освобождения от ответственности показывает, что применительно к каждой статье (14.32 КоАП и 178 УК) есть вопросы о возможности ее реализации участниками картеля.

Ряд авторов предлагает унифицировать примечание 1 к ст. 14.32 КоАП и примечание 3 к ст. 178 УК, иначе «непредсказуемость последствий блокирует главную функцию программы освобождения от ответственности – выявление антиконкурентных соглашений»². Однако они не указывают, как обеспечить эту унификацию: исключив условие о возмещении ущерба или иным образом заглаживании причиненного вреда в примечании 3 к ст. 178 УК или дополнив этим условием примечание к ст. 14.32 КоАП.

С нашей точки зрения, единообразие условий освобождения от ответственности следует обеспечить вторым из указанных способов, и оптимально было бы сформулировать эти условия в той редакции, в которой они изложены в проекте статьи 178 УК: возмещение ущерба или заглаживание вреда иным способом должно производиться в том объеме, в котором они причинены *участником* картеля (а не всем картелем). Указание на этот объем возмещения обоснованно: заявитель не может определить объем ущерба/дохода от деятельности всего картеля.

¹ Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг.: утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013.

² См.: Мосунова Н. Иммуниет для картелиста // Конкуренция и право. 2018. № 1. С. 19; Жданов Н.М., Суменков С.С. Основания освобождения от административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 28–32.

Наше предложение о внесении изменений в КоАП не противоречит его «главному направлению»: анализ обстоятельств, при которых виновные освобождаются от административной ответственности, показал, что различные варианты «возмещения» ущерба нередко относятся к ним и в этом Кодексе¹.

Отдельным случаем освобождения от уголовной ответственности является основание, предусмотренное п. 2 ст. 76.1 УК (освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба) (см. приложение 2). Если субъект не «успел» выполнить условия, содержащиеся в примечании 3 к ст. 178 УК, он может воспользоваться императивами ст. 76.1 УК. Это основание освобождения от уголовной ответственности было введено Федеральным законом от 03.07.2016 № 325-ФЗ².

Некоторые авторы связывают наличие дополнительных «норм лояльности» к сознавшимися в сговоре участникам картелей с «продолжающейся гуманизацией и либерализацией УК РФ в сфере экономической деятельности»³. Однако ч. 2 ст. 76.1 УК касается только лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК, то есть индивидуальных предпринимателей и лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, приносящую доход⁴. Эти лица освобождаются от уголовной ответственности, если: 1) возместили ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и 2) перечислили в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо 1) перечислили в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и 2) денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо 1) перечислили в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и 2) денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо 1) пере-

¹ См. например, примечание 1 к ст. 12.21.3 КоАП, примечание 2 к ст. 15.11 КоАП и др.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 325 от 03.07.2016 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4258.

³ Процедуры в конкурентном праве: учеб. пособие / Отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Проспект, 2019. С. 229.

⁴ Должностное лицо или лица, выполняющие управленческие функции, если они виновны в ограничении конкуренции, несут ответственность уже по другой части ст. 178 УК – второй или третьей.

числили в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, и 2) денежное возмещение в двукратном размере этой суммы. Обязательным условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.1 УК является совершение преступления впервые.

Следует учесть, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 разъясняется, что «обещание, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем, не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности» (п. 3)¹.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 также указано, что для «освобождения от уголовной ответственности за преступления, указанные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступления гражданину, организации или государству, а также перечисление в федеральный бюджет дохода и денежных возмещений должны быть произведены в полном объеме»². Если предпринимателем выполнены не все условия, предусмотренные ст. 76.1 УК, суд может прекратить уголовное преследование только в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим либо может освободить лицо от уголовной ответственности, назначив судебный штраф³.

Как верно указывает В. В. Власенко, экономически выгоднее для виновного лица применение п. 3 примечания к ст. 178 УК, так как ему необходимо всего лишь возместить причиненный ущерб или иным образом загладить причиненный вред, в то время как согласно ч. 2 ст. 76.1 УК ему придется возмещать фактически трехкратную сумму причиненного ущерба (извлеченного дохода)⁴. Отметим, опи-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2008. № 13.

² О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2016. № 266 (п. 14).

³ Там же (п. 16).

⁴ Власенко В.В. Новая редакция ч. 2 ст. 76.1 УК РФ // Законность. 2017. № 3. С. 42. Этому же мнению придерживается и Я.М. Матвеева. См. Матвеева Я.М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 1(312). С. 162–171.

раясь на анализ материалов практики по ст. 178 УК, что следствие в основном доказывает крупный доход, а не крупный ущерб. Таким образом, для освобождения от уголовной ответственности виновный должен выплатить более 150 млн руб. Насколько это реально и, главное, эквивалентно «свободе» – большой вопрос.

Итак, участник картеля – индивидуальный предприниматель (или лицо, осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход), совершивший преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК, может выполнить условия освобождения от ответственности согласно примечанию 3 к ст. 178 УК или (если не «успеет») может воспользоваться положениями ст. 76.1 УК.

К представителям хозяйствующих субъектов – участников картеля, совершившим преступление, предусмотренное ч. 2 или 3 ст. 178 УК, применимы условия освобождения от ответственности, предусмотренные только примечанием 3 к указанной статье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование свидетельствует о необходимости применения уголовных правовых мер в защите конкуренции от картельных соглашений. Анализ доктринальных источников, посвященных исследованию картельных соглашений, а также антимонопольной, административной и уголовной практики показал, что в отечественной уголовно-правовой науке не выработаны однозначные подходы к определению элементов и признаков преступного ограничения конкуренции. Бланкетный характер диспозиции ст. 178 УК усложняет задачу правоприменителя при квалификации деяния, поэтому однозначное понимание содержания признаков состава преступления, предусмотренного этой статьей, несомненно приведет к более эффективному ее применению.

Итоги проведенного диссертационного исследования нашли отражение в следующих выводах.

Картели наносят существенный ущерб экономике государства и экономическим отношениям как таковым. По мнению ряда представителей уголовно-правовой науки и предпринимательского сообщества, криминализация картелей либо недостаточно обоснованна, либо необоснованна. Рассмотрев обусловленность криминализации картельных соглашений через призму выделяемых доктриной оснований криминализации, диссертант пришел к выводу, что криминализация картелей, которые наносят крупный ущерб или влекут извлечение дохода в крупном размере, является обоснованной.

Автор признает непосредственным объектом преступного ограничения конкуренции отношения, связанные с защитой конкуренции именно от картельных соглашений, в том числе с предупреждением и пресечением этих преступлений. Авторское определение включает отношения, связанные с защитой конкуренции единственно от картельных соглашений, поскольку картельные соглашения – только одна из форм *монополистической* деятельности (наряду с согласованными действиями и злоупотреблением доминирующим положением).

Дополнительным обязательным объектом ограничения конкуренции, по мнению автора, являются имущественные отношения, поскольку обязательными альтернативными криминообразующими признаками ограничения конкуренции (ч. 1 ст. 178 УК) названы крупный ущерб или доход в крупном размере (последний невозможен без причинения кому-либо ущерба).

Дополнительным факультативным объектом как основного, так и квалифицированных составов выступают интересы потребителей в смысле, придаваемом им в п. 23 ст. 4 ЗоЗК, то есть интересы юридических или физических лиц, приобретающих товар.

Дополнительным обязательным объектом применительно к квалифицированному ограничению конкуренции диссертант признает отношения в сфере государственной и муниципальной службы (п. «а». ч. 2 ст. 178 УК) и здоровье человека (ч. 3 ст. 178 УК).

Анализ регулятивного законодательства и диспозиции ч. 1 ст. 178 УК позволяет выделить структуру объективной стороны преступления, включающую следующие признаки: заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации (деяние); ограничение конкуренции (обязательное последствие); а также такие обязательные альтернативные признаки, как причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству (второе последствие) либо извлечение дохода в крупном размере.

Понятие картеля сформулировано через три признака: 1) соглашение; 2) его стороны; 3) последствия, к которым соглашение приводит или может привести. Третий обязательный признак картеля – одно из его пяти альтернативных последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 11 ЗоЗК, указывающих на предмет договоренности. Для разграничения их с последствиями преступления, предусмотренного ст. 178 УК, диссертант предлагает их называть признаками-последствиями картеля.

Признаки «ограничивающий конкуренцию», «запрещенность в соответствии с антимонопольным законодательством» и последствие «ограничение конкуренции» при такой конструкции нормы ч. 1 ст. 178 УК подлежат доказыванию.

Признак «ограничивающий конкуренцию» присущ любому картельному соглашению. В диспозиции ч. 1 ст. 178 УК самостоятельной смысловой нагрузки он не имеет, поэтому его следует исключить из диспозиции статьи.

Автор признает, что признак «запрещенность в соответствии с антимонопольным законодательством» в диспозиции ст. 178 УК указан не без основания: он «сигнализирует» следователям органов внутренних дел, что картельное соглашение нужно проверить на предмет наличия всех признаков преступления. Так, антимонопольное законодательство не запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами, входящими в одну группу лиц, если один из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установил контроль либо такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица (п. 7 ст. 11 ЗоЗК). Кроме того, признак запрещенности в соответствии с антимонопольным законодательством будет отсутствовать, если соглашение, включая картельное, допускается.

Преступное ограничение конкуренции предполагает причинение крупного ущерба государству, организациям, гражданам или извлечение дохода в крупном размере. Крупный ущерб или доход в крупном размере представляют собой альтернативно криминообразующие признаки (последствия) данного преступления.

Проанализировав теоретические подходы и правоприменительную практику, диссертант приходит к выводу, что в понятие крупного ущерба, предусмотренного ст. 178 УК, включаются и реальный ущерб, и упущенная выгода.

Доход от картеля неверно определять как выручку от реализации товаров (работ, услуг) без вычета произведенных расходов, предложенным в проекте федерального закона № 848246-7¹ и поддержанным частью авторов. Такое опреде-

¹ Проект Федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019).

ление приемлемо для дохода от незаконного предпринимательства, то есть от незаконной деятельности. Доход картеля частично сформирован и законным путем. Результатом картельного соглашения является не весь доход участников соглашения, а только сверхдоход.

В связи с изложенным доход от картеля следует рассчитывать как разность между доходом, полученным в связи с заключенным картелем, и доходом, полученным в конкурентных условиях. Однако такое определение дохода требует оговорки в отношении заключения самых распространенных картелей – картелей на торгах, при условии участия в них наряду с членами картеля иных хозяйствующих субъектов. В этом случае доход, полученный от заключения договора на торгах, обусловлен исключительно *незаконными* действиями участников картеля, и им должно признаваться все полученное от заключения договора (выручка без вычета произведенных расходов).

Субъект рассматриваемого преступления является специальным.

При исследовании категории хозяйствующих субъектов, к которым относятся лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, автор сделал вывод, что понятие «профессиональная деятельность, приносящая доход» – родовое по отношению к понятию «предпринимательская деятельность».

Это позволило аргументировать признание хозяйствующим субъектом арбитражного управляющего, *индивидуального* аудитора и оценщика, *занимающегося частной практикой* (соискатель не согласен с отнесением к хозяйствующим субъектам *всех* аудиторов и оценщиков).

Впервые обосновано невключение в число хозяйствующих субъектов нотариусов, адвокатов, патентных поверенных и медиаторов: федеральными законами государственная регистрация и (или) лицензия либо членство в саморегулируемой организации для перечисленных лиц не предусмотрены.

Рассмотрен актуальный вопрос об отнесении к хозяйствующим субъектам физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на основании специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (самозанятых граждан). Исходя из буквального толкования действующего зако-

ходательства, самозанятые граждане к хозяйствующим субъектам относиться не могут: они не подлежат *государственной* регистрации.

Исследован вопрос, какое именно лицо должно признаваться субъектом, если картельное соглашение заключают хозяйствующие субъекты – юридические лица.

Субъектом картеля, заключенного юридическими лицами, признаются: лица, могущие определять действия юридического лица *де-юре* (выполняющие не любые организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, а именно определяющие его действия), или *де-факто* (то есть фактически выполняющие функции руководителя организации).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 178 УК, характеризуется виной в форме умысла. Преступление может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Виновный стремится именно к получению дохода в крупном размере, и значит, умысел к его получению может быть только прямым. Сознательное допущение или безразличное отношение к такому общественно опасному последствию, как доход, невозможно: картельное соглашение заключается в целях извлечения дохода в крупном размере. Сознательное допущение или безразличное отношение возможны только к такому общественно опасному последствию, как причинение ущерба в крупном размере.

Квалифицирующий признак, предусмотренный п. «а» ч. 2, – «совершенные лицом с использованием своего служебного положения» – является самым дискуссионным. Отмечено, что картельные соглашения могут заключаться не только юридическими лицами либо только индивидуальными предпринимателями (или лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), но могут быть и смешанными. Иными словами, сторонами одного картеля могут быть индивидуальные предприниматели (либо лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход) и юридические лица.

Вместе с тем ограничение конкуренции, совершенное «смешанным» картелем, будет всегда охватываться не первой, а второй частью ст. 178 УК по призна-

ку использования служебного положения (в этом случае использование служебного положения необходимо вменять всем виновным).

Кроме того, минимальный размер криминообразующих признаков (доход в крупном размере и крупный ущерб) столь высок (соответственно, свыше 50 млн и свыше 10 млн), что картели, заключенные только индивидуальными предпринимателями (лицами, осуществляющими профессиональную деятельность, приносящую доход), редко могут достигнуть этого размера.

Однако в связи с тем, что на практике преобладает ограничение конкуренции, подпадающее под ч. 2 ст. 178 УК, деяния, содержащие квалифицирующие признаки, не должны встречаться чаще деяний, содержащих признаки основного состава, поэтому признак «с использованием служебного положения» следует исключить из ч. 2 ст. 178 УК.

Уделено внимание квалифицирующему признаку, предусмотренному п. «б» ст. 178 УК, – «с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства». В нем предусмотрена ответственность за преступление, объединяющее в себе несколько деяний: ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения и умышленное уничтожение (или угроза) или повреждение (или угроза) чужого имущества (при отсутствии признаков вымогательства). В случае реального уничтожения или повреждения чужого имущества дополнительная квалификация содеянного по совокупности со ст. 167 УК не нужна: содеянное полностью охватывается п. «б» ч. 2 ст. 178 УК.

Пункт «в» ч. 2 ст. 178 УК предусматривает ответственность за картельное соглашение с причинением особо крупного ущерба либо повлекшее извлечение дохода в особо крупном размере. Не совсем понятна логика законодателя, определившего разную кратность наречию «особо» в отношении каждого из последствий преступления.

В отсутствие обоснования установления столь разных значений крупного ущерба/дохода, а также «кратности» особо крупного ущерба/дохода с ними сложно согласиться, поэтому целесообразно определить значение крупного и особо

крупного размера ущерба/дохода единообразно: как это, например, предусмотрено для крупных и особо крупных ущерба и дохода в примечании к ст. 170² УК.

Автором обосновано наличие особо квалифицирующего признака «с применением насилия или угрозой его применения» преступного ограничения конкуренции: взаимный контроль участников картеля позволяет утверждать, что лицами, к которым применяются насилие либо угроза его применения, могут быть, прежде всего, участники картеля, нарушившие условия соглашения. Насилие (угрозы его применения) может применяться и к конкурентам, не являющимся участниками картеля, действия которых мешают реализации картельного соглашения.

Лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 178 УК, может быть освобождено от уголовной ответственности как по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 76.1 УК, так и по основаниям, предусмотренным примечанием 3 к ст. 178 УК.

Неполное совпадение условий освобождения от уголовной и административной ответственности препятствует выявлению картелей, в связи с чем в литературе предложено унифицировать примечание 1 к ст. 14.32 КоАП и примечание 3 к ст. 178 УК.

Автор поддержал идею и предложил способ унификации – дополнить примечание 1 к ст. 14.32 КоАП условием о возмещении ущерба или заглаживании иным образом причиненного вреда. Для реальной исполнимости этого условия в примечании 1 к ст. 14.32 КоАП и примечании 3 к ст. 178 УК его необходимо сформулировать в редакции примечания в проекте статьи 178 УК: возмещение ущерба или заглаживание иным образом причиненного вреда должно производиться в том объеме, в котором они причинены *участником* картеля (а не всем картелем).

Обоснована ошибочность толкования заглаживания иным образом причиненного вреда как исключительно перечисления дохода. Заглаживание может заключаться в принятии иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов граждан, организаций или государства.

Впервые дано толкование указанных «иных мер», безусловным показателем достаточности которых следует считать восстановление доли рынка потерпевше-

го, выраженной в объеме производства и реализации продукции по отношению к объему производства и реализации на рынке в целом. Такое восстановление может заключаться в предоставлении потерпевшему в безвозмездное пользование помещений и оборудования, в участии в финансовом оздоровлении в случае его банкротства, организации совместного производства и др.

Впервые подняты вопросы порядка реализации условий освобождения от уголовной ответственности. Так, определен момент, до которого участнику картеля «не поздно» заявить об ограничении конкуренции в правоохранительные органы.

Кроме того, с учетом невозможности самостоятельного определения заявителем размера ущерба/дохода, причиненных картелем в целом, целесообразно в ведомственном регламенте МВД закрепить положение, согласно которому до определения их точного размера условие о возмещении ущерба/заглаживании иным образом причиненного вреда можно признавать выполненным при перечислении заявителем минимального криминообразующего размера ущерба/дохода (то есть 10 000 001 руб. или 50 000 001 руб.).

Перспективы дальнейшей разработки темы. Отдельные аспекты уголовной ответственности за преступное ограничение конкуренции все еще являются дискуссионными и вызывают трудности в квалификации. В этой связи наиболее перспективными для анализа являются вопросы, связанные с выявлением факторов, влияющих на низкое количество дел по ст. 178 УК; более полной оценкой положений проекта федерального закона № 848246-7; разработкой ведомственного регламента о порядке подачи заявлений об освобождении от уголовной ответственности по ст. 178 УК в правоохранительные органы; а также оценкой заявлений об освобождении от уголовной ответственности, поступивших от группы лиц и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Международные нормативные правовые акты

1. Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции. Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.
2. Типовой закон о конкуренции. Серия документов ЮНКТАД по проблематике законодательства о политике в области конкуренции [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. Нью-Йорк, Женева, 2007. – URL: https://unctad.org/ru/docs/tdrbpconf5d7rev3_ru.pdf.
3. Протокол об общих принципах и правилах конкуренции Приложения № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

Нормативные и правоприменительные акты Российской Федерации

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – Ст. 8.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
6. Воздушный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)) : Федеральный закон от 30.11.1994. № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

9. Жилищный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 14.

10. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : Федеральный закон от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 11. – Ст. 1001.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 31.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

13. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации» (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

16. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

17. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

18. О внесении внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

19. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 17.07.2009 № 160-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3597.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 51. – Ст. 6699.

21. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2014 № 457-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 10.

22. О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 9. – Ст. 1463.

23. О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 08.03.2015 № 45-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2015. – №10. – Ст. 1415.

24. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 325 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть II). – Ст. 4258.

25. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7343.

26. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 2015. – № 41 (часть I). – Ст. 5629.

27. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) // Собрание Законодательства Российской Федерации – 2003. – №50. – Ст. 4848.

28. О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 31. – Ст. 3922.

29. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон от 8.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3431.

30. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3434.

31. О защите прав потребителей : Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

32. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

33. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 г.

№ 7-ФЗ (ред. 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

34. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

35. О патентных поверенных: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 1. – Ст. 24; 2013. № 27. Ст. 3477.

36. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 51. – Ст. 6673.

37. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7494.

38. О саморегулируемых организациях : Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.

39. О Следственном Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

40. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

41. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 3. – Ст. 4162.

42. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 24.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

43. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

44. Межведомственная программа мер по выявлению и пресечению деятельности картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 гг. : утв. распоряжением Правительства РФ от 17.06.2019 № 1314-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327701.

45. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования : распоряжение Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 2 (ч. II). – Ст. 458.

46. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99 [Электронный ресурс] : приказ Минфина России от 06.05.1999 № 32н (ред. от 06.04.2015). Зарегистрирован в Минюсте России 31.05.1999 № 1791 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6208.

47. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. [Электронный ресурс] : приказ ФАС России от 26.12.2013 № 879/13 (с изм. от 06.07.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

48. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220. Зарегистрирован в Минюсте России 02.07.2010 № 18026 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – 23 августа. – № 34.

49. О межведомственной рабочей группе по вопросам противодействия правонарушениям и преступлениям в сфере антимонопольного законодательства,

размещения заказов на поставку товаров, выполнения работ, оказания услуг : совместный приказ УФАС по Красноярскому краю, ГСУ СК РФ по Красноярскому краю и ГУ МВД РФ по Красноярскому краю № 72/35/601 от 30.11.2015.

50. О внесении изменений в статью 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и примечания к ней : письмо ФАС России от 17.04.2017 № 2017-45802(3) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

51. О представлении информации : письмо ФАС России от 24.07.2018 № СЭК/57192/18 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. – URL: www.fas.gov.ru.

52. О применении «третьего антимонопольного пакета» : письмо ФАС России от 27.12.2011 № ИА/48801 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

53. О разъяснении антимонопольного законодательства : письмо ФАС России от 29.04.2015 № ак/21118/15 [Электронный ресурс]. – URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-FAS-Rossii-ot-29.04.2015-N-AK_21118_15.

54. О рассмотрении обращения: письмо ФАС России от 15.04.2021 № АЦ/30387/21 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

55. О региональных соглашениях по поставкам минеральных удобрений : письмо ФАС России от 26.08.2015 № ИА/44943/15 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

56. О разъяснении антимонопольного законодательства: письмо ФАС России от 02.12.2013 г. № ИА/48325/13. [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

57. Об определении ущерба и дохода при нарушении статей 10, 11, 16 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и привлечении физических и юридических лиц к административной ответственности : разъяснения от 28.06.2010 № 09/649 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система

«КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

58. Разъяснение Президиума ФАС России № 3 «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» [Электронный ресурс] : утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

59. Разъяснения Президиума ФАС России от 08.08.2013 «По порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

60. Разъяснение Президиума ФАС России № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] : утв. протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

61. Разъяснение Президиума ФАС России № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] : утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

62. Методические рекомендации по разработке профессионального стандарта : утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 29.04.2013 № 170н // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2013. – № 8.

63. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подготовлена ФАС России в рамках реализации поручений Президента Российской Федерации от 05.08.2017 № Пр-1525 [Электронный ресурс] // Федеральная антимонопольная служба. – URL: www.fas.gov.ru.

64. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении

изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» № 848246-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

65. Проект федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.11.2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

66. Проект федерального закона № 1099900-7 «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7>.

67. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.06.2019 № 4-ВС-4094/19 [Электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.

68. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. : утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

Материалы антимонопольной и судебной практики

69. Определение ВС РФ от 25.03.2016 № 305-КГ16–1090 по делу № А40–146786/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru>.

70. Определение Конституционного Суда «По жалобе гражданина Газаряна Сурена Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 167 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 05.03.2013 № 323-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.

71. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пункта 10.3 в части, пункта 10.9 Порядка проведения анализа состояния конку-

ренции на товарном рынке, утверждённого приказом Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. № 220 : Решение Верховного суда РФ от 22.05.2017 № АКПИ17-182 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/71699782>.

72. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере : утв. Президиумом ВС Российской Федерации 16.03.2016 // Бюллетень ВС РФ. – 2016. – № 9.

73. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (документ опубликован не был).

74. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. – 2016. – № 266.

75. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень ВС РФ. – 2009. – № 12.

76. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень ВС РФ. – 1997. – № 3.

77. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 // Бюллетень ВС РФ. – 2005. – № 1.

78. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 3.

79. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушениях авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума ВС РФ от 26.04.2007 № 14

// Бюллетень ВС РФ. – 2007. – № 6.

80. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48 // Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 1.

81. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 // Бюллетень ВС РФ. – 2008. – № 13.

82. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума ВС РФ от 06.12.2019 № 276 // Бюллетень ВС РФ. – 2020. – № 1.

83. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 8.

84. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень ВС РФ. – 2013. – № 9.

85. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень ВС РФ. – 2010. – № 8.

86. Постановление Президиума ВС РФ от 09.04.2003 № 46п03 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/5584527>.

87. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2001 № 7201/00 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/1776284/#friends>.

88. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.10.1998 № 5007/98 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

89. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.03.2003 № 10890/02 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12030879>.

90. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – 4 апреля.

91. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.05.2001 № 7598/00 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12023509>.

92. Апелляционное постановление ВС Удмуртской Республики от 18.09.2018 по делу № 22-1600 [Электронный ресурс]. – URL: https://vs-udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5273973&delo_id=4&new=4&text_number=1.

93. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.06.2017 № Ф02-906/2017, Ф02-2064/2017 по делу № А69-2132/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru>.

94. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6.03.2012 №17АП-1254/2012-АК по делу № А50-19013/2011 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru>.

95. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.10.2015 № Ф10-3399/2015 по делу № А36-105/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru>.

96. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.10.2015 № Ф06-1354/2015 по делу № А12-39427/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru>.

97. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.03.2016 по делу № А52-706/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/rjeEiEC12OY1>.

98. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.04.2015 по делу № А42-2564/2014 // Электронное правосудие. – URL: <http://kad.arbitr.ru>.

99. Постановление ФАС Московского округа от 07.09.2012 по делу № А40-

118546/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

100. Постановление ФАС Московского округа от 12.03.2014 № Ф05-17076/14 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

101. Постановление ФАС Северо-Западного округа по делу № А05-11243/2011 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

102. Постановление ФАС Северо-Западного округа по делу № А05-11244/2011 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

103. Постановление ФАС Северо-Западного округа по делу № А05-11440/2011 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

104. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 12.07.2010 по делу № А40-46424/10-59-378 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

105. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13.06.2017 по делу № А33-23576/2016 [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Красноярского края (АС Красноярского края). – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/XWX9R8cRr3dV>.

106. Решение Арбитражного суда Курской области по делу № А35-7569/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/t4LsgZdAVOWc>.

107. Решение Арбитражного суда Чувашской республики – Чувашии от 30.07.2015 по делу № А79-3330/2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://rospravosudie.com/law/Статья_178_УК_РФ.

108. Определение Центрального районного суда г. Красноярска от 04.10.2000 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.

109. Постановление Октябрьского районного суда г. Ижевска о возвращении уголовного дела прокурору от 06.07.2018 по делу № 1-73/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vs.udm.sudrf.ru>.

110. Материалы уголовного дела № 313664 // Архив ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

111. Обвинительное заключение по уголовному делу № 1170294001600207 от 21.03.2018 // Архив СУ СК России по Удмуртской Республике.

112. Обвинительное заключение по уголовному делу № 11801500049000417 от 10.04.2019 // Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Новосибирской области.

113. Обвинительное заключение по уголовному делу № 11902860002000046 от 10.10.2019 // Архив СО по г. Петрозаводску СУ СК России по Республике Карелия.

114. Обвинительное заключение СЧ ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области по уголовному делу № 11701630023000181 от 20.08.2020 // Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Саратовской области.

115. Обвинительное заключение СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области по уголовному делу № 11701490040000115 от 19.06.2019 // Архив СЧ по РОПД СУ УМВД России по Новгородской области.

116. Постановление о возбуждении уголовного дела № 11901980001000239 от 13.03.2019 по делу № 11901980001000239 // Архив СЧ по РОСП СУ МВД по Республике Саха (Якутия).

117. Постановление о возбуждении уголовного дела СЧ СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве № 1170145009000551 от 27.07.2017. Исх. № 38/6-6852 от 24.04.2018.

118. Постановление о прекращении уголовного дела от 21.08.2016. Великий Новгород // Архив УМВД по Новгородской области.

119. Постановление о прекращении уголовного дела СУ СК РФ по Нижегородской обл. от 07.08.2011 // Архив ГСУ при ГУВД по Нижегородской области.

120. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике от 19.03.2018 // Архив СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.

121. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 06.06.2011 // Архив ГСУ при ГУВД по Красноярскому краю. Исх. №16/4714 от 28.06.2011.

122. Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 13.05.2014 по делу № 1-349/2014 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9gVttrpmukxV>.

123. Приговор от 24.10.2003 г. по делу № 117/03 // Архив Центрального суда г. Новосибирска.

124. Приговор от 23.12.2019 по делу 1-1041/19 // Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга.

125. Приговор от 05.02.2009 по делу № 1-143/2008 // Архив Фрунзенского районного суда г. Иваново.

126. Приговор от 04.09.2009 по делу № 1-149/09 // Архив Калининского районного суда Тверской области.

127. Решение и предписание ФАС России от 11.01.2012 № 1-11/139-11 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <http://solutions.fas.gov.ru/documents/1-11-139-11>.

128. Решение ФАС России от 27.12.2012 № 1-11/98-12 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <http://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/1-11-98-12>.

129. Решение ФАС России по делу № 1-11-146/00-22-14 от 22.12.2014 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <https://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ka-52665-14>.

130. Решение ФАС России по делу о нарушении антимонопольного законодательства от 22.12.2014 № 1-11-146/00-22-14 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <http://solutions.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/ka-52665-14>.

131. Решение ФАС России от 07.11.2007 по делу № 05-02/2007-69 // ФАС России. Борьба с картелями. Практика 2008 года (краткие описания дел).

132. Решение ФАС России от 20.12.2012 по делу 1-11/98-12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/443460269>.

133. Решение ФАС России от 25.12.2020 по делу № 22/01/00-51/2020 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: // <https://br.fas.gov.ru>.

134. Решение Курского УФАС России от 10.11.2010 по делу № 03-05/27-2010 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

135. Решение Московского областного УФАС России от 14.12.2012 по делу № 09-22/2-12 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: http://mo.fas.gov.ru/sites/mo.f.isfb.ru/files/solution/2013/01/10/novoe_reshenie.pdf.

136. Решение Оренбургского УФАС России от 13.01.2012 по делу № 05-10-03/2012 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <http://solutions.fas.gov.ru>.

137. Решение Пензенского УФАС России от 18.01.2013 по делу № 2-03/31-2012 [Электронный ресурс] // ФАС России. Правовые акты ФАС России. – URL: <http://solutions.fas.gov.ru>.

138. Решение Московского УФАС России от 15.04.2021 по делу № 077/01/11-21427/2020 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: <https://br.fas.gov.ru>.

139. Решение Московского областного УФАС России от 10.03.2021 по делу № 050/01/11-2003/2020 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: // <https://br.fas.gov.ru>.

140. Решение Татарстанского УФАС России от 24.11.2020 № АР-05/15496 по делу N 016/01/11-1498/2020 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: // <https://br.fas.gov.ru>.

141. Решение Московского УФАС России от 03.03.2021 по делу № 077/01/11-16109/20 [Электронный ресурс] // ФАС России. База решений и правовых актов. – URL: // <https://br.fas.gov.ru>.

Диссертации и авторефераты

142. Баркова, С. А. Исследование конкуренции на товарных рынках : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05/ Баркова Светлана Алексеевна. – Новосибирск, 1997.
143. Бацин, И. В. Институт конкурентных отношений как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-прикладное исследование : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бацин Иван Викторович. – Нижний Новгород, 2017.
144. Бойцов, А. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бойцов Андрей Николаевич. – М., 2006. – 247 с.
145. Горбачев, В. А. Правовое регулирование конкурентных отношений на товарных рынках стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Горбачев Вячеслав Александрович. – М., 2010. – 212 с.
146. Городилова, Ю. Л. Правовое регулирование деятельности государственных и муниципальных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Городилова Юлия Леонидовна. – М., 2012. – 223 с.
147. Денисова, А. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Денисова Анна Владимировна. – Хабаровск, 2006. – 217 с.
148. Денисова, А. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Денисова Анна Владимировна. – Владивосток : ДГУ, 2006. – 18 с.
149. Джабуа, И. В. Правовые основы ограничения монополистической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Джабуа Ирина Вячеславовна. – М., 2003. – 191 с.
150. Жилкин, М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий в сфере экономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Жилкин Максим Геннадьевич. – М., 2001. – 249 с.

151. Жуков, Е. В. Уголовная ответственность за монополистически действия и ограничение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Жуков Евгений Валерьевич. – М., 2003. – 161 с.

152. Иванова, Я.Е. Незаконное предпринимательство : вопросы теории и проблемы правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Иванова Яна Евгеньевна. – М., 2010. – 248 с.

153. Карагезьян, У. В. Институциональные факторы неконкурентного поведения фирм в России : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Карагезьян Ульяна Владимировна. – Волгоград, 2016. – 200 с.

154. Каримов, А. М. Добровольное возмещение ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением (юридическая природа и уголовно-правовые последствия) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Каримов Адель Миннурович. – Казань, 2020. – 242 с.

155. Корниенко, В. Т. Уголовно-правовая охрана добросовестной конкуренции на потребительском рынке : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Корниенко Валерий Тарасович. – Ростов-на-Дону, 2004. – 224 с.

156. Кутилов, П. В. Механизмы регулирования антимонопольной деятельности на олигопольных рынках : дис. ... канд. юрид. наук: 08.00.05 / Кутилов Павел Владимирович. – М., 2005. – 147 с.

157. Лаптев, Д. Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лаптев Дмитрий Борисович. – М., 2016. – 181 с.

158. Мурадов, Э. С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мурадов Эльчин Сафар оглы. – М., 2008. – 235 с.

159. Неустроева, А. В. Правовые и криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Неустроева Александра Викторовна. – Саратов, 2011. – 214 с.

160. Нечаев, А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Нечаев

Алексей Дмитриевич. – Саратов, 2017.

161. Новиков, М. В. Недобросовестная конкуренция как одна из форм злоупотребления гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Новиков Максим Владимирович. – Саратов, 2018.

162. Павлова, Н. С. Экономические основания освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Павлова Наталья Сергеевна. – М., 2013. – 190 с.

163. Паньков, И. В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Паньков Илья Владимирович. – СПб., 2010. – 323 с.

164. Репин, П. Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Репин Павел Николаевич. – М., 2007. – 161 с.

165. Улезько, А. Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Улезько Аэлита Юрьевна. – М., 2005. – 191 с.

166. Устинова, Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Устинова Тамара Дмитриевна. – М., 2005. – 494 с.

167. Устинова, Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Устинова Тамара Дмитриевна. – М., 2005. – 54 с.

168. Хакулов, М. Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хакулов Мурат Хасанбиевич. – М., 2009. – 39 с.

169. Хутов, К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хутов Казбек Мухамедович. – Саратов, 2006. – 224 с.

170. Яни, П. С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Па-

вел Сергеевич Яни. – М., 1996. – 424 с.

Научная и учебная литература

171. Авдашева, С. Б. Конкурентная политика: состав, структура, система / С. Б. Авдашева, А. Е. Шаститко // Вопросы теории конкуренции. – 2010. – № 1(19). – С. 5–20.

172. Авдеев, В. А. Преступления в сфере экономики: теоретико-практический курс : учеб. пособие / В. А. Авдеев, Е. В. Авдеева. – Иркутск, 2015. – 176 с.

173. Австралия: правительство предлагает объявить картели вне закона [Электронный ресурс] // Всемирный обзор по конкуренции. – 2008. – Т. 11. – Вып. 3. – URL: <https://fas.gov.ru>.

174. Аистова, Л. С. К вопросу декриминализации незаконного предпринимательства / Л. С. Аистова // Уголовный закон в развитии : сб. науч. статей / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Тюнина. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – С. 120.

175. Акимова, И. Своеобразное ограничение конкуренции / И. Акимова // ЭЖ-Юрист. – 2012 – № 12. – С. 2.

176. Акифьева, А. Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против [Электронный ресурс] / А. Акифьева // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

177. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная : учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. Г. Кибальник, Т. В. Кленова, А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко. – М. : Проспект, 2016. – 224 с.

178. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П. В. Агапов и др.; под ред. О. С. Капинус; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М. : Проспект, 2017. – 483 с.

179. Алешин, Д. А. Экономический анализ в практике зарубежного антимонопольного регулирования : монография / Д. А. Алешин, И. В. Князева, А. Г. Сушкевич. – Новосибирск : изд-во НГТУ, 2016. – 246 с.

180. Алешин, К. Н. Добровольное сообщение о заключении картеля: назревшие реформы / К. Н. Алешин, С. В. Максимов // Российское конкурентное право и экономика. – 2018. – С. 24–33.

181. Андрященко, Е. К вопросу о методологии анализа картельных соглашений / Е. Андрященко, А. Заздравных // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 53–64.

182. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : монография, Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России ; под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова и Е. А. Войниканиса. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. – 311 с.

183. Антимонопольное регулирование: проблемы законодательства, теории и практики : монография / Отв. ред. А. П. Тенишев, И. В. Шишко, Е. Л. Лужбин. – М. : Проспект, 2018. – 272 с.

184. Артюшенко, Д. В. Роль конкурентного ведомства в борьбе с коррупцией и хищениями на торгах / Д. В. Артюшенко // Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: материалы научно-практ. конференции. – Казань, 2016. – 280 с.

185. Бабаева, Ю. Г. Специальный субъект экономических преступлений (на примере субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции») / Ю. Г. Бабаева. – М. : Прима-пресс, 2005. – 83 с.

186. Бандурина, Н. В. Картелизация как фактор снижения эффективности государственных расходов в сфере закупок / Н. В. Бандурина, А. П. Тенишев // Вестник Аксор. – 2016. – № 4(3). – С. 57–62.

187. Батычко, В. Т. Уголовное право. Особенная часть : учебник / В. Т. Батычко. – Таганрог : ИТА ЮФУ, 2015. – 942 с.

188. Бацин, И. В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) / И. В. Бацин // Российский следователь. – 2015. – № 2. – С. 23–29.

189. Беликова, К. М. Запрещенная деловая практика и квалифицирующие

ее признаки по праву ЕС и стран МЕРКОСУР. Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Боливии, Перу и Чили / К. М. Беликова, В. В. Безбах // Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 122–133.

190. Беликова, К. М. Сговор как разновидность монополистической практики, ограничивающей конкуренции в странах НАФТА / К. М. Беликова // Журнал российского права. – 2008. – № 1(133). – С. 111–125.

191. Белых, В. С. Предпринимательское право России : учебник / В. С. Белых. – М. : Проспект, 2009. – С. 83.

192. Бойцов, А. Н. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции / А. Н. Бойцов, К. В. Ображиев. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 152 с.

193. Борзило, Е. Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности. Научно-практическое руководство / Е. Ю. Борзило. – М. : Статут, 2014. – С. 85.

194. Брагин, А. П. Российской уголовное право : учеб.-метод. комплекс / А. П. Брагин. – М. : Изд. центр ЕАОИ, 2008. – 426 с.

195. Бугаевская, Н. В. Коррупционные преступления в сфере экономики: перспективы совершенствования уголовного законодательства / Н. В. Бугаевская // Уголовное право и современность : сб. науч. статей / Отв. ред. Г. А. Есаков. – Вып. 6. – М. : «Проспект», 2016. – 160 с.

196. Бульба, М. С. Программа освобождения от ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (leniency) в российском праве и праве ЕС. Сравнительный анализ отдельных аспектов правового регулирования и применения / М. С. Бульба, Е. В. Андрианова // Российское конкурентное право и экономика. – 2014. – № 3(12). – С. 28–33.

197. Бычков, В. В. О концепции отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием своего служебного положения» / В. В. Бычков, Д. А. Бражников // Российский следователь. – 2019. – № 3. – С. 37–41.

198. Векленко, С. В. Отягчающие обстоятельства недопущения, ограничения или устранения конкуренции / С. В. Векленко, Т. М. Варданян // Вестник Во-

ронезского института МВД России. – 2010 – № 21. – С. 16–21.

199. Векленко, С. В. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономики : монография / С. В. Векленко, И. А. Тихон. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – 120 с.

200. Взыскание убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства: практическое руководство / Отв. ред. С. А. Пузыревский, О. А. Москвитин, И. А. Акимова. – М. : Проспект, 2019. – С. 61.

201. Винокуров, В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография / В. Н. Винокуров. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 224 с.

202. Винокуров, В. Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания / В. Н. Винокуров. – Красноярск, 2009. – 139 с.

203. Владимирова, И. Г. Организационные формы интеграции компаний / И. Г. Владимирова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2000. – № 1. – С. 23.

204. Владимирова, П. М. Теоретический анализ составов правонарушений в области конкурентного права Российской Федерации / П. М. Владимирова // Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С. 24–30.

205. Владыка, Е. Е. Арбитражный управляющий – субъект профессиональной деятельности / Е. Е. Владыка // Предпринимательское право. Приложение к журналу. – 2011. – Вып. 3.

206. Власенко, В. В. Новая редакция ч. 2 ст. 76.1 УК РФ / В. В. Власенко // Законность. – 2017. – № 3. – С. 40–42.

207. Войцехович, А. А. Развитие норм права, предусматривающих освобождение от административной ответственности за заключение ограничивающих конкуренцию соглашений или ее смягчен / А. А. Войцехович // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 36(174). Право. – Вып. 22. – С. 111–114.

208. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (по уголовному праву России) / Б. В. Волженкин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. – 765 с.

209. Волков, Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность /

- Б. С. Волков; под ред. А. И. Левшина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 136 с.
210. Гаврилов, Д. А. Антимонопольный контроль: теория в правоприменительная практика / Д. А. Гаврилов // Конкуренция и право. – 2014. – № 2. – С. 8.
211. Гальперин, И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство / И. М. Гальперин // Основные направления борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 47–76.
212. Гармаш, А. М. Предпринимательство на грани преступления / А. М. Гармаш // ЭЖ-Юрист. – № 16. – С. 2–3.
213. Гаухман, Л. Д. Преступления в сфере экономической деятельности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М. : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфо», 1998. – 290 с.
214. Гаухман, Л. Соотношение крупного размера и крупного ущерба в УК РФ / Л. Гаухман // Законность. – 2001. – № 1. – С. 32.
215. Гилязов, Ф. Г. Проблемы субъективной стороны преступления: (социально-психологические и уголовно-правовые черты) : учеб. пособие / Ф. Г. Гилязов. – Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 1986. – 84 с.
216. Глистин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В. К. Глистин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – С. 57–58.
217. Гольдштейн, И. М. Экономическая политика: курс лекций, читанных в Моск.ун-те и в Моск. коммерч. ин-те. Вып. 1. Союзы предпринимателей. История и теория / И. М. Гольдштейн. – М., 1913.
218. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица : Постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014.
219. Гребенников, В. Картели: состав правонарушения и особенности доказывания / В. Гребенников // Конкуренция и право. – 2014. – № 1.
220. Гришина, А. С. Факторы, определяющие цены картеля / А. С. Гришина // Вестник науки и образования. – 2015. – № 4(6). – С. 128.
221. Гросул, Ю. В. О праве на занятие предпринимательской деятельно-

стью некоммерческих организаций (на примере высших учебных заведений) / Ю. В. Гросул // Юрист. – 2013. – № 12. – С. 27–29.

222. Гудков, А. П. Сговор на торгах как вид криминального ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ): проблемы законодательной регламентации / А. П. Гудков // Юридические исследования. – 2018. – № 11. – С. 19–27.

223. Гуляев, Г. Ю. Современные подходы к обеспечению конкурентоспособности региона, отрасли, предприятия: монография / Г. Ю. Гуляев, И. В. Малова, О. Е. Устинова. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. – 230 с.

224. Гурин, Н. В. Соглашения и согласованные действия в соответствии с антимонопольным законодательством / Н. В. Гурин // Туризм: право и экономика. – 2007. – № 5. – С. 30–32.

225. Гутников, О. В. Кодификация норм корпоративного законодательства об ответственности управляющих за убытки, причиненные юридическим лицам / О. В. Гутников // Журнал российского права. – 2014. – № 1.

226. Дагель, П. С. Условия установления уголовной наказуемости / П. С. Дагель // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 68–74.

227. Даниловская, А. В. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах / А. В. Даниловская, А. П. Тенишев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1(98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-sgovory-na-torgah> (дата обращения: 19.06.2019).

228. Денисова, А. В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» / А. В. Денисова // Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 26–32.

229. Денисова, А. Н. К вопросу о понятии субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 Уголовного кодекса РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» / А. Н. Денисова // Вестник ХГАЭП. – 2014. – № 6(74). – С. 103.

230. Деревягина, О. Е. Крупный ущерб как криминообразующий признак недопущения, ограничения или устранения конкуренции / О. Е. Деревягина //

Российский следователь. – 2008. – № 16. – С. 23–26.

231. Деревягина, О. Е. К проблеме обусловленности криминализации ограничения конкуренции (ч. 1 ст. 178 УК РФ) / О. Е. Деревягина // Юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 27–43.

232. Дерюга, А. Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? [Электронный ресурс] / А. Н. Дерюга // Журнал российского права. – 2011. – № 8 (176). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-priznak-administrativnogo-pravonarusheniya>.

233. Дианов, В. Комментарий к «третьему антимонопольному пакету» : учеб. пособие / В. Дианов, А. Егорушкин, Е. Хохлов. – М. : СТАТУТ, 2012. – 256 с.

234. Добрикова, Е. Антимонопольное законодательство: тенденции 2015 года [Электронный ресурс] / Е. Добрикова // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru/Article/616813/#Ixzz3zfpn9dxz>.

235. Дозмаров, К. В. Экономические методы в борьбе с картелями / К. В. Дозмаров // Экономический журнал. – 2016. – № 2(42). – С. 15–30.

236. Евтушенко, И. В. Тайное антиконкурентное поведение участников товарного рынка: мировая практика государственной борьбы с картелями. / И. В. Евтушенко // Юридическая наука и практика: история и современность : сб. материалов I Международной научно-практической конференции / Отв. ред. И. В. Пантюхина; Филиал МИУП в Рязанской обл. – 2013. – С. 261–263.

237. Егорова, М. А. Европейская и российская модели возмещения убытков, причиненных нарушениями антимонопольного законодательства: компаративный аспект / М. А. Егорова // Право и экономика. – 2015. – № 4. – С. 4–11.

238. Егорова, М. А. Картель как разновидность сделки [Электронный ресурс] / М. А. Егорова // Сборник научных статей IV Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / Под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – М., 2017. – С. 328–327. – URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/05-05-2017-egorova-doklad.pdf>.

239. Егорова, М. А. Недостатки и пути совершенствования легитимной де-

финиции понятия «признаки ограничения конкуренции» / М. А. Егорова, А. Ю. Кинев // Актуальные вопросы современного конкурентного права. – 2018. – Вып. 2. – С. 37–50.

240. Егорова, М. А. Правовые критерии картеля / М. А. Егорова, А. Ю. Кинев // Право и экономика. – 2016. – № 4. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/19877>.

241. Егорова, Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления) : монография / Н. А. Егорова. – Волгоград : Перемена, 2006. – 552 с.

242. Егорушкин, А. В. Антимонопольное законодательство: очередной этап реформы / А. В. Егорушкин, Е. А. Полякова, Е. С. Хохлов ; под ред. Е. С. Хохлова. – М. : Волтерс Клувер, 2010.

243. Елифанова, Е. В. Криминализация и декриминализация деяний / Е. В. Елифанова // Российская юстиция. – 2006. – № 5. – С. 26–31.

244. Ершов, В. В. Экономическое право и экономическая теория / В. В. Ершов, Е. М. Ашмарина, В. Н. Корнев // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 68.

245. Есаков, Г. А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Г. А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 359 с.

246. Есаков, Г. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы / Г. А. Есаков // Закон. – 2019. – № 8. – С. 140–152.

247. Жалинский, А. Э. Преступления в сфере экономической деятельности // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. Э. Жалинский; под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М., 1996. – 1088 с.

248. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : Велби; Проспект, 2004. – 560 с.

249. Жданов, Н. М. Основания освобождения от административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства / Н. М. Жданов, С. С. Суменков // Административное право и процесс. – 2015. – № 5. – С. 28–32.

250. Загородников, Н. И. Значение объекта преступления для определения меры наказания по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М., 1949. – 47 с.
251. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. Зателепин // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 29.
252. Захаров, Г. Как функционируют картели [Электронный ресурс] / Г. Захаров // Корпоративный юрист. – 2010. – № 5. – URL: <http://www.garant.ru>.
253. Злобин, Г. А. Основания и принципы уголовно-правового запрета / Г. А. Злобин // Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 70–76.
254. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. – М. : Юрид. лит., 1972. – 264 с.
255. Иванов, Л. Об уголовной ответственности юридических лиц / Л. Иванов // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 31–38.
256. Иванов, С. А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России : монография / С. А. Иванов. – Ставрополь : Ставрополь-сервисшкола, 2005. – 136 с.
257. Иващенко, К. А. Ограничение конкуренции. Уголовно-правовая характеристика преступления / К. А. Иващенко // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2015. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26575600>.
258. Иващенко, К. А. Проблемы самовоспроизводства картелей / К. А. Иващенко // Российское конкурентное право и экономика. – 2018. – № 4 (16). – С. 18–23.
259. Изосимов, С. В. Преступления, совершаемые в сфере экономики : учеб. пособие / С. В. Изосимов, В. И. Тюнин, Ю. И. Степанов. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 347 с.
260. Иногамова-Хегай, Л. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения / Л. Иногамова-Хегай, С. Черобедов // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 25–31.

261. Интервью с М. А. Овчинниковым, начальником управления контроля промышленности и оборонного комплекса ФАС России [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

262. Исмаилов, М. И. Взаимодействие антимонопольных и правоохранительных органов при доказывании наличия антиконкурентных соглашений (ст. 11 и ст. 16 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» / М. И. Исмаилов, В. Н. Юдин // Российское конкурентное право и экономика. – 2016. – № 2(6). – С. 46–54.

263. Истомин, А. Ф. Общая часть уголовного права : учеб. пособие / А. Ф. Истомин. – М. : Инфа-М., 1997. – 271 с.

264. Кабурнеев, Э. В. Понятие квалифицирующих признаков и их роль в дифференциации уголовной ответственности за убийство / Э. В. Кабурнеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 4. – С. 70–73.

265. Казакевич, В. Платежные терминалы: правила игры / В. Казакевич, Е. Денисова // Конкуренция и право. – 2014. – № 1. – С. 55.

266. Кайшеев, А. В. Общественно опасные последствия как конструктивный признак некоторых преступлений в сфере экономической деятельности / А. В. Кайшеев // Экономика и право. – 2015. – Т. 25. – Вып. 1. – С. 147–149.

267. Кальченко, А. А. Конкурентное сотрудничество и картель: анализ отличий / А. А. Кальченко, Н. А. Овечкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2014. – № 11. – С. 8.

268. Кенни, К. Основы уголовного права / К. Кенни. – М. : Иностранная литература, 1949. – С. 599.

269. Кинев, А. Ю. Антиконкурентные соглашения и экономическая безопасность Российской Федерации / А. Ю. Кинев, А. П. Тенишев // Актуальные вопросы современного конкурентного права. – М., 2017. – 288 с.

270. Кинев, А. Ю. Об уголовной ответственности за картели / А. Ю. Кинев, А. П. Тенишев // Юрист. – 2017. – С. 7–14.

271. Кинев, А. Ю. Борьба с картелями в России [Электронный ресурс] / А.

Ю. Кинев // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

272. Кинев, А. Ю. Взаимодействие антимонопольных органов с органами внутренних дел – важный фактор повышения эффективности борьбы с картелями / А. Ю. Кинев // Юридический мир. – 2012. – № 5. – С. 16–20.

273. Кинев, А. Ю. Картели и другие антиконкурентные соглашения [Электронный ресурс] / А. Ю. Кинев // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

274. Кинев, А. Ю. Картели и другие антиконкурентные соглашения: право и практика / А. Ю. Кинев – М. : Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. – 368 с.

275. Кинев, А. Ю. Картели. Система доказывания и судебная практика / А. Ю. Кинев, Н. Н. Егорычев, П. В. Самолысов, А. П. Тенишев // Закон. – 2013. – № 4. – С. 131–138.

276. Кинев, А. Ю. Картель – тайная монополия: сборник статей и интервью / А. Ю. Кинев. – М., 2012. – 232 с.

277. Кинев, А. Ю. Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов / А. Ю. Кинев, О. П. Франкевич // Картели и иные антиконкурентные соглашения. Проблемы предупреждения, пресечения и ответственности : сб. науч. ст. и тезисов / Под общ. ред. И.Ю. Артемьева, А.Г. Лисицына-Светлова; Научный Совет РАН по проблемам защиты конкуренции, Федеральная антимонопольная служба. – М. : Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2017.

278. Кинев, А. Ю. Классификация антиконкурентных соглашений при проведении торгов / А. Ю. Кинев, О. П. Франкевич // Юрист. – 2017. – № 13. – С. 18–22.

279. Кинев, А. Ю. Ответственность за антиконкурентные соглашения (картели) / А. Ю. Кинев // Законодательство. – 2011. – № 6. – С. 58–67.

280. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – М. : Статут, 2005. – 572 с.

281. Клепицкий, И. А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? / И. А. Клепицкий // Законодательство. – 2005. – № 10.

– С. 56–63.

282. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: монография. – М.: Проспект. – 2021. – 984 с.

283. Князева, И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие для студентов вузов / И. В. Князева. – 5-е изд., перераб. – М. : Омега-Л, 2011. – 380 с.

284. Князьков, А. А. Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации / А. А. Князьков // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 92–97.

285. Козлов, А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 / А. П. Козлов. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 752 с.

286. Козлов, А. В. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Козлов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1(10). – С. 72–74.

287. Колчевский, И. Б. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» [Электронный ресурс] / И. Б. Колчевский, Е. И. Ложкина, В. В. Власенкова. – М. : ОПНК ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. – URL: <https://narodirossii.ru/?p=577>.

288. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. – М., 2005. – 640 с.

289. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – М. : Норма, 2007.

290. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М. : Издательская группа «ИНФРА-М-НОРМА», 2000. – 896 с.

291. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрайт, 2019. – 371 с.

292. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / Под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. – М. : Норма, «Инфра-М», 2013.
293. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (постатейный) [Электронный ресурс] / А. Н. Кайль, Н. А. Агешкина, М. М. Серебренников, М. Г. Холкина // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2014. – URL: <http://www.consultant.ru>.
294. Конкурентное право России [Электронный ресурс] // Российское конкурентное право и экономика. Научно-практический электронный журнал. – Вып. 2. – С. 69. – URL: // www.fas.gov.ru.
295. Конкурентное право России : учебник / Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило и др.; отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 391 с.
296. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. – М. : Юстицинформ, 2018. – 628 с.
297. Коржанский, Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений : учеб. пособие / Н. И. Коржанский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976. – С. 6.
298. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток, 1987. – 268 с.
299. Коростелев, В. С. «Использование служебного положения» как способ совершения преступлений: вопрос судебного толкования / В. С. Коростелев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2(22). – С. 213.
300. Корпоративное право : учебный курс [Электронный ресурс] / Отв. ред. И. С. Шиткина; предисл. Е. П. Губина // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
301. Корчагин, А. Г. Уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики и управления: сравнительное изучение / А. Г. Корчагин, А. М. Иванов // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 40–47.

302. Кострова, М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект [Электронный ресурс] / М. Кострова // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

303. Кошаева, Т. О. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в сфере конкуренции / Т. О. Кошаева // Конкуренция в рыночной экономике. Пределы свободы и ограничений [Электронный ресурс] : монография. – М. : Юриспруденция, 2016. – 384 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/68050.html>-ЭБС «IPRbooks».

304. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л. Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета. – 2007 – № 4 – С. 56–64.

305. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории назначения наказания: законодательство и практика / Л. Л. Кругликов. – Ярославль, 2010. – С. 296.

306. Кубанов, Г. С. Вопросы совершенствования законодательной регламентации общественно опасных последствий преступлений / Г. С. Кубанов // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatelnoy-reglamentatsii-obschestvenno-opasnyh-posledstviy-prestupleniy> (дата обращения: 19.06.2019).

307. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М., 1960. – 244 с.

308. Кузнецов, А. П. Проблемы конструирования мотивов и целей преступлений в сфере экономической деятельности / А. П. Кузнецов, Е. В. Маслова // Российский следователь. – 2007. – № 14. – С. 9–11.

309. Куликов, Е. А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения [Электронный ресурс] / Е. А. Куликов // Юридические исследования. – 2016. – № 1. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_17662.html.

310. Курляндский, В. Н. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности / В. Н. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 77–95.

311. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 2001. – 767 с.
312. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления: в 6 т. Т. 5. Часть особенная / Г. Л. Кригер, А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин. – М. : Наука, 1971. – 572 с.
313. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – 605 с.
314. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 4. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М. : Зерцало-М, 2002. – 672 с.
315. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2000. – 400 с.
316. Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – 528 с.
317. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
318. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
319. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) / Н. А. Лопашенко // Криминологический журнал БГУЭП. – 2010. – № 4(14). – С. 36–44.
320. Макконнелл, К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М., 1992. – Т. 1. – С. 52–53.
321. Максимов, С. В. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности : монография / С. В. Максимов, К. А. Утаров; под ред. Л. Э. Мидели, В. П. Заварухина. – М. : ИПРАН РАН, 2018. – 80 с.
322. Мальцев, В. В. Учение об объекте преступления : монография : в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы / В. В. Мальцев. – Волго-

град, 2010. – 264 с.

323. Мартемьянов, В. Должностные нарушения антимонопольного законодательства / В. Мартемьянов // Конкуренция и право. – 2012. – № 6. – С. 45.

324. Мартемьянов, В. С. Хозяйственное право. Общие положения : курс лекций. Т. 1 / В. С. Мартемьянов. – М. : БЕК, 1994. – С. 3.

325. Марцев, А. И. Общие вопросы учения о преступлении : монография / А. И. Марцев. – Омск, 2000. – 136 с.

326. Матвеева, Я. М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / Я. М. Матвеева // Известия вузов. Правоведение. – 2014. – № 1(312). – С. 162–171.

327. Местецкий, Л. М. О применении математических методов при анализе согласованных действий участников рынка / Л. М. Местецкий, А. Ю. Кинев // Тетради Международного университета в Москве. – Вып. 12. – Ч. 2. Россия XXI века: методология и практика междисциплинарного сотрудничества. – М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2010. – С. 18–51.

328. Методика расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьей 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» : метод. рекомендации. – М., 2015. – 50 с.

329. Мокронос, А. Г. Конкуренция и конкурентоспособность : учебное пособие / А. Г. Мокронос, И. Н. Маврина. – Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2014. – 194 с.

330. Мосунова, Н. Иммунитет для картелиста / Н. Мосунова // Конкуренция и право. – 2018. – № 1. – С. 14–26.

331. Мурадов, Э. С. Мотивы и цели в преступлениях в сфере экономической деятельности / Э. С. Мурадов // Соискатель. – 2004. – № 1. – С. 33–36.

332. Мы сторонники мирного интеллектуального расследования и методов экономического принуждения. Интервью с начальником управления по борьбе с картелями ФАС России А. П. Тенишевым // Конкуренция и право. – 2018. – № 1. – С. 9–13.

333. Навроцкий, В. А. Можно ли упущенную выгоду учитывать в качестве

преступных последствий? / В. А. Навроцкий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. материалов 3-й Междунар. практ. конф. – М. : МГЮА, 2006. – С. 330–332.

334. Наумов, А. В. Комментарий к главе 5 УК РФ / А. В. Наумов // Комментарий к УК РФ / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. – М., 2000. – 326 с.

335. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А. В. Наумов. – М. : Изд-во «БЕК», 1996. – 560 с.

336. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов ; Ин-т государства и права РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «БЕК», 2000. – 573 с.

337. Наумов, А. В. Проблемы декриминализации: причины и способы / А. В. Наумов // Советская юстиция. – 1990. – № 14. – С. 19–21.

338. Наурызбаев, А. Д. Понятие «имущество», «имущественные права» и их соотношение с категориями «собственность» и «право собственности» / А. Д. Наурызбаев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 1-2 (29-30). – С. 257–264.

339. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / Отв. ред. И. Ю. Артемьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2016. – С. 32.

340. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] / Под ред. И.Ю. Артемьева // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

341. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1960.

342. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : Изд-во «НОРМА», 2001. – 208 с.

343. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Л. Г. Кригер и др.; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

344. Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об

экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России : монография / Л. Л. Кругликов, А. В. Иванчин, О. Ю. Комарова и др.; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 372 с.

345. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: монография / Отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2016. – 296 с.

346. Павлова, Н. С. Программы ослабления наказания: выбор между альтернативами / Н. С. Павлова // Бюллетень конкурентной политики. – 2012. – № 2. – 22 с.

347. Паращук, С. А. Понятие и виды монополистической деятельности / С. А. Паращук // Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) / Под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2016. – С. 300–316.

348. Папченкова, Е.А. Сделки, представительство, исковая давность: поста-тейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.

349. Петрова, А. С. Особенности антимонопольного регулирования отношений в сфере интеллектуальных прав / А. С. Петрова // Конкурентное право. – 2016. – № 2. – С. 22–25.

350. Печников, Н. П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России : курс лекций / Н. П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. Ун-та, 2009. – 64 с.

351. Пинкевич, Т. В. Преступления в сфере экономической деятельности: Уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации / Т. В. Пинкевич. – Ставрополь, 2000. – 207 с.

352. Пинкевич, Т. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности / Т. В. Пинкевич. – Ставрополь, 1999. – 262 с.

353. Питецкий, В. В. Об интеллектуальном и волевом моменте преступной небрежности. Избранные труды / В. В. Питецкий; предисл. А. С. Горелика. – Красноярск : Юрид. ин-т КрасГУ, РУМЦ по юрид. образованию, 2006. – 248 с.
354. Питецкий, В. В. Субъективная сторона преступления. Глава IX / В. В. Питецкий // Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 448 с.
355. Питецкий, В. В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии / В. В. Питецкий // Избранные труды. Красноярск: Юрид. ин-т КрасГУ, РУМЦ по юрид. образованию, 2006. – 248 с.
356. Плохова, В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность / В. И. Плохова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 295 с.
357. Познер, Р. А. Экономический анализ права : в 2 т. / Р. А. Познер. – СПб. : Экономическая школа, 2004.
358. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / Под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. – 1133 с.
359. Попондопуло, В. Ф. Защита конкуренции: законодательное регулирование в России и за рубежом / В. Ф. Попондопуло // Международное публичное и частое право: проблемы и перспективы. – СПб., 2007. – С. 427–447.
360. Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник : в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. О. М. Олейник. – М. : Юрист, 1999. – С. 19–21.
361. Процедуры в конкурентном праве : учеб. пособие / Отв. ред. С. А. Пузыревский. – М. : Проспект, 2019. – 296 с.
362. Пудовочкин, Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы / Ю. Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 70–81.
363. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.
364. Рарог, А. И. Умысел в формальных преступлениях, при приготовлении, покушении и соучастии / А. И. Рарог // Советское государство и право. – М. :

Наука, 1977. – № 1. – С. 63–71.

365. Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография / А. И. Рарог. – М. : Проспект, 2015. – 232 с.

366. Российское предпринимательское право : учебник / Л. В. Андреева, Т. А. Андропова, Н. Г. Апресова и др. ; отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. – М. : Проспект, 2012. – 803 с.

367. Российское уголовное право. В 2 т. Т. I. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М. : Профобразование, 2003. – 872 с.

368. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. проф. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. – М. : «КОНТРАКТ», 2014. – 560 с.

369. Рудакова, О. В. Потребности и интересы как детерминанты экономического поведения / О. В. Рудакова // Вестник ТГУ. – 2009. – № 1. – С. 325. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebnosti-i-interesy-kak-determinanty-ekonomicheskogo-povedeniya> (дата обращения: 28.06.2019).

370. Руководство по антикартельному регулированию в сфере государственных закупок на основе пособия Международной конкурентной сети по антикартельному регулированию с научно-практическим комментарием / Под общ. ред. И. Ю. Артемьева, А. Г. Лисицына-Светлова; Научный совет РАН по проблемам защиты конкуренции; Федеральная антимонопольная служба. – М. : Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2018. – 128 с.

371. Руководство по применению антикартельного законодательства. Международная конкурентная сеть. – М., 2007. – 50 с.

372. Русанов, Г. А. Экономические преступления : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Г. А. Русанов. – М. : Юрайт, 2019. – 224 с.

373. Рыженков, А. Я. Право и монополии в современной России : монография / А. Я. Рыженков. – Москва : Юстицинформ, 2017. – 206 с.

374. Рясков, А. В. Понятие и сущность признака «использование служебного положения» в российском уголовном праве» / А. В. Рясков // Юрист-правоведь. – 2007. – № 6(25). – С. 22–25.

375. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР

и РСФСР 1917–1952 гг. / Под ред. проф. И. Т. Голякова. – М. : Государственное изд-во юрид. лит., 1953. – 463 с.

376. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М., 1997. – 676 с.

377. Соколовская, Е. Проблемы квалификации антиконкурентных соглашений / Е. Соколовская // Конкуренция и право. – 2011. – № 3. – С. 15–18.

378. Солодилова, Э. Д. Извлечение дохода в крупном размере как признак преступного картеля / Э. Д. Солодилова // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 48–52.

379. Соловьев, О. Г. Дискуссионные вопросы оценки признаков объективной стороны ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ) / О. Г. Соловьев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – №1. – С. 9-12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-otsenki-priznakov-obektivnoy-storony-ogranicheniya-konkurentsii-st-178-uk-rf>.

380. Стариков, И. Ю. Перечисление в Федеральный бюджет дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, как мера административной ответственности / И. Ю. Стариков // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 308.

381. Сулакшин, С. С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений (государственных политик) / С. С. Сулакшин // Проблемы современного государственного управления в России. – Вып. 1. – М., 2006.

382. Суслов, Е. Программы смягчения ответственности за картельные соглашения: Практика России, Великобритании и Европейского Союза / Е. Суслов // Конкуренция и право. – 2011. – № 3. – С. 26–32.

383. Сухаренко, А. Декартелизация экономики / А. Сухаренко // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 24. – С. 2.

384. Сушкевич, А. Г. Антиконкурентные соглашения / А. Г. Сушкевич // Конкурентное право России / Отв. ред. И. Ю. Артемьев, А. Г. Сушкевич ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издат. дом Высшей школы эконо-

мики, 2012. – С. 118.

385. Сушкевич, А. Г. Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия [Электронный ресурс] / А. Г. Сушкевич // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

386. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – М. : Наука, 1994. – 380 с.

387. Тарасенко, О. А. О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций / О. А. Тарасенко // URL: <http://отрасли-права.рф/article/781>.

388. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву / В. Я. Таций. – Харьков, 1982. – 101 с.

389. Тенишев, А. Дела о картелях: итоги 2014 / А. Тенишев // Конкуренция и право. – 2014. – № 6. – С. 22–23.

390. Тенишев, А. П. Готовность номер один [Электронный ресурс] / А. П. Тенишев // Конкуренция и право. – 2007. – № 1. – URL: <https://e.cljournal.ru/559155>.

391. Тенишев, А. П. Роль экономического анализа при доказывании картелей / А. П. Тенишев, М. А. Хамуков // Вестник АКСОП. – 2016. – № 1. – С. 214–218.

392. Тотьев, К. Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник / К. Ю. Тотьев. – М. : Издательство РДЛ, 2000. – 352 с.

393. Тотьев, К. Ю. Уголовная ответственность за монополистическую деятельность / К. Ю. Тотьев // Хозяйство и право. – 1998. – № 6. – С. 57–61.

394. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Юрид. лит., 1957. – 363 с.

395. Трофимов, В. Н. Аналитический обзор применения судами антимонопольного законодательства за II квартал 2004 года [Электронный ресурс] / В. Н. Трофимов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

396. Трунцевский, Ю. В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической дея-

тельности: закономерности и методика подсчета / Ю. В. Трунцевский, И. В. Осипов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 122–148.

397. Турбина, К. Е. Современное понимание имущественных интересов как объекта страхования / К. Е. Турбина // Финансы : журнал. – 2000. – № 11. – URL: https://juristlib.ru/book_1663.html.

398. Тюленева, Е. А. Характеристика субъекта преступления, совершаемого с использованием служебного положения, в сфере экономики / Е. А. Тюленева, А. А. Кузнецов // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 1(26). – С. 52–54.

399. Тюнин, В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб.-метод. пособие / В. И. Тюнин. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 384 с.

400. Тюнин, В. И. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) / В. И. Тюнин // Ученые записки юридического факультета. – 2012. – Вып. 24(34)–25(35). – С. 187–195.

401. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учеб. пособие / Под ред. В. К. Дуюнова. – М. : РИОР; ИНФРА-М, 2017. – 403 с.

402. Уголовное право России. Общая и особенная часть : учебник / Под ред. В. П. Ревина. – М., 1998. – 390 с.

403. Уголовное право России. Общая часть : учеб. пособие / Под ред. Н. И. Ветрова. – М.; Смоленск, 2001. – 248 с.

404. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Под ред. В. П. Ревина. – М. : Юстицинформ. 2016. – 580 с.

405. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А. И. Рарога. – М. : ИМПЭ: Триада, 1996. – 479 с.

406. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / Под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – 588 с.

407. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Под ред. А. И. Марцева. – Омск, 2006. – 448 с.

408. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Под ред. В. С. Комиссарова. – 2-е изд. – М. : Статут, 2014. – 879 с.

409. Уголовное право: Часть общая. Часть особенная : учебник / Под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М. : Юриспруденция, 1999. – 784 с.
410. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / Под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. – М. : Норма, 2008. – 784 с.
411. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / Под ред. Н. Г. Кадникова – М. : Городец, 2006. – 911 с.
412. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Т. 1 : учебник для прикладного бакалавриата / Отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – М. : Юрайт, 2019. – 248 с.
413. Уголовное право. Общая часть : учебник / Под ред. А. Н. Тарбагаева – М. : Проспект, 2016. – 752 с.
414. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. И. В. Шишко. – М. : Проспект, 2011. – 448 с.
415. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог и др.; под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2012. – 288 с.
416. Упоров, И. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями / И. Упоров, А. Хун // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 64.
417. Урда, М. Н. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности : учеб. пособие / М. Н. Урда ; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 148 с.
418. Устинова, Т. Д. Квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности (ст. 172 и 178 УК РФ) : науч.-практ. пособие / Т. Д. Устинова. – М., 2005. – 176 с.
419. Устинова, Т. Д. Проблемы квалификации преступлений, посягающих на порядок ведения предпринимательской деятельности / Т. Д. Устинова. – М. : Изд-во «СигналЪ», 2002. – 176 с.
420. Ушаков, А. Ю. Уголовно-правовая и криминалистическая характери-

стика преступлений, совершаемых в целях ограничения конкуренции на товарных рынках / А. Ю. Ушаков // Правовая система в Российской Федерации: история, содержание, применение норм, проблемы, пути решений : материалы II Международной научно-практической конференции, 15 декабря 2016 г. Пермь. – Пермь, 2017. – С. 159–166.

421. Федотов, А. Г. Некоторые дискуссионные проблемы уголовного права / А. Г. Федотов // Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.

422. Фетисов, А. К. Разрешение споров в арбитражных судах, связанных с применением антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / А. К. Фетисов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

423. Фефелов, П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний / П. А. Фефелов // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101–105.

424. Филимонов, В. Д. Генезис преступления : монография / В. Д. Филимонов. – М., 2017. – 144 с.

425. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 198 с.

426. Франскевич, О. П. Применение отдельных запретов антимонопольного регулирования к деятельности саморегулируемых организаций [Электронный ресурс] / О. П. Франскевич. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/21840>.

427. Франскевич, О. П. Сговоры на торгах как форма монополистической деятельности / О. П. Франскевич // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 1. – С. 16.

428. Хабаров, С. А. Сговор как форма координации на торгах / С. А. Хабаров // Юрист. – 2014. – № 15. – С. 33–37.

429. Хавронюк, Н. И. Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний / Н. И. Хавронюк // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке : сб. междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГЮА, 2004. – С. 447–453.

430. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 352 с.
431. Хамуков, М. А. Особенности проявления картелей в российской промышленности и методы их выявления / М. А. Хамуков // Вестник СавКавГТИ. – 2016. – № 4(27). – С. 62.
432. Хилюта, В. В. Проблемы доктринальной оценки уголовно-правовых норм, закрепленных в гл. 25 Уголовного кодекса / В. В. Хилюта // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 6. – С. 220–226.
433. Цариковский, А. Ю. Борьба с картелями как одно из направлений укрепления ациональной безопасности России / А. Ю. Цариковский // Картели и иные антиконкурентные соглашения. Проблемы предупреждения, пресечения и ответственности : сб. научных статей и тезисов / Под общ. ред. И. Ю. Артемьева, А. Г. Лисицына-Светлова; Научный Совет РАН по проблемам защиты конкуренции, Федеральная антимонопольная служба. – М. : Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2017. С. 14.
434. Чельшев, М. Ю. Межсистемный подход к ограничению конкуренции / М. Ю. Чельшев, М. В. Талан, А. В. Михайлов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2015. – Т. 157. – Кн. 6. – С. 256–267.
435. Чельшев, М. Ю. Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований / М. Ю. Чельшев, М. В. Талан, А. В. Михайлов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». – 2015. – Т. 157. – Кн. 6. – С. 256–267.
436. Черемных, Ю. Н. Микроэкономика. Продвинутый уровень / Ю. Н. Черемных. – М. : ИНФРА-М, 2008. – С. 460.
437. Чигарин, Т. Объект преступления и его структура [Электронный ресурс] / Т. Чигарин. – URL: // [http: www.allpravo.ru](http://www.allpravo.ru).
438. Чупрова, Е. В. Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии / Е. В. Чупрова. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 208 с.

439. Чураев, Т. Г. Уголовная ответственность за ограничение и устранение конкуренции / Т. Г. Чураев // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 72–78.

440. Шавырина, А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений [Электронный ресурс] / А. С. Шавырина // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/11-4-voprosy-sootnosheniya-prestupleniy-i-smeznyh-administrativnyh-pravonarusheniy>.

441. Шаститко, А. Е. Государственная политика в отношении соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию (экономический подход). Аналитический доклад / А. Е. Шаститко. – М. : ТЕИС, 2004. – 61 с.

442. Шаститко, А. Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия / А. Е. Шаститко // Российский журнал менеджмента. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 31–56.

443. Шаститко, А. Е. Программа ослабления наказания за участие в картеле: проблемное поле, структурные альтернативы и эффекты [Электронный ресурс] / А. Е. Шаститко, Н. С. Павлова. – М., 2015. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2608418>.

444. Шаститко, А.Е. Уголовное право в антитрасте – хорошее место для встречи права и экономики / А. Е. Шаститко, К. В. Дозмаров // Закон. – 2020. – № 9. – С. 144–150.

445. Шишко, И. В. Вина и преступления в сфере экономической деятельности / И. В. Шишко // Уголовное право. – 2002 – № 3. – С. 55–59.

446. Шишко, И. В. Объект охраны «экономических» уголовно-правовых норм / И. В. Шишко // Правовое регулирование рыночных отношений в современной России : материалы науч.-практ. конф. – Челябинск : ЧелГУ, 2003. – С. 3–10.

447. Шишко, И. В. Объект преступного ограничения конкуренции / И. В. Шишко, О. Е. Деревягина // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XI Всерос. науч.-практ. конференции (20 сентября 2018 г.) / Отв. ред. Г. Л. Москалев, Е. А. Акунченко. – Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2018. – 149 с.

448. Шишко, И. В. Преступное ограничение конкуренции (часть 1 статьи 178 УК РФ): признаки объективной стороны / И. В. Шишко, О. Е. Деревягина // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 551–561. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).551-561. (0,6 п.л.)
449. Шишко, И. В. Субъект ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) / И. В. Шишко, О. Е. Деревягина // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 1(38). – С. 173–180.
450. Шишко, И. В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 307 с.
451. Шоломова, Е. В. Антиконтурентное соглашение: как распознать / Е. В. Шоломова // Промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2012. – № 3. – С. 51–69.
452. Щеглов, Д. С. Место принудительной ликвидации юридических лиц в системе гражданско-правовой ответственности / Д. С. Щеглов // Крымский научный вестник. – 2015. – № 3. – С. 34–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskikh-lits-v-sisteme-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 24.04.2020)
453. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности / Н. В. Щедрин. – Красноярск, 1999. – 180 с.
454. Юсупова, Г. Ф. Должно ли тайное становиться явным? Оптимальный дизайн расследования картелей в условиях программы ослабления наказания / Г. Ф. Юсупова, Е. Е. Нестеренко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 91–120.
455. Юсупова, Г. Ф. Программа освобождения от наказания против картельного благополучия на российских товарных рынках / Г. Ф. Юсупова // Современная конкуренция. – 2015. – № 6(54). – С. 20–37.
456. Яковлев, А. М. Законное определение преступлений в сфере экономической деятельности / А. М. Яковлев // Государство и право. – 1999. – № 11. – С. 38–43.

457. Яни, П. С. Проблемы уголовно-правовой охраны экономики от недобросовестной конкуренции / П. С. Яни // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 22–27.
458. Яни, П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля / / П. С. Яни // Законность. – 2020. – № 5. – С. 45–49.
459. Яцеленко, Б. В. Ущерб как последствие преступлений в сфере экономической деятельности / Б. В. Яцеленко, М. Г. Жилкин // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. ст. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 2002. – Вып. 5. – С. 21–32.
460. Ячеистова, Н. Пресечение антиконкурентных действий: международный опыт правового регулирования / Н. Ячеистова // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 13–15.

Справочная литература и статистические материалы

461. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Книжный мир, 2005. – 543 с.
462. Киперман, Г. Я. Популярный экономический словарь / Г. Я. Киперман, Б. С. Сурганов. – М. : Экономика, 1993. – 252 с.
463. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. И. Шведова; Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1994. – 928 с.
464. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, ИН-т лингвист. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.
465. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М., 2019. – 512 с.
466. Статистические сведения ГИАЦ МВД России за 2003–2017 гг. Форма 491. Раздел 8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

467. Арбитражный суд Самарской области поддержал позицию Самарского УФАС России в отношении ООО «СМТ», ООО «Джии Хэлскеа» и Минздрава Самарской области [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/news/24879>.

468. Без сроков за картель: о чем бизнес попросил Медведева [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/07/2018/5b5ee4799a7947cea4e1add8>.

469. Дворцова, Е. Улика в пользу сговора / Е. Дворцова, А. Евпланов // Российская газета. – 2007. – 17 апреля.

470. Картелизация российской экономики [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/content/infografika/2026>.

471. Картельный сговор при проведении тендера [Электронный ресурс] / Пер. И. Красиковой // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru>.

472. Книга жалоб и предложений российского бизнеса 2018 [Электронный ресурс] // Доклад Президенту Российской Федерации Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. – 2018. – URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf>.

473. Новости. Владимир Груздев: нужен постоянный мониторинг принятых в уголовном законодательстве мер [Электронный ресурс]. – URL: <http://alrf.ru/news/vladimir-gruzdev-nuzhen-postoyannyu-monitoring-prinyatykh-v-ugolovnom-zakonodatelstve-mer>.

474. Пензенское УФАС России: «дорожные компании» оштрафованы на сумму более 21 млн рублей за картельный сговор [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/news/27230>.

475. Раскрыт самый массовый картель в России [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/news/3307>.

476. ФАС раскрыла один из крупнейших сговоров поставщиков медоборудования для лечения сердечно-сосудистых заболеваний [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/news/23437>.

477. ФАС: картельные сговоры обходятся России в 1,5–2 % ВВП в год [Электронный ресурс] // Информационный портал ФАС России. – URL: <https://fas.gov.ru/publications/14850>.

Источники на иностранном языке

478. Canenbley, C. Germany in The Application of Articles 85 & 86 of The EC Treaty by National Courts in Member States / C. Canenbley, F.T. Klinbeil. – P. 5, 8, 9.

479. Derevjagina, O. E. Destruction or property damage as a qualifying sign of non-admission, restriction or elimination of competition / O. E. Derevjagina, A. S. Mironchik // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 261–266.

480. Hüschehrath, K. How Are Cartels Detected? The Increasing Use of Proactive Methods to Establish Antitrust Infringements / K. Hüschehrath // 1 Journal of European Competition Law and Practical. – 2010. – Vol. 1. – №. 6. – P. 522–528.

481. Lianos, I. A Regulatory Theory of IP: Implications for Competition Law, CLES Working Paper Series 1/2008 / I. Lianos. – URL: <https://www.ucl.ac.uk/cles/research-paper-series/research-papers/cles-1-2008>.

482. Joined Cases C-295/04, C-296/04, C-297/04 and C-298/04. Vincenzo Manfredi (C295/04) v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA and Antonio Cannito (C-296/04) v. Fondiaria Sai Assicurazioni Spa and Nicolo Tricario (C-297/04 Pasqualina Murgolo (C-298/04) v. Assicurazioni Spa. – URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-295/04&language=en>.

483. Kallioinen, M. Cartel success and institutions. The Finnish Cotton Cartel, 1903–1939 / M. Kallioinen // Business History. – 2015. – Vol. 57(4). – P. 512.

484. Kuhn, K. U. Fighting collusion by Regulating Communication Between Firms / K. U. Kuhn // Economic Policy. – 2001. – 32. – P. 169–204.

485. Moore, M. S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law / M. S. Moore. – Oxford University Press, 1997. – P. 18.

486. Practical guide Quantifying harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 of the treaty on the functioning of the European union //

C(2013)3440; Strasbourg, 11.6.2013; SWD (2013) 205. P. 16. – URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_guide_en.pdf.

487. Boshoff, W. H. Illegal cartel overcharges in markets with a legal cartel history: bitumen prices in south africa / W. H. Boshoff. // South African Journal of Economics. – 2015. – Vol. 83:2. – P. 222.

488. Quantifying antitrust damages. – URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_study.pdf.

489. Communication from the Commission on quantifying harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union (Text with EEA relevance) (2013/C 167/07) // OJ C 167/19. 13/06/2013. – URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_guide_en.pdf).

490. Draft guidance paper quantifying harm in actions for damages based on breaches of article 101 or 102 of the Treaty on the functioning of the European Union. – URL: http://ec.europa.eu/competition/consultations/2011_actions_damages/draft_guidance_paper_en.pdf.

491. Quantifying antitrust damages. – URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/quantification_study.pdf.

492. Hammond, Scott d. Measuring the Value of Second-In Cooperation in Corporate Plea Negotiations / Scott d. Hammond. – Washington, D.C. – March 29, 2006. – URL: <https://www.justice.gov/atr/speech/measuring-value-second-cooperation-corporate-plea-negotiations>.

493. The Competition Act of 1986 R.S., c. C-34, s.1; R.S., c.19 (2nd Supp.), s.19, as amend. – URL: <http://www.competition-bureau.gc.ca/internet> (Официальный сайт Управления по охране конкуренции Канады).

Приложение 1

ПОСЛЕДСТВИЯ КАРТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ, УКАЗАННЫЕ В ЗОЗК

Ч. 1 ст. 11 ЗоЗК				
Картельные соглашения приводят к:				
1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;	2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;	3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);	4) сокращению или прекращению производства товаров;	5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНЫХ НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, УКАЗАННЫХ В ЗОЗК

Ч.1 ст. 10 ЗоЗК	Ч.1 ст. 11.1 ЗоЗК	Ч.2 ст.11 ЗоЗК	Ч.5 ст.11 ЗоЗК	Ст.16 ЗоЗК
Злоупотребление доминирующим положением	Согласованные действия	Вертикальные соглашения	Координация экономической деятельности ¹	Соглашения с органами власти
Действия (бездействия): 1) установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара ² ; 2) изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара; 3) навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора...; 4) экономически или технологически	Приводят к: 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; 3) разделу товарного рынка по территориальному прин-	Приводят к: 1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, 2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца.	Приводят к: 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров	Приводят к: 1) повышению, снижению или поддержанию цен (тарифов),.... 2) экономически, технологически и иным образом не обоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар;

¹ Поскольку ч.5 ст. 11 ЗоЗК сформулирована со ссылкой на другие части этой статьи (Физическим лицам, коммерческим организациям и некоммерческим организациям запрещается осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов, если такая координация приводит к любому из последствий, которые указаны в [частях 1 - 3](#) ст.11 ЗоЗК...»), то мы приводим все эти последствия, соблюдая нумерацию последствий каждой из частей.

² В таблице подчеркнуты волнистой линией последствия, формулировка которых не совпадает дословно с последствиями картеля, однако совпадающие по содержанию.

<p>не обоснованные сокращение или прекращение производства товара, если на этот товар имеется спрос или размещены заказы на его поставки при наличии возможности его рентабельного производства, а также если такое сокращение или такое прекращение производства товара прямо не предусмотрено...;</p> <p>5) экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, а также в случае, если такой отказ или такое уклонение прямо не предусмотрены;</p> <p>6) экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар, если иное не установлено федеральным законом;</p> <p>7) установление финансовой организацией необоснованно высокой или необоснованно низкой цены финансовой услуги;</p> <p>8) создание дискриминационных условий;</p> <p>9) создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам;</p> <p>10) нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования;</p> <p>11) манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности).</p>	<p>ципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);</p> <p>4) сокращению или прекращению производства товаров;</p> <p>5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), если такой отказ прямо не предусмотрен федеральными законами.</p>		<p>либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);</p> <p>4) сокращению или прекращению производства товаров;</p> <p>5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).</p> <p>1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара...;</p> <p>2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта, который является конкурентом продавца.....</p> <p>- Соглашения приводят к манипулированию ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности).</p>	<p>3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо по составу продавцов или покупателей (заказчиков);</p> <p>4) ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов.</p>
--	---	--	--	--

Приложение 2

Условия освобождения от ответственности: сравнение прим. 1 к ст. 14.32 КоАП, прим. 3 к ст. 178 УК и ч. 2 ст. 76.1 УК

<p>Прим. 1 к ст. 14.32 КоАП Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности</p>	<p>Прим. 3 к ст. 178 УК Ограничение конкуренции</p>	<p>Ч. 2 Ст. 76.1 УК Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба</p>
<p>Лицо (группа лиц)</p> <p>Совокупно: 1) первым добровольно заявило; 2) на момент обращения лица с заявлением антимонопольный орган не располагал соответствующими сведениями и документами о совершенном административном правонарушении; 2) лицо отказалось от участия или дальнейшего участия в соглашении; 3) представленные сведения и документы являются достаточными для установления события административного правонарушения</p>	<p>Лицо</p> <p>Совокупно: 1) первым и добровольно сообщило об этом преступлении; 2) активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления; 3) возместило причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладило причиненный вред И 4) если в его действиях не содержится иного состава преступления</p>	<p>Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 178 УК РФ</p> <p>Альтернативно: 1) возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления; И перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба. <i>Итоговая сумма выплаты – более 30 млн руб. (10 млн ущерб + 10 млн*2)</i> 2) перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, И денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления. <i>Итоговая сумма выплаты – более 150 млн руб. (50 млн + 50 млн*2)</i> 3) перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, И денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, 4) либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, И денежное возмещение в двукратном размере этой суммы</p>